

АНДРОПОВ

В воспоминаниях
и оценках
соратников
и сослуживцев

Под общей редакцией
А.Г. Сидоренко

**АНДРОПОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ
СОРАТНИКОВ И СОСЛУЖИВЦЕВ**

Под общей редакцией
А.Г. Сидоренко

Москва
«Артстиль-Полиграфия»
2011

УДК 351.746.1(47+57)(092)(093.3)

ББК 67.401.212

А 66

Художественное оформление:

А. Стрельченко, Д. Осипова

Книга издана при поддержке Фонда имени Ю.В. Андропова

Под общей редакцией А.Г. Сидоренко

А 66

АНДРОПОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ
СОРАТНИКОВ И СОСЛУЖИВЦЕВ

М.: Издательство ООО «Артстиль-Полиграфия», 2011. — 336 с., илл.
1-е издание

ISBN 978-5-9902343-4-5

Предлагаемая читателям книга представляет собой сборник статей с воспоминаниями соратников и сослуживцев Юрия Владимировича Андропова, которые вместе с ним и под его руководством трудились в бытность его на дипломатическом поприще, в партийных, государственных органах, а также в различных структурах Комитета государственной безопасности СССР. В книге представлены точные, выверенные сведения о Ю.В. Андропове как личности, партийном и государственном деятеле, прошедшем большой и сложный путь от студента Рыбинского речного техникума до руководителя Советского государства.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9902343-4-5 ББК 67.401.212

© Под общей редакцией А.Г. Сидоренко, 2011

© Оформление ООО «Артстиль-Полиграфия», 2011

ISBN 978-5-9902343-4-5

9 785990 234345

Одно из последних стихотворений
Юрия Владимировича

Да, все мы смертны, куда не покрути
Все эта история, странная, которой нету,
Но в нас потемный я, как все у нас
И память обложке сотрет следы лета

Мы бредим в злом мире "под луной";
Жизнь - только миг; небытие - навек.
Кружится во вселенной шар земной
Живут и исчезают все же люди.

Но сущее, рожденное во миге
Неисчерпимо на пути к рассвету,
Иные поколения на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.

От редактора

Предлагаемая читателям книга представляет собой сборник статей с воспоминаниями соратников и сослуживцев Юрия Владимировича Андропова, которые вместе с ним и под его руководством трудились в бытность его на дипломатическом поприще, в партийных, государственных органах, а также в различных структурах Комитета государственной безопасности СССР. В книге представлены точные, выверенные сведения о Ю.В.Андропове как личности, партийном и государственном деятеле, прошедшем большой и сложный путь от студента Рыбинского речного техникума до руководителя советского государства.

Авторы не дают аннотации к каждой из публикуемых статей, они кратки по объему и потому не нуждаются в пояснениях. Мы только просим читателей обратить особое внимание вот на какие излагаемые в книге обстоятельства.

Андропов был выдвинут на ключевой пост в государстве после проведенных в стране разрушительных волюнтаристских хрущевских экспериментов над партией, государством, народным хозяйством, армией, флотом, после полного развала всех структур безопасности страны, после совершенных глумлений над кадрами Вооруженных сил. Он был выдвинут в руководство партии и государства в то время, когда они входили в номенклатурно-интеллектуальный застой, в безответственность, потерю управляемости экономикой, когда начала набирать силу теневая экономика, стало расцветать мздоимство и другие негативные явления. Это — с одной стороны. С другой стороны, Советский Союз был втянут в изнурительную «холодную войну», которая реально угрожала перерасти в ракетно-ядерную войну со всеми ее суровыми, жестокими последствиями. В то время против советского государства была развязана тотальная подрывная деятельность западных разведок и других спецслужб, стратегия и тактика которых были нацелены на «расшатывание» социалистического общественного и государственного строя. Подрывная деятельность противников советского

государства осуществлялась на основе тщательно разработанных долгосрочных разведывательно-организационных операций, и являла собой комплекс шпионских действий и хорошо продуманных акций идеологической диверсии, в ней были задействованы легальные и нелегальные возможности, она была возведена на уровень государственной политики ведущих капиталистических стран.

15 лет Ю.В.Андропов выполнял тяжелейшие обязанности обеспечения безопасности советского государства и общества. Он воссоздал разваленную систему безопасности, устранил накопившиеся в ней негативные явления, придал ей новые черты, сделал боеспособными и органы, и войска КГБ СССР, создал систему надежного обеспечения безопасности государства и общества, внес большой вклад в обороноспособность страны.

В 1982 году Ю.В.Андропову было доверено руководить партией и государством. Вследствие тяжелой болезни не суждено ему было реализовать то, что он наметил своим прозорливым умом. Но ведь и сделал много, и политико-организационное наследие оставил большое.

Твердо уверены: упрекнуть его не в чем. Он оставил о себе хорошую память у нашего народа, надо быть благодарным за то, что в истории нашего государства был такой видный деятель. Его смелая, новаторская деятельность на различных государственных постах – это бесценный опыт творческого отношения к изучению и осмыслению социальных процессов, выработки выверенной, взвешенной политики. Проведено много опросов различных категорий респондентов, и в каждом из них наши современники оценивали Андропова как лучшего руководителя страны в XX веке.

Об Андропове написано много статей, проведены специальные исследования «советологическими центрами» США, ФРГ, Великобритании. Во многих таких центрах существовали группы по изучению деятельности Андропова или, как у них принято говорить, занимались андроповедением, изучением феномена Андропова. Характерно, что и эти организации в лице их ведущих специалистов оценивают его преимущественно только с поло-

жительной стороны, обычно выставляют ему высокие оценки за эффективность деятельности.*

Находятся, однако, люди, которые льют потоки грязи, немислимую клевету на эту заслуженную личность. Подумайте, уважаемые читатели, для чего это делается? Мы же, соратники и сослуживцы Юрия Владимировича, представляем вам его таким, каким знали его многие годы совместной работы и личного общения.

В мае 1982 года Пленум ЦК КПСС избрал Ю.В.Андропова Секретарем Центрального Комитета. Перед уходом из ЦК Юрий Владимирович собрал у себя в кабинете своих заместителей, помощников, руководителей подразделений центрального аппарата, консультантов при председателе КГБ. Встречу открыл первый заместитель председателя генерал армии Георгий Карпович Цинев. Сообщив о решении Пленума ЦК, Цинев высказал теплые слова благодарности в адрес Юрия Владимировича и пожелал ему успехов на новом месте работы, высоко оценив его деятельность на посту председателя КГБ.

С ответным словом выступил Юрий Владимирович. Мы полагаем стенограммой его выступления и этой стенограммой открываем нашу книгу.

* Б.Л.Прозоров. Рассекреченный Андропов: взгляд извне и изнутри. М: «Гудок», 2004.

Стенограмма выступления Андропова перед руководством КГБ СССР в день его перехода на работу в ЦК КПСС 18 мая 1982 года

Дорогой Георгий Карпович (первый зампреда КГБ Цинев)!

Дорогие товарищи члены Коллегии, заместители и все собравшиеся здесь! Я искренне благодарен вам за те теплые слова, которые вы написали, может, и с перебором малость, в Адресе, но все равно приятно, хоть и с перебором. (Смех, аплодисменты).

Мы проработали вместе 15 лет, и Виталий Васильевич (Федорчук) успел побывать здесь, поработать, поехать на Украину и там поработать.

15 лет – ведь это срок немалый. Мы с кем-то подсчитывали – это почти треть активной трудовой жизни мы с вами были вместе. Всякое было. И трудно было, и неуспехи были, и неудачи, и ЧП, и хвалили мы кое-кого, ругались. По делу ругались. Для пользы дела.

Я просто хочу сказать, что не такие они простые, наши отношения.

Служба наша непростая, и отношения в ходе этой службы тоже очень непростые. Я хотел бы, чтобы эту мысль товарищи усвоили. Понимаете, мы иногда себя называем военной организацией, военно-политической организацией, хотя, по-моему, мы сложнее, потому что мы – чекистская организация. На поверхности – военная гимнастерка и военный мундир, а под поверхностью – там должно быть много такого, что просто в военные каноны не укладывается, а укладывается в более хитрые, в более тонкие построения, которые требуют очень большой партийности, очень большой закалки, очень больших требований, которые мы должны предъявлять друг к другу и каждый к себе, разумеется. Вот отсюда и такие, так сказать, перипетии в наших отношениях: сегодня хвалишь, завтра ругаешь, послезавтра еще как-то вопросы поворачиваются. Жизнь у нас не простая, жизнь сложная.

Мы боремся, мы же сами говорим, что мы — на передовой линии борьбы. А всякая борьба, тем более передовая линия борьбы, связана с тем, что приходится и наступать, и отступить, и всякие обходные маневры делать, и при всем этом соблюдая такой вид, как будто мы ничего не делаем. Мы же в глазах других не выпячиваем свою деятельность. Мы стараемся показать, что ну есть вот здание на Лубянке, есть люди на Лубянке. Они трудятся. Что они там делают?

Нет-нет, кто-то из нас выступает с докладами о чекистской деятельности. Но, в общем, это не так уж часто и только по необходимости. А вообще я думаю, что если и дальше так держать курс, чтобы нам не шибко хвалиться тем, что мы делаем, без нужды (когда надо, ну тогда надо), — это было бы правильно.

Если говорить сейчас о моем состоянии, что я могу вам сказать по-честному? Я уже сказал: 15 лет — это 15 лет, поэтому их не вырвешь, не отрежешь и не выбросишь, они никуда не денутся, они всегда со мной, и, стало быть, вы всегда со мной. С другой стороны, я понимаю, что значит доверие Пленума Центрального Комитета партии, и буду стараться это доверие оправдать там как можно лучше.

Тут Георгий Карпович упоминал в Адресе и в выступлении роль Леонида Ильича и Центрального Комитета партии в деле становления органов.

Я вам прямо скажу: у меня такое впечатление, что был какой-то момент в нашей деятельности, в начале 67-го года, когда обстановка складывалась таким образом: всякого рода диссиденты и т.д. под влиянием нелепых мыслей и действий Хрущева активизировались, вышли на площади, а у нас в арсенале, понимаете, одна мера — арест. И больше ничего нет. А теперь вы знаете (не обо мне речь, а просто повод, видимо, и в связи со мной), говорят, что КГБ в своем арсенале имеет и другие меры для того, чтобы и врагов разгромить, и диссидентов вразумить.

Так вот я хочу сказать, что этот переломный момент прямо связан с тем вниманием, которое оказал нам, органам, Центральный Комитет партии и лично Леонид Ильич.

Когда мы говорим, что роль органов поднята, она поднята, конечно, усилиями всей нашей партии, всего нашего Центрального Комитета. Без них, как бы ни старались, мы бы ничего не сделали. Только благодаря тому, что была такая поддержка мощная, благожелательная, мы восстановились, восстановились в другом качестве, и главное — мы стали ближе к народу. Мы должны вместе с народом защищать свое Отечество. Вот в чем заключается главный принцип нашей работы. Поэтому служить верно, служить самоотверженно Отечеству и народу своему — это первейшая задача чекистов, и нам надо весь чекистский коллектив воспитывать в этом духе. (Аплодисменты).

Ну а расстаемся мы так: с одной стороны — грустно, с другой стороны — надо, но все-таки для коммунистов всегда на первом месте было «надо». Так и будем поступать. (Аплодисменты).

А.Г.Сидоренко

Жизнь, отданная служению Отечеству

27 лет нет с нами Юрия Владимировича Андропова. Осталась позади одна, началась и продолжается другая эпоха. Если говорить о главном, то не стало страны, государства и партии, которыми довелось руководить Юрию Владимировичу, разрушен социалистический мир, в котором он занимал важное место.

Ушли из жизни многие бывшие руководители нашего государства, о многих уже забыли, других вспоминают недобрым словом. Андропова вспоминают часто, вспоминают по-разному. Чаще всего пытаются глубоко и достаточно объективно проанализировать весь его жизненный путь. Появляются, однако, книги и объемные статьи, авторы которых пытаются цинично, несправедливо, безо всяких на то оснований оболгать, оклеветать этого человека, представить его народу совершенно не таким, каким он был в действительности. Важно при этом заметить, что такого содержания книги и статьи пишут люди, которые не только не работали с Андроповым, но никогда не видели его.

Мы не будем отвечать на грязные измышления каждого из подобных авторов, ответы — в самом содержании предлагаемой читателю книги. Книга эта не только повествование о великом, достойном исторической памяти человеке, это одновременно и частица летописи советской эпохи, в которой мы жили и трудились.

Со своей стороны хочу сказать: у меня есть все основания и огромное желание написать об Андропове истинную правду и обязательно рассказать, за что так искренне любили его бывшие чекисты-андроповцы, и почему чтут его память чекисты нынешнего времени.

Мне суждено было четыре года трудиться в аппарате Ю.В.Андропова в качестве заместителя и первого заместителя начальника Секретариата — начальника дежурной службы КГБ СССР. За четыре года ежедневных, а подчас и ежечасных общений, многочисленных бесед, совместных проработок множества документов по проблемам стратегии и тактики контрразведки и развед-

ки, многих вопросов деятельности ЦК КПСС и советского правительства, пришлось очень близко узнать этого человека, сделать необычные наблюдения многих и многих сторон стиля и содержания его работы, распознать немало сокровенных мыслей, взглядов и суждений, многие из которых никогда им, по известным только ему одному причинам, не предавались публичной огласке.

* * *

Юрий Владимирович Андропов обладал многими личностными качествами. Назову лишь некоторые.

Первое и пожалуй самое важное качество — он любил людей труда и сам много и плодотворно трудился. На его долю выпало много испытаний, перенести, выдержать которые мог только он. Говорят, Андропов — это своего рода самородок. Пожалуй это так, но только в том смысле, что он с раннего детства и самостоятельно, без чьей бы то ни было помощи и опеки смог войти сначала в простую рабочую жизнь, а пройдя через многие испытания, стать значительной личностью, приобрести известность в стране и мире.

Формирование личности Андропова, этого удивительно-го человека, началось еще в трудные детские годы, а как государственного деятеля — совпало с военным лихолетьем. Юрий Владимирович часто в узком кругу говорил, что самое сильное влияние на формирование его характера и деловых качеств оказали учеба в Рыбинском речном техникуме и работа на речных судах Волжского речного пароходства. Он мечтал стать мореплавателем, сожалел, что довелось служить только на речных судах. Часто спрашивал меня об особенностях службы на боевых надводных кораблях и подводных лодках, где мне пришлось прослужить более десяти лет. Упрекал меня в том, что по приходе на службу в его аппарат я перестал носить морскую форму. «Ты опять в штатской одежде», — упрекал он меня иногда. А на мои невнятные объяснения, что в центральном аппарате вроде бы принято ходить в штатском, и не хотелось бы выделяться из общей массы и т.п., неизменно говорил: «Запомни: лучше морской формы никто в мире еще не придумал».

А какую крепкую, удивительную мужскую дружбу он поддерживал с боцманом, с которым Юрий Владимирович плавал на речном судне. Боцман (к сожалению, не помню его фамилии) был одним из немногих, кого Юрий Владимирович принимал в семейном кругу, интересовался у него многими сторонами жизни страны и народа, ценил его советы и назидания.

Почему-то мало написано об Андропове как руководителе партизанского движения в Карелии. В то время он перенес пожалуй самые большие трудности, там закалился его характер непоколебимого защитника Отечества. В снегах и болотах Карелии он получил и тяжелое заболевание, застудив до неизлечимого состояния почки, заболевание, которое не отступало от него все последующие годы.

Второе качество личности Андропова заключается в том, что он был необыкновенно скромным во всем, совершенно не был склонен к фетишизму денег и к предметам потребления, тем более к роскоши. Он годами носил одно и то же пальто, сменяя его в весеннюю и осеннюю пору на один и тот же плащ. Зарплату получал как член Политбюро, зарплату Председателя КГБ финансовый отдел перечислял в подшефный детский дом. Был совершенно равнодушен к подаркам, никогда не принимал их лично, даже осматривать их отказывался. Принятые офицером приемной подарки строго по описи по его указанию передавались в детские дома, санатории, Центральный клуб, столовые. Категорически запрещал принимать подарки с драгоценными металлами и драгоценными камнями. Не было ни одного случая, чтобы он взял какой-либо подарок для домашнего обихода. Как-то немецкие коллеги подарили Юрию Владимировичу ценный столовый сервиз, а чехи — набор хрустальных бокалов. Он распорядился передать их в столовую руководящего состава. Официантки по просьбе его помощника обращали внимание каждого зампреда и начальника главка на то, что у них новая посуда, которую передал в столовую Юрий Владимирович. Так он хотел дать понять всем, что подарки надо сдавать. И как говорят сведущие люди, этот прием и хорошо известное личное отношение Андропова к подаркам оказывали свое воздействие.

Он был очень скромен и неприхотлив в быту. Занимал с семьей четырехкомнатную квартиру; в коридоре на полу лежали простые половики, в зале — потертый ковер, мебель была старая, дешевая. Начальник охраны Ю. Спорыхин как-то сказал ему: «Юрий Владимирович, мебель надо бы заменить». Он рассердился: «Тебе надо, вот ты и меняй, меня эта устраивает». Дачу он занимал в Барвихе старой постройки из дерева; там были спальня, небольшая столовая, кухня, один туалет, ванная и две комнаты (по одной для семьи сына и семьи дочери). Когда приезжала близкая родственница жены Татьяны Филипповны, ей ставили односпальную кровать в загородке возле кухни. Переезжать на другую дачу Юрий Владимирович отказывался.

Отдыхал Андропов обычно в Кисловодске, Ялте или Сочи, на отдых за границу не ездил, хотя его часто приглашали. Не любил, чтобы его встречали, всегда просил, чтобы не перекрывали движение и не создавали видимости кортежа. Завтракать, обедать и ужинать всегда сажал за один стол с собой всех офицеров охраны и врача Валентина Архиповича Архипова. Очень любила всех этих людей Татьяна Филипповна, по-доброму относилась к ним. Раз-другой к обеду приезжал Горбачев, иногда с женой, садились обедать всегда все вместе. От охраны Горбачева нашим товарищам было известно, что Горбачев выражал удивление таким порядком. Отобедав, Горбачев обычно уезжал, Юрий Владимирович никогда не уединялся с ним для разговоров, выходящих за рамки тех, которые велись за столом. За обедом Юрий Владимирович часто шутил, предметом острот нередко был доктор Архипов, который во время игры в домино любил «мухлевать». Юрий Владимирович неизменно говорил ему: «Если ты будешь продолжать шельмовать, мы не будем больше принимать тебя в свою компанию». Такие вот редкие пребывания в санаториях, да еще иногда просмотр кинофильмов были для Юрия Владимировича часами отдыха. Все остальное время — в работе.

Зададимся вопросом — действительно ли Андропов предложил Брежневу кандидатуру Горбачева на выдвижение в ЦК КПСС? То, что известно мне и моим товарищам, позволяет сказать, что Андропов какую-то роль в этом сыграл, скорее

всего, он поддержал, а не предложил его кандидатуру, но инициатива исходила не от него. К тому же надо учесть, что в то время речь шла о выдвижении Горбачева на должность Секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Что касается Генерального секретаря, то хорошо знаю, что на свое место Юрий Владимирович рекомендовал избрать Григория Васильевича Романова, об этом мне говорил В.М.Чебриков, причем в присутствии ныне здравствующих свидетелей. Изучал он с этой точки зрения и Н.И.Рыжкова. Не случайно Рыжков был последним, кто навестил Юрия Владимировича в больнице, и с которым он тепло, по-отечески попрощался. Почему-то ведь именно его пожелал увидеть Юрий Владимирович перед кончиной. Он имел обыкновение подавать знаки. Подал он знак и в трагические минуты. Не поняли его? Или же не посчитались с его волей? Да, кремлевские сидельцы поступили по-своему. Они не подумали об интересах страны, выдвинули на пост Генерального секретаря немогущего и непригодного для этой роли Черненко. После смерти Черненко на эту должность Громыко порекомендовал Горбачева, в чем впоследствии сильно раскаивался. Романова и Рыжкова, как известно, Горбачев впоследствии убрал из Политбюро. Рыжкова освободил и от должности председателя правительства.

Выделю еще одно качество Андропова. Оно проявлялось в его отношении к власти. Для Юрия Владимировича было характерным быть лидером, руководить коллективом, он и проявил себя как неординарная личность во власти, и народу стал известен и дорог как представитель большой власти. Особо надо выделить следующее: Андропов определял себя во власти только через обязанности и ответственность, а не через права и привилегии. Он был предельно ответственным сам и этого же требовал от других.

Почему-то во многих статьях, книгах говорится, что Андропов был загадочной личностью. Причем в такое определение разные авторы вкладывают разные смыслы, некоторые и вовсе доходят до измышлений о том, что он якобы возглавлял некую «русскую партию», «заключил соглашение КГБ с ЦРУ и вместе с ЦРУ готовил развал СССР». Нагромождается много других небылиц,

чтобы «доказать» загадочность личности Андропова, а на самом деле опорочить, оболгать этого честнейшего человека.

Хочу успокоить читателя: Андропов не был загадочной личностью, в том, конечно, грязном смысле, как это пытаются представить некоторые авторы. Вся его «загадочность» заключалась в масштабе личности, в широте взглядов на жизнь, в способности постигать новое, в необычайной работоспособности, молниеносной реакции на сложные события. Приведу только один пример. Часто приходилось в ночное время по телефону закрытой связи докладывать ему срочные шифротелеграммы. Читаю текст из 3–4-х страниц, молча слушает, по завершении чтения говорит: «Прочти мне еще раз третий абзац первой страницы». Зачитываю и вдруг слышу: «Написано неточно, напиши этот абзац в следующей редакции и прочти мне абзац в середине последней страницы “о том-то”». Зачитываю и тут же получаю указание: «Немедленно передай содержание телеграммы начальнику такого-то управления и следующее мое поручение»... Такая необыкновенная способность запоминать большие тексты, схватывать в них самое важное, мгновенная реакция Юрия Владимировича постоянно удивляла всех, кто с ним работал.

Его жизненной философией были оптимизм и поиск нового. Андропов не был знаменитостью, он был Человеком.

* * *

Выступая в разных аудиториях, я часто слышал вопрос: «Скажите, был ли Андропов государственным?». И неизменно отвечал: «Да, Андропов был государственным» и на фактах доказывал эту непреложную истину. Но такого рода вопросы заставили меня глубоко задуматься над тем, а что же такое государственность, что означает — быть государственным?

В связи с возникающими вопросами нелишне будет кратко рассмотреть столь важное историко-философское, и политико-социологическое понятие, каким является «государственность». Тем более, что понятия «государственность» и «государство» нередко трактуются как тождественные. Между тем эти сходные понятия имеют разную смысловую нагрузку.

Конечно, понятие «государственность» вытекает из понятия «государство». Вместе с тем, оно имеет более широкое смысловое содержание и включает в себя множество свойственных ему качественных характеристик. В самом кратком понимании государственность — это исторический взгляд на государство и все его слабые. Государственность — это отношение к государству и его функционированию, понимание того, каким оно должно быть.

Государство как политическую категорию можно рассматривать статически, хотя, разумеется, оно имеет свою динамику, ее элементы находятся в постоянном развитии и совершенствовании. Но, как свидетельствует история, государство, в силу различных обстоятельств, может остановиться в своем развитии и даже пойти в обратном направлении. Что же касается самой категории «государственность», то она главным образом содержит верные векторы функционирования государства, на основе хорошего их знания можно всегда поправить состояние государства в данный конкретный период и поддерживать его в заданных государственностью параметрах.

Государственность как политическая категория означает диалектическое развитие государства, указывает на его исторические корни и обозначает перспективы развития, определяет степень крепости, силы государства, помогает осознать государственные национальные интересы и их приоритеты. Категория «государственность» обязывает не только государство, но и общество, всех его граждан проявлять заботу о своем государстве, принимать меры к защите его устоев и интересов. Государственность характеризует уровень развития государства и общества, его образующего. При этом важно иметь в виду, что государственность выражает государствообразующую, государствосберегающую и государствовразвивающую роль и обязанность не только российского государства, но и, прежде всего, русского и других народов России. Из всего изложенного вытекает и столь возвышенно употребляемое, такое важное и ценное для каждого из нас понятие, каким является Отечество.

Российская государственность основывается на суверенной демократии. Русский философ Иван Ильин провидчески пред-

упреждал, что демократия — самая сложная форма правления, она требует своего воплощения в многочисленных формах, разнообразиях и вариантах, с непременным учетом самобытных российских особенностей.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Категория государственность, равно как и категория страна, являются постоянными. Они, конечно, подвержены развитию, эволюции, но только на своей природной, наработанной веками основе. Что касается государства, то этот механизм управления делами общества и страны подвержен постоянному совершенствованию. Изменение сущности государства чаще всего бывает связано с изменением общественно-экономического строя, формации государства. Эти изменения, безусловно, оказывают существенное влияние на состояние общества; к сожалению, от таких изменений обществу наносятся обычно тяжелые травмы. Страна в целом тоже страдает, надламываются многие ее устои, опоры, традиционные национальные ценности. Самыми благоприятными изменениями являются, естественно, те, которые направлены на «исправление» государства в сторону государственности, когда принимающиеся меры направлены к тому, чтобы государство функционировало в интересах всего народа, нации.

Ну а что же вкладывается в понятие государственный? Как нам представляется, государственный — это человек, который, занимая соответствующую должность в государственном аппарате, хорошо понимает исторически сформировавшиеся и утвердившиеся в своей стране принципы государственности, ставит государственные интересы выше личных, неукоснительно исполняет законы и иные предписания государства, отдает себя сполна служению своей стране и народу.

Ю.В.Андропов хорошо понимал эту непростую диалектику, и вся его деятельность была направлена на совершенствование и укрепление государства, служение своему Отечеству. Это с точки зрения нравственной.

Если попытаться ответить на этот вопрос с точки зрения функциональной, то, думается, можно сказать так: государственный — это личность, которая на том или ином уровне госу-

дарственной службы осуществляет государственное управление. В государственном же управлении важнейшее место занимает функция принятия решений. Это большое искусство — принимать управленческие решения, и Юрий Владимирович владел этим искусством в совершенстве, у него учились этому многие. Он умел понимать, распознавать и усваивать самые сложные явления жизни, видеть их ближайшие и отдаленные последствия. Поясню это следующим, очень важным, обстоятельством. Кое-кто из сегодняшних общественных деятелей упрекает Андропова в том, что он «преследовал русофилов». Хорошо знаю: никто «русофилов» не преследовал, другое дело, что их предостерегали от того, чтобы они не нагнетали эту тему. Что же касается Андропова, то он всегда был обеспокоен возможностью возникновения негативных социальных проявлений, особенно националистического характера. Не исключаю, что он мог увидеть в «русизме» предтечу возникновения лозунгов «Россия для русских», недопустимых в многонациональной стране. Мы же видим, чем обернулись лозунги «Россия для русских», «движения» против мигрантов с Кавказа, Средней Азии и т.п.

Андропов крайне негативно относился к национализму во всех его формах и проявлениях, утверждал, что в нашей многонациональной стране надо культивировать идеи дружбы народов и государственный патриотизм, означающий любовь к Отечеству и служение Отечеству. Юрий Владимирович часто обращал внимание на то, что национализм является основным орудием борьбы враждебных сил против национальных государств, он был взят на вооружение еще во времена колониальных порабощений многих народов мира. Излюбленным в тактике колонизаторов был принцип «разделяй и властвуй», который и сегодня активно используется многими мировыми политическими игроками. В подрывной деятельности против СССР, как известно, излюбленной тактикой тоже было разжигание национализма в союзных республиках. В некоторых из них действовали подпольные боевые националистические формирования.

Сегодня нередко приходится слышать и читать, что национализм бывает и позитивным, что именно национализм явля-

ется тем фактором, который формировал нации и государства. Не буду отвергать этот тезис, где-то ведь и сегодня национализм выступает фактором консолидации национальных сил и стимулирования национально-освободительных движений. Но мы-то говорим о многонациональном Советском Союзе и хорошо знаем, что там национализм не выполнял и не мог выполнять никакой позитивной консолидирующей и организующей роли. В любом своем проявлении он приводил этнические сообщества к агрессии, вражде, разъединению. Не случайно прозорливый Андропов много раз предупреждал: «мы находимся в одной лодке, нельзя ее раскачивать, она может опрокинуться». А ведь это и произошло. Развал СССР начался с националистических столкновений, а затем и вспыхнувших войн на Кавказе.

Национализм накалил обстановку, стал основным орудием борьбы против Союза, за выход из СССР и в Прибалтийских государствах.

А что подвигло трех руководителей союзных республик на сговор в Беловежской пуще о развале СССР? Именно национализм и болезненная тяга к власти толкнули их на такой беспримерный акт.

Вследствие многих причин важнейшим направлением национальной политики было и есть преодоление национализма. Это, конечно, отдельная большая тема, она глубоко исследуется многими нашими мыслителями. Сошлюсь только на одно весьма актуальное, заслуживающее большого внимания обсуждение этого важного вопроса на «круглом столе» журнала «Москва» в 2010 году по теме «Русский вопрос сегодня». Эта тема, как видно, созвучна теме «русизма». «Круглый стол» вел и высказал много ценных суждений по теме главный редактор журнала Л.Бородин. Приведу отдельные фрагменты выступлений одного только участника «круглого стола» Олега Матвейчева. Они в полной мере соответствуют взглядам, которых придерживался Андропов.

Высказав отрицательное отношение к русскому национализму, О.Матвейчев сказал: «Когда-то Московское княжество было в три раза меньше Литовского, а стало гигантским, огром-

ным народом, одним из самых больших на земле, огромной империей, в которую вошли все другие народы. И мы сейчас хотим иметь равные права с другими? То есть стать маленьким народиком с такой же маленькой идентичностью? Мы другой народ, вот тот самый, про который говорили русские поэты и философы, — “всечеловеки мы”».

«Россия и развивалась потому, что ее народ хотел быть всеобщим, а не особенным. “Все флаги в гости будут к нам...” Не культивировать национализм — ни наш, и никакой другой. Вот за что я выступаю. Ане за права меньшинств и не зато, чтобы русских свести на положение такого же меньшинства, дав им одинаковые права с тунгусами. Часто спрашивают: как я отношусь к национализму? К какому? К украинскому? К грузинскому? Латышскому? Плохо. К русскому? У нас так и получается: чужой национализм плох, а свой хорош! Давайте будем принципиальными: национализм или плох, или хорош — любой. Мне отвратителен национализм поляков или грузин. Вам, как я понимаю, тоже. Но заметьте, им будет так же отвратителен русский национализм. А я не хочу, чтобы что-то русское вызывало отвращение у кого бы то ни было. Национализм — удел наций-неудачниц, одержимых комплексом исторической неполноценности. Зачем это нам? И опасность в том, что сейчас в России в решающую фазу входит то, что можно назвать *демаргинализацией национализма* (здесь и далее курсив мой — А.С.). Социология фиксирует, что лозунг “Россия для русских” поддерживает до 15% населения и около 30% согласны с тем, что русские должны быть привилегированной нацией в России. Между тем совершенно понятно: *национализм — единственная опасность, которая реально может взорвать и уничтожить страну*. Если бы сейчас кто-нибудь в Вашингтоне или Пекине, в Лондоне или Аддис-Абебе планировал уничтожить Россию к 2015 году и перебирал различные варианты, то он вряд ли решился бы действовать теми же методами, которыми когда-то разваливали Советский Союз. Никакие статьи о “репрессиях Сталина” сегодня уже не помогут. Народ России получил иммунитет против демшизоидной пропаганды. *Есть только один способ взрыва ситуации, применять старый*

принцип “Разделяй и властвуй!” – спекуляция на национальных, религиозных и культурных различиях. Тот, кто желал бы уничтожить Россию, понимал бы, что ему нужно зажечь Кавказ, что ему нужно расшевелить Татарстан, вызвать волнения в Туве, Бурятии, Якутии, спровоцировать беспорядки между несколькими десятками национальных диаспор в Москве. Достаточно поднести спичку, и последствия могут быть самые чудовищные. Про политическую стабильность и экономический рост уже говорить не придется. *Не случайно старейшие ненавистники России пытаются сейчас натравить русских на мусульман.* Если такая война разгорится, это спасет и Европу, и Америку. Они давно уже мечтают воевать с мусульманским миром нашими руками “до последнего русского”. В России полтора десятка миллионов мусульман, да еще на границах миллионов сто пятьдесят! Поссорь их с русскими – и нет никакой России. Всем спецслужбам мира это ясно. Это не ясно только “патриотам России”, которые усиленно кричат про “засилье черных”, про “Россию для русских”, а заодно и про жидомасонский заговор. Национализм опасен еще и тем, что его проблему нельзя решить с помощью договоров и разговоров. Наоборот, *разговоры на национальную тему подчиняются не “логике консенсуса”, где стороны отступают от первоначально радикальных мнений, а “логике катастрофы”, когда стороны становятся крайними радикалами тем сильнее, чем дольше тянется разговор.* Любое обсуждение национальных, религиозных, культурных различий плохо само по себе. Это все равно что заливать костер бензином. При этом неважно, что говорится. Говорят «за» национализм или против, за русских или против, за татар или против. Всякий раз, сидя перед телеэкраном, зритель наверно думает: “А я кто? Я русский? Или татарин? Или еще кто-то? А если я татарин, то какие это обязательства на меня накладывают? Надо учить язык, надо ходить в мечеть, надо ненавидеть русских?” и т.д. Так вместо того, чтобы думать о зарплате, о профессиональной карьере – думать о чем угодно, он сбивается на ненужные для государства мысли о своей национальной идентичности.

Но проблема в том, что отвлечь от темы национализма теперь не удастся. В этом специфика сегодняшнего момента. Об этом надо было думать раньше. Теперь поздно. Национализм в моде. *Так что же? Теперь включается логика: “Если нельзя оставаться, то надо возглавить!”*. Раз так, то, может быть, Кремлю и президенту стать главными националистами в стране? *Нет, это самоубийственно, да этого и не требуется. Кремль не может себе этого позволить*, он не может и не должен в многонациональной стране возглавлять идеологию национализма. Но здесь важно расставить нужные акценты.

Национализм — это действительно враждебная и разрушающая страну идеология, которую используют враги России и которой по глупости увлекаются ее слишком большие “друзья”. *Национализм не может привести ни к чему иному, как к ответному национализму других этносов, в итоге это разрушает страну.*

Так что же делать? Пугать, но пугать другим. Страшно то, что в итоге исчезнет единственное преимущество России в мире, исчезнет то, чем каждый гордится, что впитал в себя с молоком матери, — величина России. На эту жертву даже националисты не готовы идти. Многие из них по привычке все еще являются империалистами. Они думают, что может существовать “Россия для русских” в тех же пределах, что и нынешняя Россия, а это не так. Нужно показать, что нынешняя Россия — это не некая “естественная величина”, а величина, за которую мы платим неким ужиманием прав титульной нации, несем “бремя белого человека”. Точка зрения, что Россия должна стать маленькой страной с исконно русским населением, ужаться до Русистана, так как “империя нам не по силам”, маргинальна и непопулярна даже среди националистов. Все хотят Россию “от края до края”. А край — это как раз огромные Якутия, Тува, Бурятия, Кавказ и т.д. с компактно проживающим национальным населением.

Националисты тычут в лицо статистикой: мол, русских в России 80% и это моноэтническое государство... Да, но на Кавказе, в Туве, и т.д. их не 80%. И никто ведь не согласится на то, чтобы отдать эти территории Турции или Китаю, потому что проблемы, которые сейчас из-за них есть, только усугубятся.

Да и великой страной мы перестанем быть. Среди нерусских этносов гордость за житье в большой стране испытывает большинство, и эта гордость больше, чем собственная национально-этническая гордость. А если страна делает успехи, то тем более. Рассказывают, что, когда Гагарин полетел в космос, чеченцы в аулах выбегали из домов, доставали дедовские ружья и салютовали, обнимались с русскими, как братья; в Якутии целыми улусами приходили в паспортные столы и просили записать их как русских. Это была гордость за всю страну. Звать россиян к национальному государству (“Россия для русских”) или к родоплеменному строю, как это делают националисты на Кавказе, это значит звать назад, вон из истории».

И вот что сказал О.Матвейчев в заключение. «Лично я остаюсь при том убеждении, что слово “национализм” в истории и исторической науке закрепилось как некое психологическое состояние малого народа, административно пребывающего в составе большого этноса и либо считающего свое положение неравноправным, либо жаждущего получения государственной независимости. Безусловно, признавая, мягко скажем, ненормальной ситуацию, в которой оказался русский народ в обкорнанной империи, считаю тем не менее неумное и крикливое педалирование русского вопроса прямой стимуляцией сепаратистских движений и настроений».

В связи с вышеизложенным, естественно, возникает необходимость ответить на главный вопрос: может ли быть преодолен национализм? В определенном смысле — да, национализм, по крайней мере в его агрессивных формах, может быть преодолен, хотя и следует иметь в виду, что на бытовом уровне, где укореняются психоэтнологические категории «свой» — «чужой», — такой национализм преодолевать чрезвычайно трудно.

Как видим, национальный вопрос в Советском Союзе вообще, и в нынешней России, в частности, является одним из самых сложных. Это очень хорошо понимал Андропов, и не случайно он так много внимания ему постоянно уделял. Он хорошо отзывался о работах Льва Гумилева по проблемам этногенеза. Андропов часто говорил, что в России этногенез происходил не

так, как в европейских странах, подчеркивал, что русский народ является государство и цивилизацию образующим этносом. Он же явился и основой формирования единой гражданской этнической общности, стал стержневым этносом создания единой общности – советского народа. В то же время отмечал, что на долю русского народа выпали большие тяготы и в защите страны, и в становлении культуры, науки, экономики малых народов. Гордился тем, что в России не было подавлений и истреблений малых народов. И тем не менее он часто напоминал, что национализм в национальных образованиях в самых различных формах будет себя проявлять, он содержит в себе большие опасности, искоренение национализма является важнейшей задачей национальной политики партии и государства.

Для преодоления национализма нужны сильновоздействующие на людей социально-политические факторы. В годы Великой Отечественной войны неизмеримо большей силы фактором, который смог объединить весь народ, стал общегосударственный и общенародный патриотизм. Он действительно стал всенароден, объединил все социальные группы, из которых состояло советское общество, все народности, населявшие Советский Союз. Вот как сказал о силе такого патриотизма И.Сталин в речи 3 июля 1941 года: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность, верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и *общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза*. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все больше крепнущей дружбы народов Советского Союза...».

29 декабря 2010 года на заседании Государственного совета В.Путин, отметив, что в России поднимаются националистические силы, которые совершают омерзительные акции, сказал, что надо найти способ объединения многоэтничного народа

России в сплоченное сообщество. При этом он сослался на то, что в Советском Союзе такое единство было достигнуто и придумали даже понятие «единый советский народ».

Да, это было великое достижение в общественно-политической жизни страны, оно явилось результатом и основой нерушимой, крепкой дружбы и единства целей, интересов всех народов Советского Союза. Надо иметь в виду, что для этого нужны были мощные объединительные факторы. Таким фактором стала, прежде всего, социалистическая идея. Очень сильное влияние оказали государственный патриотизм, идеи нерушимой дружбы народов, превращения Советского Союза в технически развитое и конкурентноспособное в мировой экономике общество, для чего были реальные возможности.

Есть ли подобного рода объединяющие все нации и народности факторы в нынешней России? Думается, такие факторы есть, их надо только вычлениить из всех сложностей сегодняшней социально-политической жизни. Но это отдельная тема.

Нам надо хорошо осознать нашу русскую православную цивилизацию, она сформировалась на братской любви русского народа ко всем народностям, которые живут в России, в ней нет места вражде к инородцам, национализм никогда не был движущей силой развития России.

Андропов неоднократно говорил: надо уметь видеть то, что находится «за горизонтом». Для чекистов это означало работать так, чтобы видеть то, что находится за пределами страны, знать спецслужбы противника, проникать в них и т.п.

Ю.В.Андропов в процессе своей плодотворной деятельности принимал множество решений, и что особенно удивляло многих, всегда строил верные прогнозы. Он был великим геополитиком. В этом качестве проявил себя во многих делах:

- в вопросах сокращения вооружений;
- в оценках ситуации, которая сложилась к 1978 году в Афганистане;
- как великий геополитик он показал себя в Комиссии ЦК КПСС и СМ СССР по Арктике. Это благодаря Андропову был по-новому освоен Северный морской путь,

обустроены северные морские порты, построены новейшие базы для атомных подводных лодок на Северном и Тихоокеанском флотах и созданы четыре флотилии атомных подводных ракетноносцев;

– по инициативе Андропова был создан Арктический пограничный отряд.

Говоря об Андропове как о государственнике, особо хочу отметить, что он был русским человеком до мозга костей, безмерно любил Россию. Он постоянно утверждал, что Россия – самобытная страна, на русскости, на русском духе образовалась и держится русская цивилизация. И спасали Россию каждый раз русский дух, уникальный менталитет. Он хорошо знал произведения Ф.Достоевского и других русских мыслителей, которые говорили о всемирности русского народа. При этом гордился тем, что русскость и в России, и в Советском Союзе никогда не вырождалась в шовинизм. Хорошо понимая, что главной державной силой является русский народ, зная, что он несет основные тяготы в содержании и защите Державы, сознавая, что изначально так сложилось и иначе не могло быть, в то же время видел в этом существенные преимущества: русские способны объединять вокруг себя множество братских народов, обогащать через них свою культуру и духовность и в еще большей мере обогащать культуры малых народов.

Андропов особо ценил в советской государственности культуру. Есть немало примеров тому, какую поддержку он оказывал многим деятелям культуры, они известны. Он, пожалуй, раньше других пришел к выводу о том, что культура – это такой удивительный фермент, который «светит сам по себе», согласен был с теми, кто называл культуру «квинтэссенцией истории». Культура действительно обладает всепроникающей силой, у нее нет ни пограничных, ни таможенных преград. При нынешних средствах массовых коммуникаций, обменах людьми и информацией российская культура поистине становится геокulturой, она способна духовно видоизменять мир. А это означает, что и современная Россия способна и может придать своей культуре миростроительный духовно-геокulturный характер. Видимо это

имели в виду Киреевский, Хомяков, Данилевский, другие мыслители, когда говорили о том, что «всемирная задача России — вывести мир из тупика». Почему, на каком основании таким образом ставился вопрос? Обусловливалось это особым типом русской цивилизации. В отличие от Западной, европейской цивилизации, сформированной на рационализме, русская цивилизация является цивилизацией духовной, ее парадигмой является Православие. Из этого вытекает и свой, особый взгляд на мир. Этим определяется и своеобразный тип людей этой цивилизации, особое благодатное свойство русского народа. Сегодня, когда Запад навязывает народам мира свои стандарты, одностороннее, ложное движение жизни, понимание великой всемирной миссии России имеет особенно важное значение. Свою исключительную роль в этом призвана выполнить и российская культура. И прекрасно, что основным источником этой культуры является русский народ, выросший и окрепший на православных духовно-нравственных ценностях.

В то время Андропов не мог сказать, что русская культура обладает такой влиятельной духовной силой потому, что она произошла и наполняется православным духовно-нравственным императивом. В целом же православие, библейские темы он знал и высоко ценил. Поэтому всякие утверждения о том, что «Андропов выступал против русскости», несостоятельны. И если кого-то оперативные работники приглашали (замечу, приглашали, а не вызывали) «на Лубянку», то только для профилактических бесед, но не для допросов, допросы проводились в другом месте и по другим основаниям. Нельзя статус Председателя КГБ сводить до уровня оперуполномоченного. Эта категория должностных лиц выполняла свои обязанности, и санкции на их мероприятия, конечно же, давал не председатель Комитета. Они руководствовались действовавшими в то время законами.

И еще: Андропов хорошо осознавал, что в той интенсивной организационно-пропагандистской деятельности, которая совершенно правильно была названа идеологической диверсией, одну из главных задач наши противники видели в том, чтобы изменить менталитет русского народа. Этого достичь им не

удалось, и не случайно Збигнев Бжезинский после развала Советского Союза заявил, что о победе над Россией говорить еще рано, для этого надо сокрушить главную цитадель, фундамент, на котором держится Россия — Православие.

И надо сказать, это не брошенные на ветер слова, это стратегический взгляд ненавистников России. Делаются попытки различными путями внедрить в среду церковных иерархов так называемую «миссионерскую» ересь; побудить некоторых из них к выступлению против вековых церковных канонов и традиций, и таким образом «обезроссии» Россию», склонить церковных иерархов к ориентации на католический Запад.

Исключительным качеством Андропова как государственника было глубокое знание всех периодов истории России, а также постоянное изучение общества, в котором мы в то время жили. Он никогда не говорил: «Мы не знаем общества, в котором живем». Кто-то ошибочно «приклеил» ему эту фразу, которую он не произносил. На самом деле он часто говорил, что нам надо внимательно изучать общество, в котором живем, вскрывать процессы и явления для того, чтобы вовремя их исправлять и устранять. Рекомендовал также глубоко изучать прошлое нашей страны. Он часто говорил, что Россия — уникальное государство, и народ наш необычайный. Наша страна прошла великий и сложный путь. Надо помнить, что там, в глубинах IX—XVI веков закладывались основы нашей государственности, там не только складывались церковные каноны, но и каноны российского государства. Нельзя, говорил Юрий Владимирович, отвергать идеи, которые оставили нам великие русские мыслители.

Много раз Ю.В.Андропов в частных беседах и в выступлениях на совещаниях напоминал, как он говорил, простую истину: «Наша страна занимает важнейшее, срединное геополитическое и геостратегическое положение в центре Азии и Европы, и пространство ее огромно и необычно со многих точек зрения. И это наше большое преимущество. Но надо знать, да и вся история наша показывает: спокойно жить нашей стране даже из-за ее местоположения не дадут». Поэтому он так много уделял внимания проблемам обороны страны, защите, отстаиванию ее геополити-

ческих интересов. И когда, к примеру, в Афганистане американцы посредством связи с Амином создали реальную угрозу Советскому Союзу, Андропов выступил за ввод в эту страну ограниченного контингента войск.

Таковыми же мотивами были продиктованы создание на Северном флоте, на побережье Арктики двух мощных флотилий атомных ракетноносцев, а также Арктического пограничного отряда и создание двух мощных флотилий атомных ракетноносцев на Тихоокеанском флоте.

Извечным же идеалом Руси было единое, сильное государство, которое только и могло обеспечить правду, правопорядок, законность. Этот идеал истинные русские государственники сохраняли всегда, даже в те времена, когда казалось, что и самой Руси, в ее цельности, не существует. И делали все, чтобы достичь и сохранить единство и цельность государства. Центром, из которого исходит этот идеал, с XIII века была Москва. В то суровое время, когда над Русью нависла монголо-татарская орда, а на Западе от нее отрывали земли рыцари Ливонского ордена, их союзники датчане и шведы, — особыми приверженцами сохранения Руси и обеспечения ее единства стали князь — ратник и дипломат Александр Невский, князь-мученик Михаил Черниговский, князь Юрий Долгорукий, князь Дмитрий Донской и другие князья и цари — собиратели Русской Земли. Много всего претерпела, выстрадала Русь и потому в первой половине XVI века стала царством. И так защищал народ России свою страну на протяжении всей своей истории. В XX веке спасло страну и мир от фашистской чумы несгибаемое поколение советских людей. Ю.В.Андропов очень хорошо знал, какой ценой была добыта эта Победа.

Представляет интерес отношение Ю.В.Андропова как государственника к реформам. В целом возможность проведения реформ он не отвергал, но относился к идеям их проведения с большой осторожностью. Ему больше импонировали идеи исправления, улучшения, совершенствования пройденного, достигнутого. Относительно дальнейшего совершенствования социалистического общества он выдвигал на том этапе решение

двух важнейших задач. Первая — повышение квалификации кадров на всех направлениях, во всех сферах деятельности. Вторая — ускорение научно-технического прогресса и решение проблемы внедрения научно-технических достижений в производство.

Вопрос о совершенствовании Андропов рассматривал в широком аспекте, — аспекте совершенствования всего социалистического уклада, который к рассматриваемому времени определялся как развитой социализм. Цели совершенствования социализма он видел в создании высокого уровня жизни людей. «Судить социализм надо по плодам его», — говорил Юрий Владимирович и постоянно думал о том, чтобы улучшить жизнь нашего народа. Сожалел о том, что мы вынуждены затрачивать большие ресурсы и усилия на оборонную сферу. Это он считал большим тормозом развития страны, но на том этапе «суровой реальности» это было необходимым, вынужденным. И, тем не менее, принимая во внимание всю сложность обстановки, считал, что и в таких условиях можно и нужно решать назревшие жизненные проблемы наших людей. «Нужно многое пробовать, практиковать, экспериментировать, но не огульно, не втемную». В то же время, Юрий Владимирович видел в социализме ценность бытия и восторгался им. Сороковые годы и особенно годы Великой Отечественной войны считал годами величайшей эпохи, небывалой по единству и напряженности духа народного, устремленности к идеалу справедливости. Все жили этим живительным ветром перемен, поэтому «народ наш заслужил лучшей жизни», — так он говорил.

Характерно, что Юрий Владимирович не отрицал наличия при социализме рыночных отношений, утверждал, что они есть, особенно во внешней торговле. Много раз запрашивал из архива материалы Ф.Дзержинского, с увлечением читал его доклады на заседаниях ВСНХ об управлении экономикой, его полемику о финансах, балансе во внешней торговле, считал Дзержинского строителем экономики нового типа, идеи которого имеют важное значение для современности, особенно в части создания новых форм хозяйствования. Андропов настойчиво искал новые

формы управления экономикой и новые формы хозяйствования. В частности, выступал за создание в промышленности концернов и корпораций, за введение государственного заказа и подрядной формы организации и оплаты труда.

Андропов, будучи Председателем КГБ, внимательно изучил поступивший к нему документ под названием «Гарвардский проект», окончательно отработанный спецслужбами США в начале 80-х, с включением в него трех разделов: «Перестройка», «Реформы», «Завершение». Я вернусь еще к этому документу, сейчас хочу лишь заметить, что идея «перестройки» первоначально появилась не в головах бывших руководителей КПСС, а в проектах американских спецслужб. Изучив этот документ, Юрий Владимирович поручил подготовить о нем записку в ЦК КПСС, а, отправив ее, настоял на ознакомлении с ней «вкруговую» всеми членами Политбюро. Замечу, что Юрий Владимирович с тревогой воспринял разработанную западными спецслужбами идею перестройки. Уверен: он никогда бы не пошел на нее. Отвергал он и идею конвергенции двух систем, поясняя, что «когда такие “идеи” берут на вооружение спецслужбы противника, хорошего от этого ожидать нам нечего».

Как-то в одной из бесед я напомнил Юрию Владимировичу, что Запад в качестве одной из идей выдвигает и пропагандирует теорию конвергенции социализма и капитализма. Он тут же бросил фразу: «Конвергенция, скорее всего, может погубить сам капитализм, ее приверженцы, видимо, еще плохо осознали ее сущность. Наступит, да уже и наступает, время, когда капитализм станет брать у социализма многие черты для своего сохранения. В социальной сфере это уже происходит. Разве не об этом говорит объявление еще в 50-х годах капитализма “государством всеобщего благосостояния”? Сам факт существования социализма заставляет капиталистов идти на все большие уступки рабочему классу, маскировать свою истинную сущность, более того, даже самые передовые капиталистические страны берут на вооружение наши достижения в области планирования, в чем-то, к примеру, в сетевом планировании они уже нас превосходят. Так что конвергенция — это не такое уж безобидное изобретение

и для самого капитализма. Нам, однако, идти на такие “соблазны” ни в коем случае нельзя. А вот для того, чтобы идея конвергенции работала в нашу пользу, нам многое требуется улучшить, усовершенствовать в социализме».

Поддерживая разговор, я рассказал Юрию Владимировичу о скандальном случае, который произошел на философском конгрессе в Канаде в начале 70-х, о чем мне рассказала его участница – доктор философских наук Е. Модржинская, кстати, бывшая сотрудница советской внешней разведки. На одном из заседаний конгресса выступил с докладом «О конвергенции социализма и капитализма» французский философ Раймонд Аарон. После его доклада на трибуну поднялся известный американский социолог-русист эмигрант Питирим Сорокин и обрушился на Аарона с обвинением в плагиате. Сорокин утверждал, что идею конвергенции выдвинул он еще в 1943 году под большим впечатлением от разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск под Сталинградом. На вопрос, где и когда он опубликовал материал об этой идее, Сорокин ответил, что его статья была напечатана в одном из американских военных журналов и пообещал копию статьи переслать Аарону.

Юрий Владимирович проявил большой интерес к этому факту и сказал: «Поскольку эту идею эксплуатируют в своих целях западные спецслужбы, мы не можем ее поддерживать, они непременно будут создавать из нее “улицу с односторонним движением”. Нам надо развивать социализм на собственных основаниях. И нельзя забывать: предстоит еще длительная борьба между двумя системами. И вряд ли конвергенция решит исход этой борьбы».

* * *

Андропов был назначен на должность Председателя КГБ в мае 1967 года в очень сложный исторический период деятельности органов государственной безопасности. С одной стороны, в тот период разведывательные органы США и их союзников по НАТО довели до высшей точки напряженности и продолжали наращивать подрывную деятельность против Советского Союза

и стран социалистического содружества. С другой стороны, в результате проведенных и проводившихся с июля 1953 года чисток, сокращений штатов, многочисленных реформирований структур, принятых мер откровенного глумления над личным составом, не причастным к каким бы то ни было злоупотреблениям и нарушениям законности, органы госбезопасности были ослаблены, подорваны настолько, что оказались не способными эффективно противодействовать тотальной подрывной деятельности спецслужб противника. К тому времени были упразднены органы госбезопасности на железнодорожном и водном транспорте, городские и районные отделы КГБ, многие специализированные подразделения контрразведки в центральном аппарате и на местах. Полностью были заменены все руководители Комитета, органов КГБ на местах и основных подразделений, место которых заняли работники партийных и комсомольских органов, не прошедшие никакой предварительной подготовки. Была разрушена сложившаяся система подготовки кадров, ликвидированы учебные заведения в Ленинграде, Горьком, Свердловске, Хабаровске, Алма-Ате, Ташкенте, Тбилиси, Могилеве, Институт подготовки оперативных работников со знанием иностранных языков в Ленинграде, Институт пограничных войск в Москве. На работе осталась недостаточная численность оперативного состава, которая пополнялась выпускниками вузов без специальной подготовки. По инициативе бывшего председателя КГБ Шелепина в 1956 году в территориальных органах КГБ была проведена переаттестация офицерского состава из специальных званий на воинские, в процессе которой в большинстве случаев каждый офицер был понижен в звании на одну или несколько ступеней, чем была нанесена моральная травма тысячам достойных офицеров, многие из которых имели боевые заслуги. В том же году были упразднены должностные оклады за воинское звание и доплата за продпак. Непродуманные, а может быть, и чьи-то злонамеренные действия привели к ситуации, когда оперативные работники особых отделов, выходившие в морские походы на боевых надводных кораблях и подводных лодках, вынуждены были оплачивать питание в кают-компаниях из своего

скудного денежного содержания. Много было принято и других, мягко говоря, непродуманных организационных мер.

Все это негативным образом сказалось на оперативно-розыскной деятельности, на некоторых направлениях она была ослаблена до критического состояния. С конца 50-х годов и до прихода в КГБ Андропова в органах госбезопасности витала навязанная ЦРУ вреднейшая концепция о том, что в нынешнее время — время научно-технического прогресса агентура утратила свою ведущую роль как в разведке, так и в контрразведке. Утверждалось, что место агентуры в сборе секретных сведений заняли технические средства, преимущество отдавалось добыванию информации из открытых источников и иным легальным методам. Многие наши работники не согласны были с такими утверждениями, но им навязывались идеи о том, что если шпионы противника и действуют, то в их поиске ведущее место должны занять информационно-поисковые (кибернетические) системы, буквально и примитивно истолковывались способности вычислительных машин к реализации творчески-логических функций. Надо сказать, что к середине 60-х годов эти кибернетические «заскоки» были изжиты разоблачением ряда крупных агентов ЦРУ и других разведок. Особенно отрезвляющее воздействие на многих произвело разоблачение шпиона Пеньковского.

К приходу Андропова в КГБ уже стало складываться абсолютно верное представление о том, что главным противником, с которым органы государственной безопасности призваны вести борьбу, является Центральное разведывательное управление США. Разумеется, в сфере деятельности органов КГБ были и разведки других империалистических государств — Великобритании, ФРГ, Франции, Израиля, Японии и других. И, тем не менее, основные усилия контрразведки и разведки сосредотачивались на работе против ЦРУ, что обуславливалось очень серьезными обстоятельствами. Как известно, ЦРУ было создано в 1947 году как основной орган политической разведки, в функции которого входил сбор самой различной информации во всех странах и регионах мира. Прошло немного времени и ЦРУ превратилось

в ту основную движущую силу, работа которой стала продолжением политики США иными средствами. С началом «холодной войны» ЦРУ развернуло глобальную и тотальную подрывную деятельность против Советского Союза как основной силы, которая стояла на пути реализации политики США по установлению единого мирового порядка. Уже с 1945 года США и СССР стали двумя основными противоборствующими силами мира.

Как известно, с 1950 года в США действовала стратегия «сдерживания коммунизма», суть которой сводилась к воспрепятствованию его дальнейшего распространения в мире. ЦРУ, в соответствии с этой стратегией, развернуло подрывную работу против всех политических режимов, провозглашавших социалистический путь развития, против коммунистического и рабочего движения, одновременно нанося удар по международным позициям Советского Союза. Эта стратегия в отношении СССР действовала до начала 60-х годов, когда была заменена новой стратегией «эрозии, разрушения социализма изнутри». Вокруг этой стратегии появилось множество политических концепций, как, например, «тихой», «ползучей» контрреволюции, тактики «наведения мостов» в социалистические страны, «мирной инфильтрации» (т.е. тайного проникновения) и т.п. На основе указанной стратегии спецслужбами США и Великобритании были разработаны и взяты на вооружение несколько крупных разведывательно-подрывных операций, среди которых особое место занимали «Программа демократического движения в СССР», «Тактика демократического движения», операции английских спецслужб «Лиотей», «Гарвардский проект» и другие. Основная идея новой стратегии и образовавшихся вокруг нее концепций сводилась к тому, чтобы, используя развивавшиеся международные связи, во-первых, вести массированную подрывную пропаганду против социалистического общества в целях изменения политических взглядов, представлений и ориентации советских граждан, во-вторых, что ставилось во главу угла, настойчиво вести поиск в Советском Союзе людей, которых можно было бы склонить к созданию подпольных антисоветских и оппозиционно настроенных организаций. В отношении подпольных групп ставилась задача вести

работу скрытно, тайно, с использованием всех средств и методов разведывательной деятельности. ЦРУ начало активно реализовывать свою новую тактику «инфильтрации в советское общество» в целях «прямого доступа к гражданам» (тактика прямых действий). К середине 60-х годов в органы КГБ от их источников стала поступать первая информация о том, что ЦРУ и другие спецслужбы США перешли на приобретение так называемых агентов влияния. При этом была поставлена задача приобретать таких агентов на перспективу, к «часу Икс», способных внедряться в партийные и государственные органы, во влиятельные общественные организации, а также в войска Советской Армии.

Несколько слов хотелось бы сказать о двух, к сожалению, малоизвестных разведывательно-подрывных операциях длительного характера – операции «Лиотей» и операции «Гарвардский проект», сыгравших, с моей точки зрения, зловещую роль в развале СССР.

Операция «Лиотей» является изобретением 50-х годов прошлого века английской разведки. Она была рассчитана на продолжительное и постепенное расшатывание устоев социализма в Советском Союзе и странах социалистического содружества, на постепенное приобретение и взращивание в нашей стране своих сторонников. Эту особенность своей стратегии разработчики операции хотели подчеркнуть и самим ее кодовым названием. Лиотей – фамилия бывшего командующего французским экспедиционным корпусом в Алжире середины XIX века. Из исторических источников англичан привлек показавшийся заслуживающим внимания такой случай. Проезжая по опаленной солнцем пустынной дороге, Лиотей приказал своим подчиненным распорядиться, чтобы вдоль дороги были посажены деревья. Когда один из адъютантов осмелился сказать генералу, что в этом нет никакого смысла, поскольку деревья вырастут только лет через 50–60 лет, Лиотей ответил: «В таком случае надо немедленно приступить к посадке деревьев». Вот так постепенно, медленно, методично, в продолжение многих лет английские спецслужбы и взращивали в Советском Союзе и других социалистических странах предпосылки для расцвета «бархатных» и прочих контрреволюций.

Аналогичную направленность имела и упоминавшаяся уже операция «Гарвардский проект», разработанная в Мюнхене сотрудниками ряда исследовательских эмигрантских организаций тоже в начале 50-х годов. Особенность этой операции состояла в том, что, во-первых, она периодически дополнялась новыми проектами, во-вторых, если с момента ее создания она ориентировалась преимущественно на проведение пропагандистских кампаний против СССР, то с 80-х годов профессионалы специального подразделения Гарвардского университета придали ей направленность на создание в нашей стране оппозиционных социалистическому строю сил. Последняя корректировка указанной операции была проведена в 1982 году с включением в нее трех разделов: «перестройка», «реформы», «завершение». Операция нацеливала спецслужбы США на ликвидацию в СССР социалистического строя под прикрытием «перестройки» и проведения «демократических реформ».

Говоря о долгосрочном характере операций идеологической диверсии спецслужб США и их союзников, следует иметь в виду, что с развалом СССР они далеко не исчерпали себя. Многие свидетельства последнего времени указывают на то, что в замыслах творцов «нового мирового порядка» по-прежнему главной целью является Россия. Казалось бы, социализм повержен, чего еще надо тем силам, которые так упорно вели борьбу против него? Нужна Россия. Нам всем надо помнить, что подрыв, ослабление, прекращение существования России как самостоятельной, самобытной, гордой и непокорной цивилизации всегда было и остается вожделенной мечтой западных мондиалистов-глобализаторов. Относительно того, как достичь этой цели, наиболее откровенно заявил еще в конце Второй мировой войны основатель и первый директор ЦРУ, один из главных деятелей основной структурной организации Мирового правительства — Совета по международным отношениям, злейший враг России Аллен Даллес. Вот как он нацеливал все ресурсы Запада против нашей цивилизации: «...Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны

к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим им ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Так мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокоренного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его сознания... Литература, театр, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство, наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов – все это мы будем насаждать ловко и незаметно...

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это сделаем».

В этой связи надо сказать и вот еще о чем. ЦРУ в соответствии с новой стратегией провело реорганизацию всех своих структур, на новую стратегию были переориентированы зарубежные эмигрантские антисоветские организации, которые с середины 60-х годов активизировали подрывную работу против СССР на подпольной основе. Особенно активно работу на подпольной основе стала вести зарубежная антисоветская организация «Народно-трудовой союз» (НТС), который до этого осуществлял преимущественно акции пропагандистско-провокационного характера. Эта организация была взята на финансирование Центральным разведывательным управлением США, ее филиалы были укреплены людьми, которые сотрудничали с ЦРУ. В короткое

время НТС разработал и стал засылать в СССР свою программу свержения советской власти, брошюры с изложением своей так называемой «молекулярной тактики», которая была ориентирована на создание в нашей стране множества подпольных групп (молекул). Представляла интерес «тактика айсберга», в соответствии с которой НТС инструктировал своих сторонников небольшую часть своих действий совершать открыто, а основную, невидимую, вести в подполье.

По установкам и под патронажем ЦРУ, НТС стал засылать в нашу страну своих эмиссаров с полной экипировкой, которая была присуща агентам разведок. В это же время усилиями ЦРУ была реанимирована и переведена на новую тактику подрывная деятельность украинских и прибалтийских эмигрантских националистических организаций. Они проявляли особую активность в засылке в нашу страну своих эмиссаров с организационно-антисоветскими функциями. Основным прикрытием подрывной деятельности спецслужб США против СССР стала концепция «защиты прав человека». Именно с ее помощью они стремились, по выражению одного из разведчиков США, «схватить за горло социализм», хотя и понимали, что в случае достижения своих целей «каждому будет предоставлено равное право становиться более неравным».

К этому же времени из многих достоверных фактов чекистам стало известно, что ЦРУ претерпело существенные трансформации. Доктрина ЦРУ предусматривала, что обычная разведка должна составлять 10%, а 90% ее средств и усилий должны направляться на тайную подрывную работу. Бывший директор ЦРУ Аллен Даллес говорил, что разведка должна быть круглосуточно занята по всему миру, «противодействуя по всем аспектам тайной войны». Под этим он имел в виду, прежде всего, вмешательство через свои возможности во внутренние дела других стран, «независимо от того, знают или разрешают они это». ЦРУ стало крупнейшей тайной государственной политизированной корпорацией, на которую не только монополистический капитал США, но и «мировое правительство» возложили необычные по своей сути задачи и функции подавления и устранения всех неугодных им

политических режимов в любых странах мира, чем оно особенно активно и, надо сказать, совершенно бесцеремонно занимается и сегодня. Аллен Даллес не случайно приравнял разведку США, по своей важности и стоимости, к межконтинентальным ракетам и термоядерным бомбам. Подчеркнем, что на ЦРУ были возложены разрушительные функции, именно в этом состоял и состоит весь смысл создания и существования организации, не имеющей аналога во всей истории человеческого сообщества. Сегодня ЦРУ стало одним из важнейших и эффективнейших механизмов для подчинения мира господству США, насаждения в нем «нового мирового порядка» и одновременно основным инструментом «мирового правительства».

С приходом в США к власти Рейгана, объявившего СССР «империей зла», ЦРУ в буквальном смысле ужесточило свои разведывательно-подрывные действия. Забегая вперед, приведу некоторые впечатляющие факты. 23 июня 1982 года президент Рейган посетил штаб-квартиру ЦРУ. Выступил там перед узкой группой лиц с большой речью, затем подписал новый закон о ЦРУ, после чего появился перед толпой корреспондентов и сотрудников разведки, рассказал «бородатый» анекдот про то, как разведчик искал связь со своим агентом, которого, оказывается, знала вся округа. Затем, насупившись, с большой серьезностью сказал: «Подобное никогда не повторится». В подтверждение своих слов он на глазах у публики подписал закон, предусматривающий до 10 лет тюрьмы и до 50 тысяч долларов штрафа тому, кто разгласит сведения о сотруднике или агенте разведки, даже если эта информация будет почерпнута из опубликованного источника. Была опущена еще одна завеса над ЦРУ и его подрывной работой. У руководителей ЦРУ были основания заявить, что «разведывательное сообщество США располагает самой дорогой и самой разветвленной разведкой, имеющей возможности парировать все, что представляется угрозой для национальных интересов».

В подрывной работе ЦРУ, других спецслужб появилось и такое новое явление, как активное и широкое использование агентов влияния. Ими был взят курс на работу с лидерами

крупных оппозиционных организаций, особенно в национальных республиках. Именно с их помощью в ряде союзных республик стали появляться «народные фронты», «союзы», «фонды» и тому подобные оппозиционные организации. Спецслужбы стали искать прямые подходы к влиятельным в нашем обществе людям, в том числе и к представителям органов власти. КГБ столкнулся с тотальной подрывной деятельностью против советского государства и общества.

Как видно, Ю.Андропов пришел в КГБ СССР в очень сложное время, и назначен он был на пост председателя вовсе не потому, что его, якобы, надо было убрать из ЦК КПСС. Нет, конечно. Его назначение было продиктовано необходимостью укрепления этой важной государственной структуры, коренного пересмотра всей ее деятельности, решения качественно новых задач по противодействию спецслужбам противника.

С чего начал свою работу Юрий Владимирович на мало-знакомом ему участке? Естественно, с изучения системы. Он прежде всего принял, — а многих неоднократно, — всех руководителей центрального аппарата КГБ и многих руководителей республиканских, краевых и областных органов госбезопасности. Из обстоятельных бесед с ними он извлек для себя ценные сведения, получил конкретные предложения о том, какие меры следует принять для повышения эффективности работы. Юрий Владимирович избегал сам и предостерегал всех руководителей подразделений от поспешных, непродуманных мер и тем более от слома, разрушения системы. Он подчеркивал, что у Комитета и его органов на местах есть много неиспользуемых резервов. Важно, отмечал он, убедительно объяснить людям, что наступил период, когда органы госбезопасности должны научиться работать по-новому.

Здесь уместно сказать, что, несмотря на более чем десятилетние потрясения, в целом система разрушена не была, в ее кадрах сохранился костяк высокопрофессиональных руководителей и оперативных работников, сохранены разработанные Ф.Дзержинским чекистские традиции: преданность сотрудников своему Отечеству и народу; тесная связь органов госбе-

зопасности с общественностью, с трудовыми коллективами, с советским народом; надежная защита советского общества от враждебных действий противника, борьба за каждого человека, оказавшегося под воздействием подрывных акций; неукоснительное соблюдение законности. В КГБ работали отличные специалисты, люди, сильные духом, среди сотрудников не было ни одного случая коррупции и вообще каких бы то ни было должностных преступлений, с июня 1953 года совершенно не отмечалось случаев нарушения законности. Юрий Владимирович восхищался чекистами, не богат он был на похвалы, но в узком кругу отмечал, что с такими людьми, как в КГБ, ему мало приходилось встречаться в других кругах. Его первые выступления, приказы, указания, принятые под его руководством решения Коллегии, многие проводившиеся в жизнь меры убедили людей в том, что наконец-то пришел в органы КГБ настоящий руководитель, истинный государственный — защитник Отечества. Позволю себе изложить здесь очень важную мысль, в правоте которой убежден на все сто процентов. КГБ, а также ее нынешняя преемница ФСБ — это организм, в котором больше, чем где бы то ни было, сохраняется государственное сознание, потому что здесь всегда уделялось большое внимание воспитанию государственного мышления.

Обстоятельства тех лет требовали резкого повышения квалификации всего руководящего и оперативного состава. По его инициативе был создан ряд учебных заведений, на новом уровне организована профессиональная учеба практических работников. Была выстроена эффективная система подбора кадров. Произошел заметный рост профессионализма сотрудников разведки и контрразведки, технических и других служб и подразделений органов КГБ. От руководителей высших учебных заведений Андропов требовал постоянно обновлять учебные планы и программы обучения слушателей, по его инициативе была создана система подготовки и переподготовки руководящего состава для разведки и контрразведки, введены новые учебные дисциплины, в ряде учебных заведений в учебный процесс были внедрены программы индивидуальной подготовки кадров. Эту систему

с чьей-то легкой руки называли «штучной подготовкой» уникальных специалистов для разведки и контрразведки. Люди, прошедшие такую подготовку, действительно обладали уникальными знаниями и, что особенно важно, навыками работы в самых сложных условиях оперативной обстановки.

В связи с этим уместно будет отметить, что не случайно из когорты таких специалистов в 2000 году вышел национальный лидер нашей страны В.Путин. Выбор, как я полагаю, пал на Путина потому, что он оказался одним из немногих, взошедших на политическую арену страны, лиц, кто прошел уникальную подготовку в единственном в своем роде высшем учебном заведении советской разведки.

Андропов вообще был озабочен проблемой «качества» человека как такового. Он часто напоминал, что мы живем в трудное время, в обстановке противоборства двух систем. Но дело не только в этом: над каждым человеком тяготеет какая-то гнилая, тупая сила инстинктов и чувств природного свойства, противостоять которой может далеко не каждый. Поэтому противостоять таким «болотным» силам надо постоянно, а во многих случаях и строго.

Андропов внес большой вклад в теорию и практику безопасности. Это при нем вошла в политический оборот формула «безопасность личности, общества и государства». Он не соглашался с бытовавшей формулировкой о том, что чекисты являются передовым вооруженным отрядом партии, говорил, что эта формулировка давно себя изжила, осталась далеко в прошлом. Чекисты, утверждал он, являются передовым отрядом защитников Отечества, при этом подчеркивал, что они оберегают и защищают от тайных происков вражеских сил не только советское государство, но и общество, народ. Этой формулировке он придавал настолько важное, принципиальное значение, что даже на ее основе в одном из своих докладов изложил свое новое понимание безопасности. Он, в частности, утверждал, что когда мы говорим «государственная безопасность», мы тем самым, с одной стороны, сужаем объект нашей защиты, сводя его только к государству, с другой стороны, даже такое узкое понимание безопасности мы

еще больше сужаем, сводя его к обеспечению безопасности политического режима. При таком понимании существа вопроса есть опасность вырождения органов КГБ в политический сыск. Его мысли сводились к тому, что советское государство и общество находятся в тесном единстве, они в главных своих чертах однородны, и этим надо очень дорожить. Мы должны дорожить своим государством, — говорил Андропов. Наше государство — настоящее государство, оно завоевано народом, создано народом и существует для народа. Поэтому нельзя допускать его трансформации, иначе оно может стать худшим врагом народа. Вот почему безопасность государства и общества есть двуединство, которого в буржуазном государстве нет и не может быть. В то же время, говорил он, между понятиями государство и общество есть и существенные различия, особенно если их рассматривать через призму необходимости обеспечения их безопасности. В вопросах обеспечения безопасности государства у нас в целом есть полная ясность. Что касается обеспечения безопасности общества, то в этом вопросе следует глубоко разобраться. Нам, говорил Юрий Владимирович, надо еще научиться этому. По его мнению, чекистская работа в этом аспекте должна заключаться преимущественно в ограждении общества от подрывных действий спецслужб противника. Наша задача — защищать общество, его ячейки, трудовые коллективы, наших граждан от враждебных посягательств, содействовать созданию нормальных условий их жизнедеятельности. При этом он подчеркивал, что обязанностью чекистов является борьба за каждого советского человека, в отношении которого замышляются или проводятся враждебные акции. Мы, говорил он, не должны обвинять жертвы противника, это не наш метод. Для этого он рекомендовал шире использовать как общую, так и частную профилактику. По его инициативе законодательно была установлена такая важная и эффективная мера, как официальное предостережение, применявшаяся в отношении граждан, которые без устойчиво сформировавшегося умысла совершали действия, наносящие политический ущерб советскому государству. В интересах ограждения общества от подрывных акций противника

в органах КГБ широко использовалась система мер контрпропаганды, информирования общества по вопросам политической бдительности, личные встречи и выступления сотрудников КГБ перед коллективами трудящихся, на оборонных и других важных объектах использовался институт внештатных сотрудников.

Андропов очень хорошо понимал, что все угрозы безопасности советскому государству и обществу находятся за пределами страны. Вот почему он существенным образом переориентировал работу контрразведки во вне. Его принципом стало искать и находить возможности работы не вообще, а против конкретных «поименных западных спецслужб и антисоветских центров», строить работу на каждом участке с ее направленностью во вне. При этом он настойчиво внушал, что мы должны видеть противника не только на горизонте, но и за горизонтом, требовал от контрразведки переходить от «сторожевых», заградительных методов работы к активным, наступательным методам борьбы. В работе против спецслужб нельзя идти напролом, действовать в лоб. В нашем деле нужен маневр, обходные пути, комбинирование приемов.

И надо отметить, изложенные Андроповым и развитые чекистской наукой и практикой методы давали большие результаты. Достаточно сказать, что за время работы Андропова в КГБ были выявлены и разоблачены сотни кадровых сотрудников и агентов разведорганов США, Великобритании, ФРГ, Израиля, других западных государств. В основных зарубежных подрывных центрах органы госбезопасности создали хорошие возможности для упреждения и раскрытия их подрывных замыслов. Например, на радиостанцию «Свобода», которая являлась филиалом ЦРУ, органы КГБ постоянно внедряли свою агентуру, знали всю ее подноготную, всех ее кадровых разведчиков и вспомогательный персонал и т.п., а что касается НТС, то в результате деятельности органов КГБ этому центру самому стало не совсем понятно, чьим филиалом он стал: ЦРУ или КГБ. О том, как велась такая работа, убедительно показано в книге польского разведчика Анджея Чеховича «Семь трудных лет», который был внедрен органами безопасности ПНР на радиостанцию «Свободная Европа». Сегодня

приходится удивляться, что радиостанция «Свобода» имеет в Москве и ряде других городов России свои так называемые бюро, круглые сутки, словно радиостанция оккупационных сил, ведет свои передачи непосредственно на всю территорию России, проводит через своих сотрудников опросы советских граждан на улицах наших городов, приглашает самых различных должностных лиц государства и функционеров общественных организаций для участия в своих радиопрограммах. Удивляет при этом, с какой легкостью многие политики и общественные деятели принимают участие в передачах этой радиостанции, не понимая, очевидно, с какой организацией имеют дело.

В целях организации борьбы с идеологической диверсией спецслужб противника в августе 1967 года было создано Пятое управление КГБ СССР. Начальником управления был назначен один из бывших секретарей Ставропольского крайкома КПСС Кадашев, который оказался неспособным организовать работу, и в 1968 году вместо него был назначен грамотный и опытный контрразведчик Ф.Д.Бобков.

Новое направление деятельности органов КГБ и роль Ю.В.Андропова в борьбе с идеологической диверсией детально освещены в изданной брошюре доктора политических наук Б.Л.Прозорова «Рассекреченный Андропов (неизвестные страницы чекистской деятельности председателя КГБ СССР)». Я поэтому остановлюсь лишь на некоторых вопросах деятельности КГБ на указанном направлении, поскольку до сих пор продолжают извращения сути этой работы, связанные с ней разного рода политические спекуляции, в том числе попытки скомпрометировать Ю.В.Андропова. Особенно настойчиво внушается людям мысль о том, что Пятое управление занималось вопросами подавления «диссидентов», и что создано оно было якобы только для этой цели. Это, конечно, злонамеренная ложь. Известно, что так называемые диссиденты меньше всего волновали Андропова. Дело все в том, что они своей суетой, открытой, показной активностью не представляли угрозы государственной безопасности. Конечно, их деятельность была неприятна, она вносила некоторую напряженность в отдельные сферы жизни.

Такие «диссиденты», как Якир, Красин, Литвинов, Галич, Галансков и многие другие всегда ведь были на виду, но даже своими контактами с иностранцами они не могли представлять интерес для органов КГБ. Имелась среди «диссидентов» и незначительная часть предателей, которые сознательно вели борьбу против советского государства. Такие, как правило, искали и прокладывали связи с представителями западных спецслужб и антисоветских организаций, искали у них защиту, в то же время принимали у себя их эмиссаров, которые привозили им средства для проведения подрывной работы и непременно деньги. Все свои действия такие люди вели строго в соответствии с рекомендациями спецслужб (тактика «Айсберга»). Кстати, такие люди обычно и не заявляли о себе как о «диссидентах», поэтому общество о них и не знало. Они, безусловно, были объектом интереса органов государственной безопасности. Были среди «диссидентов» и такие, которые, по крайней мере до перестройки, скрывали свои враждебные взгляды и совершенно ничем себя не проявляли. В основном такие люди, как оказалось, находились в партийных органах, где были надежно укрыты от органов безопасности, поскольку действовала жесткая установка: в партийных, советских, комсомольских органах оперативно-розыскную работу не проводить. Характерно, что такие люди в развале СССР открыто проявили себя как ренегаты и предатели, когда он уже был разрушен. Как справедливо заметил Сергей Кара-Мурза, в них с особой силой клокочет комплекс Иуды... Они вынуждены очернять и осквернять предмет своего предательства, выходя за всякие разумные пределы: это служит для них психологической защитой. Как помешанный принимает успокаивающее лекарство, так и они нуждались в глотке гадости, вызывающей в их воспаленном воображении галлюцинацию их бывшей Родины как «империи зла».

И еще следует обратить внимание в связи с вопросом о «диссидентах» на одно важное обстоятельство. В печати часто используется кем-то из «диссидентов» сказанная фраза: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Что касается слова «целились» — это верно. Хочу однако успокоить опомнившихся

бывших «диссидентов»: не вы попали в Россию. Абсолютно точно установлено: в свержении советской власти не принял практического участия ни один бывший откровенный антикоммунист, эту роль взяли на себя Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе и многие другие высокопоставленные люди, главным образом из числа членов КПСС. Это они, как и предписывалось американскими стратегами, организовали внутри страны самый мощный, завершающий агрессивный накат лжи и грязи на наше Отечество. И сегодня самый зловонный яд в наше духовное пространство выпускают они, эти бывшие неистовые секретари, парторги и инструкторы, а не бывшие «диссиденты». Мракобесничают, потому что боятся, а вдруг история повернет вспять. Некоторые из бывших партийных и комсомольских вожаков сегодня публично похваляются своими заслугами в крушении собственного Отечества, заявляют, что это они создали свободную Россию, дали ей суверенитет, отобрали власть у коммунистов, создали настоящую «четвертую» власть, а главное — дали людям свободу и т.п. О том, что вся деятельность, прикрывавшаяся «перестройкой», «гласностью», «демократизацией», велась в целях ликвидации социалистического строя в нашей стране, неоднократно заявлял и главный «архитектор» перестройки М.Горбачев. Вот и 25 января 2011 года на открытии в Москве в Манеже фотовыставки «Перестройка» он заявил: «Я, по крайней мере, довел дело до такой черты, когда возврата назад не будет».

Мы же уверены в другом: если в России будет создано что-то хорошее, то это будет социализм. Россия изначально формировалась на таких социальных основах, которые только и могли привести ее к социализму. Общинность, коллективизм, соборность, добролюбие, презрение ко всякому злу — на этом держалась и древняя, и средневековая Русь, на них только и может воспрять нынешняя Россия. Важно в этой связи обратить внимание на то, как оценивал Андропов социалистическую идеологию. В речи на выпускном собрании слушателей и преподавателей Высшей школы КГБ, напутствуя выпускников, он сказал: «Ведь и сама наша идеология сложилась в процессе истории. И все мы сейчас живем, соблюдая Кодекс строите-

лей коммунизма, который вобрал в себя лучшие исторические духовно-нравственные нормы — от христианских заповедей до народной мудрости, ибо Россия всегда отличалась своей необоримой духовной силой и всегда поднималась с колен, преодолевая все потрясения».

Что можно сказать? Советские люди в суровые годы развала СССР впервые встретились с ранее неизвестным для них феноменом — изменой вождей и не смогли преодолеть его. Не смогли преодолеть его и чекисты...

Создание Пятого управления и пятых подразделений на местах было сопровождено решением Коллегии КГБ, в котором важнейшими задачами были определены: во-первых, установить систему зарубежных центров и организаций, составлявших в те годы аппарат идеологической диверсии; во-вторых, вскрывать конкретные операции разведывательно-организационной подрывной деятельности спецслужб противника; в-третьих, раскрыть механизм взаимодействия зарубежных подрывных центров с негласной составляющей тех сил, с помощью которых они рассчитывали сформировать в СССР организованную анти-советскую оппозицию.

Разумеется, в работе Пятого управления была не только внешняя, но и внутренняя сторона работы. Повторю, однако, что внутри страны органам КГБ ставились задачи предупреждения, вскрытия и пресечения особо опасных государственных преступлений, и такая работа, безусловно, проводилась. Когда в 1971 году в Москве в метро и в продовольственном магазине на ул. 25 Октября были совершены террористические акты, повлекшие человеческие жертвы, КГБ задействовал абсолютно все свои подразделения, и надо сказать, преступники были сравнительно быстро установлены, арестованы и осуждены к суровым мерам наказания. При этом в ходе розыскной работы на Курском вокзале было найдено и обезврежено новое мощное взрывное устройство. Таких примеров было немало.

Особо остро ставя перед Пятым управлением задачу борьбы с террористическими проявлениями, на первое место выдвигались меры заблаговременного вскрытия террористических на-

мерений, предупреждения, срыва и пресечения террористических актов, а в случаях их совершения — принятия неотложных мер розыска причастных к ним лиц по горячим следам. При этом перед всеми оперативными подразделениями ставилась задача предупреждать и пресекать террор на стадиях зарождения умысла и подготовки к совершению этого тяжкого преступления, выкорчевывать террористические акты в их зародыше. И надо сказать, постепенно были подготовлены высокопрофессиональные специалисты, которые успешно справлялись с такой работой. Для целей борьбы с акциями террористического характера по инициативе Ю.В.Андропова было создано ставшее в последующем легендарным специальное подразделение «Альфа».

В связи с проблемой организации борьбы с идеологической диверсией хочу затронуть еще один вопрос, которому Андропов придавал большое значение. Он понимал, что под влиянием западной пропаганды, вследствие имевшихся различного рода внутренних неустроенностей, наличия в стране многих нерешенных вопросов жизнедеятельности, фактов бездушно-го, бюрократического отношения партийных и государственных органов к нуждам и запросам людей, в отдельных слоях, группах общества могут возникать негативные социальные процессы. Кое-кто считал, что такие процессы не являются предметом деятельности органов КГБ, ими должны заниматься соответствующие партийные, советские, профсоюзные и иные органы отраслевого государственного управления. С формальной точки зрения, наверное, так и должно быть. Но, говорил Юрий Владимирович, мы должны в этом вопросе видеть и наш, чекистский аспект работы. Дело в том, и мы в этом уже убедились, что к негативным процессам сразу же примазываются имеющиеся в стране антисоциальные элементы, а то и просто люди с авантюристическими наклонностями. Достоверно установлено, что большой интерес проявляют к негативным социальным процессам спецслужбы противника, уже были факты, когда к таким процессам они подстраивались напрямую, пытаясь направить их в нужное для них русло. Поэтому, мы должны, обязаны заниматься негативными социальными процессами. Наша задача

своевременно выявлять такие процессы, изучать их характер, вскрывать причины возникновения, своевременно информировать о них партийные и государственные органы для принятия соответствующих мер по их нейтрализации. Мы особенно остро должны реагировать на негативные процессы, возникающие на национальной основе, на процессы, имеющие антиобщественную и тем более антигосударственную направленность. На этот аспект деятельности Юрий Владимирович обращал внимание десятки и сотни раз.

Сегодня, размышляя над многими произошедшими в стране потрясениями, приходится еще и еще раз убеждаться в том, насколько прозорлив был Андропов, как он мог верно оценивать и прогнозировать возможное развитие, казалось бы, незначительных событий. После безвременного ухода из жизни Юрия Владимировича именно из негативных процессов националистического характера началось крушение нашей Державы. Все мы помним, как в 1988 возник и с 1989 года стал стремительно развиваться под активным влиянием группы представителей армянской интеллигенции Нагорно-Карабахский конфликт. Многим казалось, что события развивались стихийно, причем начались они с каких-то безобидных акций. В самом деле, первой из них была многолюдная экологическая демонстрация в Ереване, на которой выступили известные в Армении люди, где впервые в постановочном плане был выдвинут вопрос о том, что Нагорный Карабах исконно является землей Армении. После этого участились публикации статей не только в газетах Армении, но и в центральной прессе, причем уже с обоснованием претензий Армении на земли Нагорного Карабаха. В 1988 году в Ереване и в Нагорном Карабахе прошла волна митингов уже с требованием воссоединения Карабаха с Арменией. Было совершено множество других акций подстрекательского характера. В процесс была втянута Академия наук СССР, где какие-то проворные ученые провели исследование и дали большого объема рукописный фолиант, в котором доказывалась принадлежность Карабаха Армении. Гулял текст этого «научного» исследования и по кабинетам ЦК КПСС. Важно при этом отме-

тить, что Комитет госбезопасности направил несколько писем в ЦК КПСС со своими предложениями о необходимости принятия неотложных мер. Ни по одному из таких писем соответствующих мер принято не было, отмалчивался и Горбачев. Характерно, что 16 февраля 1988 года в Нагорном Карабахе начался непрерывный митинг с требованием присоединения к Армении. На другой день, 17 февраля, состоялся Пленум ЦК КПСС с повесткой дня «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению». Никто из членов Политбюро и членов ЦК КПСС не поднял вопрос об указанных событиях, хотя, по оценкам многих чекистов, на Юге начала уже полыхать Держава.

В дальнейшем события развивались так стремительно и грозно, что остановить их уже было невозможно. 27 февраля 1988 года начались погромы в Сумгаите, в ходе которых погибли 32 армянина, более 400 ранено, разграблено около 400 квартир, 50 объектов соцкультбыта. Трудно вообразить себе, какие звериные инстинкты проявлялись у многих людей. Убивали людей железной арматурой, заточками, резали ножами, выбрасывали из окон на улицу, не щадили при этом детей, насиловали женщин. Ответом на Сумгаит стало изгнание более сотни тысяч азербайджанцев из Армении. Люди в зимнюю стужу вынуждены были идти через горные перевалы, многие умирали. Дальнейшим результатом националистического утарного процесса стала война между двумя братскими республиками.

И еще. На волне этих событий в Азербайджане возникли антисоциалистические организации, основное место среди них занял «Народный фронт», который возглавили агенты зарубежных спецслужб. В Армении была реанимирована партия «Дашнакцутюн», созданы другие оппозиционные организации. Националистические процессы полностью вышли из-под контроля официальных властей. В 1990 году советская власть в Азербайджане и Армении практически была устранена, главами этих республик были избраны люди, в сознании которых господствовали идеи независимости. Независимости от Советского Союза. В то же время начались митинги и в Тбилиси. Когда был совер-

шен поджог СССР с Юга, одновременно его подожгли с Запада в Прибалтике и на Востоке в Средней Азии. Кто виновен в этом? Цинично обвинили Армию, обвинили за то, что она пыталась спасти ситуацию. При этом почему-то сделали акцент на Тбилисских событиях. Более того, комиссия, которую возглавил бывший депутат Верховного Совета СССР А.Собчак, бездоказательно обвинила военнослужащих в том, что они якобы при противодействии митингующим убивали людей саперными лопатками. Несмотря на представленные КГБ СССР, Министерством внутренних дел и Минздравом СССР доказательства, опровергавшие эти обвинения, обществу была навязана версия А.Собчака.

Вернемся однако к повествованию об Андропове. Разведкой и контрразведкой были получены и накоплены дополнительные данные о стремлении ЦРУ США приобретать из числа советских граждан агентов влияния. Из материалов было видно, что по существу ЦРУ поставило задачу создания на территории СССР своей «пятой колонны». По этому вопросу в 1977 году Комитетом госбезопасности было направлено письмо в ЦК КПСС. Более развернутая информация об агентах влияния, нежели в указанном письме, была дана в выступлении бывшего председателя КГБ СССР В.Крючкова на закрытом заседании Верховного Совета СССР в июне 1991 года. Информация произвела ошеломляющее впечатление на депутатов. Информацию об агентах влияния с указанием на конкретных лиц, в отношении которых разведорганы США проводили вербовочные мероприятия, В.Крючков неоднократно докладывал М.Горбачеву, просил его санкции на проведение необходимых проверочных мероприятий. К сожалению, Горбачев по меньшей мере странно отреагировал на такую информацию, согласия на проведение соответствующих мероприятий он не дал.

Об агентах влияния сказано уже много в опубликованных книгах как профессиональных публицистов, так и бывших руководящих работников КГБ. Нам однако представляется, что полной ясности об этом необычном средстве разведывательно-подрывной работы еще не имеется. Думается, что и органы КГБ

в то время, когда к ним стала поступать информация об агентах влияния, недооценили это «изобретение» ЦРУ. Между тем, как стало известно после развала СССР, ЦРУ рассматривало агентов влияния в качестве основного средства разрушения конституционного строя СССР. Сегодня агенты влияния являются важнейшим элементом стратегии ЦРУ в его разведывательно-подрывной деятельности во всех странах мира. Это с их участием ЦРУ осуществляет государственные перевороты, путчи, провокации в странах национальных интересов США, с их прямым участием либо через их влияние создает угодные Америке институты государственной власти, решает с их помощью много других разведывательно-политических задач. В приобретении агентов влияния ЦРУ действует бесцеремонно, оно стало подкупать их уже не только в розницу, но и оптом, — и тех, кто особенно усердно служит, берет на содержание. Да, платят большие деньги, потому что отдача от агентов влияния большая.

Особенно большую роль агенты влияния из высокопоставленных лиц сыграли в развале Советского Союза. Они нанесли сокрушительный удар в подрыве позиций советского государства на международной арене. Это с их помощью был осуществлен скоропалительный вывод, а скорее бегство советско-российских войск из ГДР и других стран Восточной Европы. В течение каких-то шести месяцев около миллиона солдат и офицеров, десятки тысяч танков, самолетов, орудий были буквально выброшены из-за границы в чистое поле. Они же склонили тройку предателей подписать акт о ликвидации СССР и первому сообщить об этом президенту США. Известны многие другие чудовищные преступные акты этого типа предателей. Один из бывших сотрудников ЦРУ так сказал о них: «Пройдет время и вы ахнете, если будет раскрыто, какую агентуру влияния имели ЦРУ и Госдепартамент США у вас на самом верху».*

Что можно сказать? Знал о многих агентах влияния и КГБ СССР, однако разоблачить их ему не было позволено. И не так уж трудно выявлять их было, трудности были в другом — в разоблачении. И еще: два неперемennых качества, которыми характери-

* И.Атаманенко. Агенты влияния. «Союзное вече», № 33, 16–22 августа 2007 года.

зуются агенты влияния: склонность к продажности, жажда обогащения за счет зарубежной разведки и предательство. В этом, кстати, заключается и большое сходство как «обычных» агентов, так и агентов влияния. Предатель остается предателем, независимо от того, каким образом он пошел на сотрудничество с иностранной разведкой. Очень правильно назвал В. Путин одного из таких предателей – скотиной и свиньей. Сможет ли предатель смотреть в глаза своим детям, близким? Сможет, у таких нелюдей отсутствуют стыд и совесть. Поэтому их надо своевременно выявлять, изобличать и подвергать суровой каре.

Важнейшим средством в деятельности органов госбезопасности всегда были и остаются агенты. Без агентурного аппарата ни одна специальная служба из существующих в мире не способна решать свои задачи. Андропов, судя по всему, уже по приходу в КГБ хорошо понимал эту истину. Но его интересовал вопрос, правильно ли, по действительному ли назначению используется это деликатное средство, соответствует ли работа органов КГБ с агентами природе социалистического государства. Он многое сделал для того, чтобы исключить разрастание агентурного аппарата, бездумное его использование не по назначению, жестко проводил в жизнь требование приобретения агентов только для конкретных целей.

В статье «Андропов: взгляд с Лубянки», опубликованной на официальном интернет-сайте fsb.ru, правильно отмечается, что Ю.В. Андропов акцентировал внимание оперативного состава на бережном и квалифицированном использовании такого важного, очень деликатного средства оперативно-розыскной деятельности, как агентура и требовал не повторять ошибок прошлого в ее использовании. Выступая на совещании руководящего состава контрразведки 23 марта 1978 года, он отмечал: «...как вы знаете, был период, когда некоторые стороны агентурной деятельности бросали тень на всю эту работу. Я имею в виду то, что люди называли “стукачеством”, то есть когда агентура в значительной мере ориентировалась на собирание мелкой, не имеющей прямого отношения к делу информации... Такие установки для агентов противоречили моральным и этическим

нормам, которые закладываются в семье, школе, рабочих коллективах. Все это в прошлом, но об этом следует помнить, чтобы не допускать новых ошибок. Мы поступаем правильно, когда ориентируем агентов не на подглядывание в щели или на подсчет пустых бутылок, а на выполнение тех больших, важных задач по обеспечению безопасности нашего государства, которые возложены на наши органы».

Несколько слов хочу сказать о советской разведке, которая была предметом особого внимания Андропова. О некоторых аспектах деятельности советской разведки опубликовано немало книг, в допустимых пределах осветил деятельность разведки бывший в течение многих лет ее руководитель и последний председатель КГБ СССР В.Крючков в своей книге «Личное дело». Хочу привлечь интерес читателей лишь к одной стороне деятельности этого важного инструмента – научно-технической разведке. Это направление в разведке было создано по инициативе Андропова и выполняло задачи добывания не только информации оборонного характера, но и материалов, которые могли быть использованы в народном хозяйстве. Юрий Владимирович, как истинный государственный, очень сильно хотел для нашей страны, для ее народа большого будущего, искал, чем он мог бы на своем новом посту помочь в этом важном деле. Ведь, образно говоря, он для этого и «скрестил» разведку с экономикой. Он восхищался прекрасными, умными головами советских ученых, потрясающими открытиями, великолепными изобретениями, но сетовал на то, что они слабо внедряются в производство. Будучи председателем Комитета госбезопасности, он проявлял заботу о производительной экономике, сильно желал ее приумножения. Его чрезвычайно беспокоило то, что ряд отраслей народного хозяйства, особенно легкая и перерабатывающая промышленность, отстают от мирового уровня развития, выпускают устаревшие изделия. Приведу один потрясающий пример. Будучи сам во всем аскетом, ничем модным не увлекавшийся, Юрий Владимирович дал задание внешней разведке получить за рубежом технологию производства модных мужских сорочек с твердыми воротниками и образцы готовых изделий. Разведчи-

ки выполнили поручение, показали ему всевозможные описания и готовые образцы таких сорочек. После изучения материалов и осмотра образцов Андропов поручил направить записку в Совет министров с просьбой найти возможности для внедрения на наших швейных фабриках новых технологий по производству сорочек и поручил взять этот вопрос на контроль. К сожалению, Министерство легкой промышленности «замотало» реализацию предложения. И, тем не менее, Юрий Владимирович все-таки добился выпуска модных сорочек с немнущимися воротниками.

Надо сказать, что научно-техническая разведка добывала много самых различных, весьма необходимых материалов для народного хозяйства. Многие технологии внедрялись в производство, но нередко этот процесс пробуксовывался. Юрий Владимирович вынужден был поэтому нередко вносить вопросы внедрения новых технологий в производство на Политбюро. Он часто задавался вопросом: почему мы в серьезных делах шагаем в ногу с Америкой, достигли паритета с ней в стратегических вооружениях, держим первое место в освоении Космоса, строим прекрасные самолеты, атомоходы, подводные ракетные крейсера и т.п., но не можем организовать для нашего народа производство модной одежды, обуви, видеоманитофонов, телевизоров, других качественных товаров. Нет денег? Вранье все это, не в этом дело. Дело в рутине, в очерствевших чиновниках, в низкой культуре, наконец.

И как он радовался, когда в Воронеже выпустили первые образцы видеоманитофонов, в целом не уступавших западным моделям, интересовался, какие меры принимаются для улучшения качества выпускаемых цветных телевизоров в Москве, Львове, Минске. Беседуя с руководителями местных органов КГБ, он всегда ставил перед ними задачу: посмотрите, что в вашей республике, крае, области делается в решении проблемы конверсии оборонных предприятий, какие новые товары потребления и конкретно на каких заводах, фабриках начали производить, как идут дела в строительстве жилья для народа, какие меры принимаются для повышения товаропроизводства

в сельском хозяйстве. Он говорил: «Вы должны опираться на партийные органы, но не забывайте, что и сами являетесь членами бюро партийных комитетов и депутатами советов депутатов трудящихся, поэтому будьте в гуще народа, как можно больше бывайте на предприятиях, в колхозах, совхозах, беседуйте с руководителями и простыми тружениками, острее ставьте необходимые для решения вопросы, побольше предъявляйте требований к нерадивым, бескомпромиссно подходите к бесхозяйственности и расточительству. Надо требовать от людей, особенно от руководителей, чтобы они шли в ногу со временем, не отходили в сторону от столбовой дороги научно-технического прогресса, иначе и страна окажется на обочине. Надо стремиться к тому, чтобы всех заставить работать на развитие страны. У наших людей, — говорил он, — хорошие мозги, но, к сожалению, мало организованности, дисциплины, целеустремленности, завершенности начатого. Сколько в стране “размазано” средств, ценностей по многочисленным незавершенкам и в то же время повсюду зачинаются все новые и новые стройки. С этим надо, наконец, разобраться», — говорил Юрий Владимирович.

И разобрался. Когда он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, то поручил КГБ проверить по всей стране на предприятиях и стройках, какое оборудование новейших технологий закуплено за рубежом, как ведутся шефмонтажные работы, в каком состоянии находится такое оборудование, кем и какие заказы сделаны на закупку нового оборудования. В связи с этим территориальными органами были проведены необходимые обследования. В Комитет поступила информация, которая была обобщена и направлена в ЦК КПСС. Информация повергла в шоковое состояние всех, кто с ней был ознакомлен. Были вскрыты вопиющие факты бесхозяйственности буквально во всех вопросах закупок и использования импортного оборудования. В большинстве случаев оно находилось под открытым небом, ржавело и гнило, много ценнейших материалов было расташено «несунами», многие механизмы разукomплектованы, вследствие чего для возведения отдельных предприятий импортное оборудование закупалось по несколько раз и т.д. Андропов вынес этот

вопрос на заседание Политбюро, куда были приглашены секретари соответствующих партийных комитетов и руководители предприятий. Многие были строго наказаны, а КГБ было поручено совместно с партийными органами взять под контроль использование такого оборудования. Кто-то скажет, – все это результат того, что оборудование было государственной собственностью. Нет, мы так не считаем. Это как раз и был один из элементов застоя, который образовался в брежневское время. Разве могло что-либо подобное происходить в военные и послевоенные годы? Зададимся и таким вопросом: почему полностью разрушены десятки тысяч предприятий и растащено их оборудование после приватизации, передачи в частную собственность?

Андропова чрезвычайно беспокоило состояние экономики. Дело в том, что к началу 80-х годов в стране появились угрожающие тенденции снижения уровня производства в ведущих отраслях экономики, затоваривания машиностроительной техникой, станками, дефицита товаров потребления, особенно сельскохозяйственной продукции. Нарастало состояние бесхозяйственности, разбазаривания и нерационального использования материальных ресурсов. В то же время убывающие ресурсы концентрировались в оборонном комплексе, недостаток товаров легкой промышленности и продовольственных товаров восполнялся закупками импортных товаров за счет невосполнимых энергоресурсов. Возникла угроза криминализации экономики, появилась и стала разрастаться теневая экономика. Плановая система снизила качество своего функционирования, все больше превращаясь в конъюнктурный механизм залатывания прорех в экономике.

Что это было – застой? Может быть – да, по конечным результатам. По существу же это было самой настоящей всеобщей расхлябанностью, наступившей в масштабе всей страны, неспособностью сформировавшихся к тому времени кадров правильно управлять рычагами экономики. Ничего конструктивного по вопросам обновления экономической политики не внесли наши ученые экономисты, даже в подготовке нового учебника по политэкономии социализма они проявили полную беспомощность.

В этой связи вспоминается наш разговор с Юрием Владимировичем, который произошел где-то в 1981 году. Готовясь к заседанию Коллегии КГБ по вопросу работы Шестого (экономического) управления, Юрий Владимирович поручил подобрать ему в библиотеке последние издания книг и журналов по вопросам экономики. При возвращении мне литературы он махнул рукой и сказал: «Забери эту макулатуру. Я думал, они куда-то продвинулись. Нет, ничего нового, никаких идей. А ведь должны были что-то сделать». Далее Юрий Владимирович рассказал, что несколько лет назад по поручению Брежнева Суслов собрал наших видных ученых и предложил им подготовить раздел по вопросам экономики к докладу на съезде партии. Два месяца ученые работали и принесли рукопись, которую стыдно было показать Генеральному. Когда рукопись представили Брежневу, он, просмотрев ее и выслушав пояснения, сказал: «Посмотрите с Андроповым внимательней, может быть тут есть что-то полезное». Посмотрели и взяли из рукописи фразу «Экономика должна быть экономной», которая потом стала предметом насмешек самих же авторов-экономистов. А доклад, в том числе раздел по экономике, пришлось готовить самим.

Сейчас некоторые из тех экономистов высокомерно критикуют экономику социализма и говорят, что находились к ней в оппозиции. Да нет, не было ни оппозиции, ни позиции, было самое настоящее комчванство, желание работать только на себя, на получение высоких ученых степеней, званий и должностей. Разумеется, способствовала всему изложенному наступившая в годы хрущевской оттепели и брежневского «золотого века» сложившаяся всеобщая расслабленность, снижения требовательности, ответственности людей за порученное им дело. Долгое время наших ученых экономистов занимал вопрос: «план или рынок». Более того, наши экономисты где-то еще в 70-х годах, хотя проявления этого были и ранее, разделились на две категории: плановиков и рыночников. Как много творческой энергии было растрчено на то, чтобы обосновать и доказать верность той и другой позиций! А ведь этот спор и идейное расхождение методологически несостоятельны.

И все-таки понять эту простую истину о возможности соединения плановых начал и рынка, которая, кстати, к тому времени достаточно убедительно подтверждалась функционированием экономики развитых капиталистических государств, наши экономисты не смогли, план и рынок рассматривались ими только альтернативно. Всякие попытки соединить, синтезировать эти два метода рассматривались чуть ли не как оппортунистические.

Очень сильно беспокоили Андропова появившиеся в стране и партии элементы коррупции, и он повел активную борьбу с этим злом. При этом надо сказать, что он пошел на весьма рискованный лично для него шаг. Дело в том, что коррупцией были охвачены отдельные представители высших эшелонов партийной власти, прежде всего среднеазиатских республик, которые находились под покровительством близких к Брежневу людей. И тем не менее он вступил в эту борьбу, рискнул собственной карьерой, если не сказать больше. Сегодня приходится читать статьи некоторых недоброжелателей Андропова, в которых утверждается, что он делал все, чтобы занять место Брежнева, всячески льстил, угождал ему. Это неправда. Если бы он имел такие намерения и вел себя так, он не пошел бы на изобличение в причастности к крупным хищениям дочери, зятя Брежнева и других близких генсеку людей. Между тем он лично докладывал Брежневу информацию о такого рода явлениях, руководствуясь исключительно государственными интересами.

Когда задаешься вопросом, почему многие в прошлом партийные деятели стали яркими антикоммунистами и сторонниками возврата к капитализму, приходишь к выводу, что для этого есть следующие причины. Многим из таких деятелей легко открылся в тех или иных формах доступ к дармовым богатствам, которые ранее принадлежали государству и которыми они управляли. Они прекрасно понимали, какую ценность представляют эти богатства, но легальных возможностей их присвоения они в то время не имели. А соблазн появлялся. Поэтому поначалу кое-кто из них стал приобщаться к таким ценностям незаконно, а вернее сказать, их постепенно стали приобщать к этим ценностям разного рода оборотистые теневики-цеховики и партийные

чиновники рангом ниже, в основном районного масштаба. Эти люди менее других стеснялись себя нравственными и правовыми нормами и очень легко запускали руки в государственные закрома.

В 80-е годы расследованием уголовных дел Комитетом госбезопасности СССР и местными органами КГБ было установлено, что, к примеру, в Узбекистане, Молдавии, Таджикистане, Грузии, Краснодарском крае, других регионах сформировалась и широко распространилась практика преподнесения руководителями низовых партийных и государственных органов высшим руководителям крупных сумм денег, ювелирных изделий, дорогих предметов ширпотреба, мебели и т.п. Стала распространенной практика получения крупных сумм денег, коньяков, вин, дефицитных продуктов питания партийным и государственным «руководителям» в случаях их командировок в Москву. При выездах таких лиц на крупные общепартийные мероприятия в Москву формировались целые вагоны с обилием «необычных» спиртных напитков и других угощений. Особенно отличались этим руководители республиканских, краевых и областных комсомольских организаций, которые были неизменными участниками партийных и комсомольских съездов, конференций, других многочисленных спортивных, международных форумов, встреч, фестивалей и т.п. Мне приходилось читать сообщения оперативных работников, участвовавших в обеспечении безопасности таких деятелей в гостиницах, домах отдыха, спорткомплексах «Спутник» и других местах. В этих сообщениях описывались бесшабашные пьянки и оргии с женщинами, другие безобразные факты. Информация о самых вопиющих фактах докладывалась руководству КГБ. Ю.В.Андропов давал указания некоторые сообщения подобного характера отложить в папку для доклада Л.И.Брежневу. Эти сообщения возвращались с пометкой «Должено, уничтожить». Ну и, разумеется, масса такой информации уничтожалась непосредственно в оперативных подразделениях в соответствии с постановлениями ЦК КПСС, запрещавшими органам КГБ вести оперативно-розыскную работу в партийных, советских и комсомольских органах.

К началу 80-х годов назрела крайне неприглядная обстановка в Узбекистане. В органы КГБ поступали данные о том, что ряд руководящих работников ЦК и обкомов компартии Узбекистана, облисполкомов, других государственных органов погрязли во взяточничестве, приводились конкретные задокументированные факты. С разрешения Андропова в отношении некоторых лиц были возбуждены уголовные дела, которые были тщательно расследованы, поступившие данные не только были подтверждены, но и дополнены новыми. Например, у руководителя областного УМВД во время обыска было обнаружено и изъято более 90 кг изделий из золота, платины и серебра и крупные суммы денег. У многих других обвиняемых также было изъято большое количество ценностей и валюты, — в большинстве случаев все это хранилось в тайниках.

Вспоминается разговор, состоявшийся у меня с бывшим в то время начальником следственного изолятора КГБ СССР. Он рассказал о том, что в Лефортово содержатся основные обвиняемые, все дают признательные показания. Я спросил его, не приходилось ли ему говорить с обвиняемыми о том, зачем надо было брать так много денег и ценностей, разве нельзя было остановиться и прекратить преступную деятельность? Начальник изолятора ответил, что, конечно, он спрашивал об этом. Все они отвечали, что к поборам привыкаешь настолько, что ограничить себя уже невозможно, тем более что заниматься этим позволяла абсолютная безнаказанность и практически всеобщая вседозволенность. Один обвиняемый свою психологию сравнил с психологией обезьяны. Он спросил: «Знаете, как в Африке ловят обезьян? Закладывают в узкое дупло дерева орехи, обезьяна берет их, сжимает руку в кулак, из-за чего вытащить ее уже не может, но и заставить себя разжать кулак и оставить в дупле орехи тоже не может. Так и мы поступаем, как обезьяны».

Вот, оказывается, какими, в основном, причинами объяснялась необходимость наведения порядка в стране, а не отлавливанием людей в рабочее время в магазинах и парикмахерских, как об этом так много пишут недоброжелатели Андропова. Кстати, когда он узнал об этой порочной практике, он возмутил-

ся, обозвал инициаторов такой практики «партийными дураками» и дал указание немедленно прекратить это безобразие.

За многие годы работы в различных сферах у Ю.В.Андропова сформировался свой собственный, я бы сказал, особый стиль работы. Многие, видевшие его в делах, удивлялись, как быстро и глубоко он смог вникнуть во многие тонкости работы КГБ. Что это, особый дар провидения? Слов нет, Андропов был талантливым человеком, обладал необычным аналитическим умом, способностью быстро, подчас моментально вникать в суть сложных проблем. Но он обладал и другим присущим ему качеством: самым внимательным образом изучать новое дело, видеть в нем главное и не оставлять без внимания, не откладывать на потом второстепенные вопросы. Он часто говорил: в контрразведке и разведке нет второстепенных вопросов, здесь любой вопрос в определенных обстоятельствах может стать главным, а нередко для исполнителей — судьбоносным. Поэтому он постоянно учился, осваивал непростые стороны оперативного искусства. Даже длительное время проработав в должности Председателя КГБ, он не переставал учиться. Внимательно следил за всеми издаваемыми учебниками, пособиями, монографиями, статьями по проблемам разведки и контрразведки, быстро отбирал из их числа представлявшие для него наибольший интерес, имел какое-то удивительное чутье на новизну, на актуальность той или иной работы.

Когда Юрий Владимирович пришел в КГБ, он дал поручение найти людей, которые помогли бы ему изучить основы контрразведки и разведки. Он создал группу консультантов при Председателе КГБ, на работу в которую на первых порах были взяты бывший заместитель начальника Высшей школы КГБ по научной работе И.С.Розанов и высокой степени квалификации практические работники: заместитель начальника Второго Главного управления А.М.Горбатенко и один из бывших руководящих работников газеты «Правда» В.В.Шарапов. С каждым из указанных консультантов Юрий Владимирович проводил много-часовые беседы, проявлял интерес ко многим вопросам чекистской теории и практики. И.С.Розанов, ныне покойный, расска-

зывал, что он предоставил Юрию Владимировичу все заслуживающие внимания источники, которые тот самым тщательным образом изучил, более того, высказал много ценных замечаний по их содержанию и полезных мыслей по совершенствованию работы на многих направлениях деятельности органов госбезопасности. Круг интересов его был необыкновенно широким. Он ввел для себя правило, чтобы к выходным дням Секретариат подбирал для него по его заказам многие наименования журналов, новинки художественной, политической и исторической литературы, часто заказывал редкие книги, к концу рабочего дня в пятницу, а это было в 21–22 часа времени, ему доставляли большой «дипломат», наполненный материалами, которые он неизменно в понедельник возвращал. Часто оставлял у себя отдельные книги или журналы, но обязательно предупреждал об этом и через какое-то время непременно возвращал.

Юрий Владимирович не был сухим, нелюдимым человеком, как кое-кто из нынешних публицистов пытается его представить. Напротив, он был весьма общительным человеком. По моим личным наблюдениям, он большую часть времени проводил, принимая людей. К утру очередного рабочего дня Секретариат составлял для него список лиц, с которыми он назначил встречу. Этот список, конечно же, не выдерживался, у Юрия Владимировича у самого часто к кому-то из подчиненных появлялись вопросы, и он вызывал их, кто-то «пробивался» к нему, заранее не оговорив встречу. И он, если не мешали какие-то обстоятельства, обязательно принимал их, хотя нередко незлобно ворчал, что у него масса дел, а вы, дескать, устраиваете незапланированные встречи. Были среди начальников подразделений хитрецы, которые лично докладывали ему свои документы, много документов передавали на доклад через Секретариат и к тому же в течение дня несколько документов присылали в закрытых пакетах с пометкой «только лично». Этим особенно отличался В.А.Крючков. Помню, на первых порах моей работы в Секретариате во время моего дежурства в выходные дни Крючков стал присылать по нескольку таких пакетов. Однажды, получив от него пакет с пометкой «только лично» и «срочно», я зашел

к Юрию Владимировичу, чтобы передать пакет. Он засмеялся: «Ты же знаешь, что Крючков час назад ушел от меня, он представил мне пачку документов сам и через Секретариат передал целую кипу, а сейчас через тебя подсовывает еще документы. Отошли назад и скажи, что он пройдоха». Я отошел к двери, задержался и сказал: «Юрий Владимирович, а может быть в конверте действительно что-то срочное?». Тогда он сказал: «Оставь, я посмотрю». Я позвонил В.А.Крючкову, тот тоже рассмеялся: «Ничего, не волнуйся, он это не со зла, у меня действительно много документов. А злоупотреблять я больше не буду».

Очень много людей принимал Юрий Владимирович из местных органов КГБ. Практически любой руководитель, оказавшийся в Москве, мог попасть к нему. При этом особых предпочтений у него не было, но, как мне казалось, благоволил он к пограничникам: начальникам погранокругов и вновь назначаемым начальникам погранотрядов, а также руководителям органов КГБ дальних регионов. У него всегда находились к ним какие-то вопросы. Так у пограничников он интересовался, как обустроены погранзаставы, в каких условиях несет службу их личный состав, какие настроения у людей, в чем испытывают нужду и т.п. Должен сказать, что за время работы Андропова председателем КГБ почти на всех пограничных заставах были построены добротные казармы для переменного состава и жилые дома для офицеров и сверхсрочников.

Сегодня приходится читать и слышать, что к Андропову часто приходили и чуть ли не «ногой открывали дверь в его кабинет» бывшие его консультанты по работе в ЦК КПСС. Это неправда. Чаше всех Юрий Владимирович принимал Е.Примакова, но не как экономиста, а как специалиста по странам Ближнего Востока. Знаю, что Примаков выполнял большую работу по урегулированию сложной обстановки в этом регионе.

В организации повседневной работы Ю.В.Андропов опирался на своих помощников – руководителей Секретариата, помощников по КГБ и Политбюро и консультантов, которыми в разное время, а некоторые бессменно, были В.А.Крючков, П.П.Лаптев, Е.Д.Карпещенко, Е.И.Калгин, И.Е.Синицын, Ю.С.Плеханов,

И.С.Розанов, Б.С.Иванов, С.А.Кондрашов, В.В.Шарапов, В.Г.Митяев, Г.К.Ковтун, Н.А.Рымарев, В.Н.Губернаторов, В.С.Ушаков, Ю.И.Спорыхин.

Работал Ю.В.Андропов очень много, постоянно был занят как делами КГБ, так и исполнением обязанностей члена Политбюро, депутата Верховного Совета СССР. Он постоянно работал сам над всевозможными докладами и выступлениями, для подготовки которых обычно привлекал также 3—4 человека из своих помощников и консультантов. Не помню случая, чтобы он привлекал для этого кого-либо из работников ЦК КПСС. Он рассаживал всех за приставным столом и сразу, как говорится, брал быка за рога. Любимым его выражением было «зачин». Для зачина, говорил он, надо написать следующие фразы и далее задиктовывал. Затем рассуждал сам и вовлекал в рассуждения всех: какие вопросы, проблемы следует поставить. Когда тема была охвачена проблемами, начинал формулировать основные тезисы и тут же говорил, в каком ключе их развивать и чем аргументировать. Такие проработки были подчас продолжительными, все зависело от темы и характера предстоящего выступления. После этого давал очень короткий срок, произнося дежурную фразу: «Освободитесь от всего, работайте только над докладом». Никто, конечно, не мог ни от чего освободиться, всевозможных дел было невпроворот. Первоначальный текст докладывался только Юрию Владимировичу, он никогда никому не посылал сырой материал. После изучения текста вновь собирал группу, как правило, говорил, что, кажется, попали в цель, получилось неплохо, а затем спокойно разбирал его по косточкам и отдавал на доработку. После доработки — снова на доклад ему. Далее над текстом Юрий Владимирович работал сам, нередко от представленного текста оставались только основополагающие положения. Текст перепечатывался, Юрий Владимирович снова отдавал его той же группе «на ревизию», затем окончательное редактирование и перепечатка. Позволялось и поощрялось при этом излагать новые, нестандартные мысли. Он моментально оценивал их, говорил «годится» или отвергал.

Вспоминаются многие интересные случаи. Участвовал я в подготовке в указанном режиме доклада о борьбе с идеологической диверсией. После задиктовки основных положений, я высказал несогласие с определением понятия этой формы подрывной деятельности и некоторыми другими положениями, аргументировал свои суждения. Юрий Владимирович сказал: «Попытайтесь изложить ваши взгляды письменно». Я ответил, что они уже изложены в нескольких изданных книгах. Юрий Владимирович заинтересовался, попросил показать ему книги после обеда. Когда я принес одну из них, он внимательно начал ее листать, задерживаясь на некоторых местах. Затем спросил: «Это вы с Филиппом (имея в виду Ф.Д.Бобкова) написали, почему же он мне их не показал?». Я ответил, что Филипп Денисович, видимо, посчитал нескромным для себя делать это. «Напрасно», — сказал Юрий Владимирович. Потом позвонил М.А.Суслову, и у них состоялся такой разговор. «У меня тут есть один ученый помощник, так вот он говорит, что мы неправильно понимаем сущность идеологической диверсии», — и далее по-своему, но удивительно верно изложил суть вопроса. Суслов сказал: «А ты знаешь, он ведь прав. Может быть ты покажешь мне эту книгу, мне было бы интересно ее прочитать». На что Юрий Владимирович ответил: «Я бы дал тебе ее, но дело в том, что на ней стоит гриф “секретно”». «А что, разве ты не оформил еще мне допуск к секретным документам?» — спросил Суслов. Я с удовольствием послушал шутливую и в то же время деловую манеру разговаривать между собой великих людей. Книгу Суслову Юрий Владимирович дал почитать, вернул мне ее через неделю, сказав, чтобы я продолжал работать над темой.

А первыми материалами, которые я подготовил для Юрия Владимировича, были заключение по проекту Коллегии и тезисы его выступления на заседании Коллегии. После заседания Юрий Владимирович позвонил начальнику Секретариата Е.Карпещенко и, как мне показалось, строгим голосом спросил его: «Кто готовил материалы для Коллегии?». Карпещенко ответил, что материалы готовил новый заместитель начальника Секретариата. «Очень толковые материалы, пускай

зайдет ко мне». Когда я зашел, он похвалил за подготовку материалов, а я по своей наивности сказал ему: «Но ведь вы почти не использовали тезисы в своем выступлении». Юрий Владимирович ответил мне тогда: «Имей в виду, я с листа на Коллегии и совещаниях никогда не выступаю, но твои материалы помогли мне получше разобраться во многих вопросах». Когда я возвратился от него и стал разбирать возвращенную мне папку, то обнаружил в ней от руки написанные краткие заметки для выступления. Кстати скажу, что в тот раз я впервые присутствовал на заседании Коллегии. Оно произвело на меня огромное впечатление деловитостью и оперативностью обсуждения вынесенных вопросов. Юрий Владимирович не терпел пустых, дежурных выступлений, требовал от всех говорить по делу, поощрял новые подходы, вскрытие новых проблем, внесение толковых предложений.

Большую работу Юрий Владимирович проводил как депутат Верховного Совета СССР. Люди присылали ему очень много писем и как депутату, и как председателю КГБ. На письма избирателей ответы, как правило, он писал сам и сам их подписывал, никогда не пользовался факсимиле. Чаще всего письма содержали просьбы помочь с жильем, были среди них и письма с жалобами на представителей власти, руководителей предприятий. Нередко для изучения вопроса по существу он посылал своего помощника по Политбюро или старшего офицера приемной, который вел дела с депутатской перепиской. Юрий Владимирович обычно откликался на просьбы людей, если они были обоснованны, непременно добивался положительного решения. Бывший начальник личной охраны Ю.И.Спорыхин вспоминает много весьма показательных в связи с этим случаев. Когда Андропов был депутатом по Новомосковскому избирательному округу, к нему поступило коллективное письмо, в котором шахтеры Новомосковска сообщали ему, что райисполком принял решение ликвидировать их садовое товарищество и снести садовые домики шахтеров, просили помощи. Юрий Владимирович несколько раз посылал в Новомосковск своего помощника Синицына и Спорыхина. Их настойчивые просьбы и разъяснения, что

нельзя допустить сноса садовых домиков шахтеров, не дали результата. Юрий Владимирович направил личные письма председателю райсовета, секретарю райкома, затем секретарю Тульского обкома КПСС И.Х.Юнаку. Все отказали в просьбе депутата и члена Политбюро, ссылаясь на то, что занимаемая под шахтерские сады площадь необходима для строительства жилых домов. Тогда Юрий Владимирович вновь послал Сеницына и Спорыхина, попросил секретаря райкома собраться всем заинтересованным и решить вопрос в пользу шахтеров; он знал, что все возможности для этого были. Сеницыну и Спорыхину он сказал, что в Москву они не должны возвращаться, пока вопрос не будет решен. В конце концов местные власти сдались, вопрос был решен.

При посещении одного колхоза в Серебрянопрудском районе Юрию Владимировичу в целом понравилось хозяйство, но он обратил внимание руководителей на то, что они не используют имеющиеся возможности для развития товаропроизводства. Он говорил о том, что можно ведь организовать в колхозе различные промыслы, например тепличное хозяйство, и в частности предложил создать по опыту венгерских кооперативов гусиную ферму. Ему ответили, что, конечно, можно было бы попробовать, но дело это для них незнакомое. Юрий Владимирович спросил: «А если я пришлю вам все материалы по технологии, возьметесь?». Согласились. По возвращении в Москву он запросил через представителя КГБ в Будапеште прислать соответствующие материалы, в том числе по выращиванию гусей для производства гусиной печени. Дело пошло. По инициативе Андропова для строительства комплекса колхозу были выделены необходимые средства. Юрий Владимирович неоднократно посылал в этот колхоз своего помощника посмотреть, как идут дела. Однажды оказалось, что возникли проблемы с инкубатором, и стали болеть и погибать гусята. Юрий Владимирович немедленно поручил связаться с венгерским кооперативом, чтобы оттуда прислали необходимые рецепты и методики лечения. Оказалось, проблема возникла из-за того, что гусят перекармливали сочной травой, а ее надо предварительно подвяливать.

Сложным было лечение, надо каждому гусенку по несколько раз в день заливать пипеткой в клюв антибиотик. А что касается выращивания гусей для производства гусиной печени, то ведь каждого гуся несколько раз в день надо насильно кормить искусственным путем. Не нравилось все это нашим людям. Но в конце концов положение выправили. Юрий Владимирович радовался этому, но сетовал на то, что наши люди не приучены кропотливо трудиться. Наш крестьянин вспашет огромные поля, засеет их, посадит картофель, свеклу и капусту и гуляет до уборки урожая. А между тем есть много возможностей заниматься и какими-то другими делами.

Юрий Владимирович очень много думал над причинами, вследствие которых возникали в стране, и в частности в экономике, негативные явления и тенденции, над тем, почему такая богатая ресурсами и людьми страна отстает в развитии от передовых западных стран. В своих раздумьях он пришел к главному своему вопросу — о необходимости изучить общество, в котором живем. Этот вопрос возник у него задолго до перевода его на работу в ЦК КПСС. При определенных обстоятельствах в беседах с людьми, с которыми у него были доверительные отношения, он пытался его затрагивать, но до поры до времени от обстоятельного обсуждения воздерживался.

В этой связи вспоминается такой случай. В декабре 1981 года я возвратился из Чехословакии, где отдыхал в санатории «Империал». По приезду зашел к Юрию Владимировичу с какими-то документами. Он спросил, как отдохнул, подлечился. Я ответил, что в целом нормально, не считая того, что неделю в номере не было никакой воды, долго не могли прислать сантехника. Далее рассказал ему, что когда уже в который раз обратился к администратору, тот ответил: «Скоро исправим, подождите немного, у нас ведь не развитой социализм, как у вас». Юрий Владимирович неожиданно спросил меня: «А ты как думаешь, у нас развитой социализм?». Ответил ему, что у нас создано много даже элементов коммунизма, но считать социализм развитым или зрелым, думаю, еще нет оснований, надо еще многое достроить и исправить. Юрий Владимирович прервал разговор и сказал:

«Ладно, будем достраивать». Любимым его выражением было «не сезон», что означало «надо подождать». И не потому, что он боялся за себя от постановки такого вопроса, нет, конечно. Он считал, что постановку вопроса о характере и содержании общества неправильно расценят его товарищи по Политбюро. И, разумеется, остерегался, как бы не вызвать в обществе ненужный, бесплодный резонанс от постановки такого вопроса. Думаю, он считал, что этот вопрос должен был исходить не от руководителя КГБ. И тем не менее должен сказать, что Юрий Владимирович неоднократно подавал сигнал нашим обществоведам для того, чтобы они занялись исследованием этого сложного вопроса. Мне даже кажется, что вернее было бы говорить, что Юрий Владимирович не столько ставил вопрос, сколько упрекал партию, ее руководителей в том, что они плохо знают общество, упрекал он и советских людей в том, что они плохо знают и не ценят общество, в котором живут.

Многие публицисты почему-то считают, что вопрос об изучении общества Юрий Владимирович впервые поставил в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», опубликованной в журнале «Коммунист» №3 за 1983 год. Это не совсем так. Окончательно он поставил этот вопрос и даже изложил свои ответы на него в своем выступлении на июньском, 1983 года, Пленуме ЦК КПСС. Однако, повторяю, подходил Андропов к прямой постановке указанного вопроса постепенно. В очень аккуратных формулировках обозначил он его еще в речи на встрече с избирателями Новомосковского избирательного округа 9 июня 1975 года и Ступинского избирательного округа 27 февраля 1979 года, на встрече с московскими станкостроителями 31 января 1983 года. И конечно же, ряд серьезных выводов сделал Андропов в упомянутой статье об учении Карла Маркса, о чем скажу отдельно.

* * *

В мае 1982 года Ю.В.Андропов был переведен на работу в ЦК КПСС на должность Секретаря Центрального Комитета. В ноябре 1982 года после кончины Л.И.Брежнева на Пленуме

ЦК КПСС был избран Генеральным секретарем партии, а вскоре – Председателем Верховного Совета СССР.

Тяжелая болезнь позволила Ю.В.Андропову короткое время быть во главе партии и советского государства. Но и за короткое время ему удалось многое сделать, он оставил о себе хорошую память и у своих соратников, и у народа. Оставил он и солидное творческое наследие, которое, как мне представляется, недостаточно еще нами изучено. Можно сказать так: с назначением на высшие партийные и государственные посты для Андропова наступил момент поиска истины, ему надо было прежде всего понять, чем ему предстоит руководить, куда и какими путями надо вести страну, общество и государство. Превозможная недуг, Андропов начал интенсивно общаться с трудовыми коллективами, с народом. Конечно же, он обратился к трудам Карла Маркса, он хотел своим зорким взором увидеть в них если не ответы, то, по крайней мере, подходы к пониманию сложнейшей реальности, которая определялась в программных документах как «реальный социализм», «развитой социализм».

Я уже отмечал, что Андропов с большой осторожностью относился к идеям проведения реформ. Ему больше импонировали категории «совершенствование», «улучшение», «исправление», «внедрение чего-то нового». Реформа же предполагает «преобразование», «изменение», «переустройство». Зачем же нам преобразовывать то, что в целом оправдывает себя и выдержало такие суровые испытания? – задавался он вопросом.

И вот как выразил свои мысли по анализу существующего положения дел и ориентирам на будущее Ю.В.Андропов на июньском Пленуме ЦК КПСС 1983 года. «В связи с разработкой Второй программы партии В.И.Ленин говорил: “Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся”. Так надо действовать и нам, товарищи.

Для правильного понимания перспектив – и в экономике, и в политике, и в идеологии – нужно прежде всего ясно представлять себе характер того этапа общественного развития, на котором мы сейчас находимся. Партия определила его как

этап развитого социализма. Это общество, где уже полностью созданы экономическая база, социальная структура, политическая система, соответствующие социалистическим принципам, где социализм развивается, как принято говорить, на своей собственной, коллективистской основе».

Далее Андропов сказал, что все это, «...конечно, не означает, что созданное у нас общество можно считать совершенным. В нем еще много объективно обусловленных трудностей, естественных для нынешнего уровня развития. Немало есть и недостатков, вызванных субъективными причинами, не всегда умелой и организованной работой людей. Программа партии в современных условиях должна быть прежде всего программой планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма»...

Затем Юрий Владимирович уделил большое внимание проблеме развития производительных сил. «Мы в своем общественном развитии, — говорил он, — подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее ему совершенствование производственных отношений. В сфере экономической ключевая задача — кардинальное повышение производительности труда. Сейчас, в условиях научно-технической революции, эта задача приобрела особое значение — как для нашего внутреннего строительства, так и в международном плане. По какому пути пойдет в обозримом будущем развитие производительных сил нашей страны?»

Ближайшая цель ясна: прежде всего надо навести порядок в том, что у нас имеется, обеспечить наиболее разумное использование производственного и научно-технического потенциала страны, в том числе преодолеть отставание таких отраслей, как сельское хозяйство, транспорт, сфера услуг».

Главный путь к качественному сдвигу в производительных силах Андропов видел в переходе к интенсивному развитию, соединении на деле преимуществ социалистического строя с достижениями научно-технической революции. Он, говорил, что мы находимся на таком этапе научно-технической революции,

который приобщает человечество к технологическому перевороту во многих сферах производства. Особого внимания заслуживают следующие высказывания Андропова.

«Решающее значение приобретает ныне единая научно-техническая политика. Нас ждет огромная работа по созданию машин, механизмов и технологий как сегодняшнего, так и завтрашнего дня. Предстоит осуществить автоматизацию производства, обеспечить широчайшее применение компьютеров и роботов, внедрение гибкой технологии, позволяющей быстро и эффективно перестраивать производство на изготовление новой продукции. Будущее нашей энергетики – это прежде всего использование новейших атомных реакторов, а в перспективе и практическое решение проблемы управляемого термоядерного синтеза. На повестке дня и такие задачи, как получение материалов с заранее заданными свойствами, развитие биотехнологии, широкое применение в промышленности безотходных и энергосберегающих технологий. Все это приведет к подлинной революции в нашем народном хозяйстве.

Радикально изменит положение в области производительности труда широкое применение роботов, особенно на тех участках производства, где сейчас еще используется ручной, тяжелый физический, малоквалифицированный и монотонный труд. Это даст возможность сотням тысяч людей работать в других, более благоприятных условиях, получать большее удовлетворение от своего труда».

В то время постановка указанных задач была названа ускорением научно-технического прогресса. Сегодня практически об этом же говорится как о модернизации. Ну что ж, дело ведь не в словах, важно, что суть проблемы «схвачена» верно. А важно, чтобы эта задача была воплощена в реальности.

Вопрос о совершенствовании развитого социализма поднял Ю.В.Андроповым и в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Здесь он изложил этот вопрос через необходимость правильного понимания сущности отношений собственности при социализме. В неверном или неполном решении этого вопроса он видел источник

основных противоречий в социалистическом обществе. «Исторический опыт реального социализма показывает, — пишет Андропов, — что превращение “моего”, частнособственнического, в “наше”, “общее” — дело непростое. Переворот в отношениях собственности отнюдь не сводится к одновременному акту, в результате которого основные средства производства становятся общенародным достоянием. Получить право хозяина и стать хозяином — настоящим, мудрым, рачительным — далеко не одно и то же». Он считал, что вопрос о переходе государственной собственности в общую, общенародную в нашей стране полностью еще не решен, вследствие чего развитым социалистическим обществом оно в полной мере еще не является. «Говоря о превращении “моего” в “наше”, — указывал Андропов, — нельзя забывать, что это длительный, многоплановый процесс, который не следует упрощать». Многие трудности в обществе он связывал именно с диалектической борьбой понятий «мое» и «наше». В этом сложном диалектическом процессе он видел две стороны: материальную и мировоззренческую. Поэтому и утверждал: «Даже тогда, когда окончательно устанавливаются социалистические производственные отношения, кое у кого еще сохраняются, а то и воспроизводятся индивидуалистические привычки, стремление поживиться за счет других, за счет общества. Все это, пользуясь терминологией Маркса, последствия отчуждения труда, и они не улетучиваются автоматически и вдруг из сознания, хотя само отчуждение уже ликвидировано».

Рассуждая об изложенных и других проблемах развития нашего общества, Андропов делает вывод: «Понятно, что все это достигается не на другой день после установления общественной собственности. Поэтому оно не может сразу же оцениваться как “уже готовый, заверченный социализм”».

Есть в статье и другие подобные положения, причем изложены они как бы в общетеоретическом аспекте и разбросаны по всему тексту. А вот на июньском 1983 года Пленуме ЦК КПСС, посвященном идеологической работе партии, рассматриваемый вопрос поставлен уже совершенно конкретно. «Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна

опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок.

Для правильного понимания перспектив – и в экономике, и в политике, и в идеологии – нужно прежде всего ясно представлять себе характер того этапа общественного развития, на котором мы сейчас находимся. Партия определила его как этап развитого социализма...

Но все это, конечно же, не означает, что созданное у нас общество можно считать совершенным».

Из вышеизложенного напрашиваются следующие выводы. Во-первых, Андропов не утверждал, что мы не знаем общество, в котором живем, как интерпретируют его суждения многие авторы. Он говорил, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся». Во-вторых, в его суждениях нет ни грамма сомнений в том, что в Советском Союзе построен социализм. Более того, он признавал, что у нас построено общество развитого социализма, но которое находится на этапе совершенствования. В-третьих, он считал, что в нашем обществе, как в экономике, так и в политике и идеологии, есть противоречия, недостатки, несовершенства, которые надо творчески, но настойчиво устранять.

Анализируя изложенные в докладах, речах и статьях мысли, воззрения, оценки, опираясь на личное общение с Андроповым, можно выделить несколько блоков вопросов, которые вызывали его особую озабоченность.

Первый – это блок вопросов экономических и прежде всего касающихся решения при социализме проблем собственности. При этом диалектика борьбы психологических категорий «мое» и «наше», «общее» далеко не исчерпывает всех накопившихся проблем в экономической сфере. Сюда следовало также отнести вопросы производительности труда, заработной платы,

в том числе уточнения принципа оплаты труда при социализме, проблемы планирования развития экономики, в том числе развития групп «А» и «Б», вопросы развития сельского хозяйства, наконец, внедрение и развитие новых форм хозяйствования и многое другое. Уверен, что Андропов размышлял и о том, что следует понимать и под общей собственностью.

Второй блок — идеологические вопросы, мировоззренческое состояние, в котором оказалось общество. Андропов прекрасно понимал, что марксистско-ленинская теория в принципе, в основе своей, идеальна. Понимал он, однако, и другое: уже в ходе революции и особенно в процессе строительства социализма в силу различных причин неизбежны отклонения от нормативной идеологии. Величина этих отклонений различна и зависит, прежде всего, от того, кто борется за их реализацию. Известно, что идею часто перехватывают либо нечестивцы либо оппортунисты, опасность которых состоит в том, что они выступают под краденными у коммунистов лозунгами, до известной поры ловко маскируются, изошренно лгут, мимикрируют. Об этом строго предупреждали еще Маркс и Ленин. Хорошо, когда есть верные идеи и способные их развивать и претворять в практические действия вожди или среди вождей есть люди, способные отстаивать идею, отстаивать в суровой борьбе. После Ленина у нас были такие люди, но перевелись, измельчали, многие переродились. В конечном итоге мы столкнулись с неизвестным для нас явлением — изменой вождей. И народ обозлился на коммунистов лишь потому, что их верхушка опошшила социалистическую идею, сформировала из нее для многих людей карикатурно-отталкивающий образ социализма. Партия плохо учитывала сложившуюся в мире обстановку, не создала эффективную систему борьбы против мощного натиска подрывной буржуазной пропаганды, вследствие чего ей удавалось отклонять от социалистической идеологии многих ее носителей, разрушать их социалистические взгляды, идеи и ориентации, многие граждане либо утрачивали веру в социализм, либо неверно истолковывали его сущность, либо индифферентно относились к его судьбам.

Андропов хорошо понимал, что при строительстве реального социализма вообще, и в нашей стране в особенности, неизбежно такое явление, как «отложенные идеи». В силу сложных обстоятельств, вызванных, прежде всего, необходимостью решать проблемы обороны, безопасности страны, восстановления народного хозяйства, постоянно приходилось откладывать решение многих задач жизнедеятельности общества. Это хорошо понимал В. Ленин, который вынужден был убедить партию даже в необходимости пойти на временное отступление, ввести НЭП. Понимал это и И. Сталин, который в интересах победы над злейшим за всю историю России врагом на многие годы откладывал решение задач удовлетворения благосостояния людей. Последующие вожди нашей страны тоже откладывали решение многих проблем, но в то же время по существу обманывали народ своими неверными оценками состояния общества.

Третий блок – вопросы партии и партийного строительства в стране. Андропов был убежден, что партия по своей численности, структуре и уровню идейности ее членов перестала отвечать ленинским требованиям. Он сетовал на то, что партия численно разрослась до неприемлемой величины. В партию пришло много людей не по идейным принципам, а из карьерных соображений. Из нее в силу объективных причин ушли многие коммунисты, которые составляли ее основу, идейный и организационный стержень. Из партии был вымыт тот тонкий слой коммунистов-теоретиков, которые всесторонне понимали диалектику развития общества, способны были развивать марксистскую теорию, освобождать ее от догм, вести настоящую идейную работу в массах. Поэтому, считал Андропов, винить надо было не коммунистическую теорию, а нас самих, тех, которые не смогли ее верно понять и претворить в жизнь.

Андропов считал партию не руководящей и направляющей, а руководящей и организующей силой. К сожалению, отмечал он, многие партийные организации оторвались от народа, выродились в бюрократические сообщества никчемных людей. Когда ослабевает руководящая роль компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформистскому пути развития.

Теряется связь партии с народом — и в возникшем вакууме появляются самозванные претенденты на роль выразителей интересов трудящихся. Он полагал, что партию следует реформировать, и если бы он прожил еще 5—7 лет, он бы это сделал.

Четвертый блок — вопросы государственности, демократии и власти. Мы уже подчеркивали, что Андропов был истинным государственным, и как истинный государственный проявлял постоянную заботу о дальнейшем развитии и совершенствовании государства. При этом видел дальнейшее совершенствование советской государственности главным образом в дальнейшем развитии демократии, в реализации одного из основных принципов и даже определения сущности, природы социализма: социализм — это демократия. Во многих своих ранних и в особенности последних речах он утверждал, что демократия в социалистическом обществе является могучим рычагом социальных преобразований, осуществляемых трудящимися во имя собственных коренных интересов, демократия — это народовластие. «Социализм демократичен по самой своей природе, ибо он не может существовать, не может развиваться, не вовлекая в активное политическое творчество, в управление обществом и государством многомиллионные массы трудящихся».

Когда Андропов стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, он поставил вопрос уже более конкретно: о постепенном перерастании советской государственности в общественное самоуправление. При этом подчеркивал, что не нужно придумывать абстрактные пути демократизации общества, не бросаться в этом важнейшем деле в омут стихийности, не реформировать нашу политическую систему по чьей-то доброй воле, а идти от жизни. Важнейшие направления в этом деле он видел в реализации всех возможностей социалистического народовластия, заложенных в массовых организациях трудящихся, и в совершенствовании работы Советов депутатов трудящихся. Советы, по взглядам Андропова, должны стать действительной политической основой советского государства. В этой связи он считал, что мы не только в экономике, но и в функционировании политической системы задержались на мобилизационном периоде, и нам надо посте-

пенно из него выходить. В этой же связи он ставил и вопрос об изменении роли партии в развитии государственности. Он по-прежнему придавал огромное значение партии, и в то же время видел необходимость искать возможности для того, чтобы она постепенно освобождалась от несвойственных ей функций.

Юрий Владимирович считал, что назрела необходимость обновления социализма и приступил к этой сложной деятельности. Да и народ наш ждал улучшения жизни, все время ждал вождя для этого. Народ понял, что Хрущев – не тот вождь, который мог повести его верным путем, не оправдал надежд и Брежнев, хотя при нем «народу дышать стало легче». Забрёзил было рассвет в реформах Косыгина, но быстро был погашен. Вождя увидели в Андропове, но не суждено ему было реализовать себя. И вот немощный физически и духовно Черненко. И вдруг – Горбачев. Вот он, вождь! Оказалось, ошиблись. А уж проделки Ельцина люди восприняли без всяких надежд. И опять народ в ожидании. А ведь в то время истинный пассионарий, лидер мог выйти только из партии, из другой среды он появиться не мог. В этом была и особенность, и трагедия тогдашнего нашего общества.

* * *

Мы посчитали невозможным обойти в нашей книге такой жизненно важный вопрос, как развал СССР и его чрезвычайные последствия, и не потому, что его «заболтали» деморформаторы, бездоказательно утверждающие со всех сторон, что Советский Союз распался «вследствие сложившихся в нем объективных предпосылок», «вследствие своей нежизнеспособности» и т.п. Выскажем и нашу твердую убежденность, основанную на достоверных знаниях: Советский Союз не распался, он был умышленно, злодейски развален, к чему приложили усилия как высшие, так и внутренние силы. Даже В.Черномырдин в своем последнем интервью летом 2010 года на вопрос корреспондента телевидения: «Так что произошло с Советским Союзом – он распался или его развалили?», – сказал и несколько раз повторил: «Ну что вы, какой распад, был только развал. Советский Союз выдержал невиданные испытания, он пред-

ставлял собой крупнейшую во всех отношениях Державу, он обладал большой жизнеспособностью. Нет, какой распад, только развал»...

Помнится, кто-то из нынешних политологов сказал: «Союз развалили три партии: партия предателей, партия дураков и партия наивных». Основную роль сыграла партия предателей. Она сдала страну для того, чтобы капитализировать государственную собственность, завладеть ею и присвоить власть. Дураки поддерживали предателей по своей дурацкой тупости, полагая, что им тоже что-то перепадет после крушения Союза и социализма. Наивные поддались внушению, что социализм — плохой строй, они слишком привыкли к благам социализма, перестали их ценить и соблазнились обещаниями неограниченной «свободы» и «демократии» и всем тем, что есть на Западе.

Какая-то правда в этом аллегорическом умозаключении, конечно, есть, хотя полную картину этого чрезвычайно события оно не раскрывает. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Мы изложим вкратце только происходившие события. Уделим также внимание вопросу о последствиях, которые наступили в результате развала Советского Союза. Они поистине носят катастрофический характер.

Случилось то, против чего много раз предостерегал Андропов, обладавший всесторонними знаниями о замыслах, проектах, возможностях, средствах западных разведок, спеццентров так называемого организационного оружия, Андропов, который в роли посла СССР лично пережил драматические контрреволюционные события в Венгрии в 1956 году.

Развал, демонтаж СССР явился результатом тщательно спланированной, масштабной, комплексной спецоперации долгосрочного характера. Она была начата в начале 60-х годов XX века, с особой силой — развернута в середине 80-х годов в форме «перестройки» с ее тремя фазами. Развал Советского Союза был совершен внешними силами в тесном взаимодействии с внутренними элементами в лице, прежде всего, предателей, и мы должны хорошо себе это представлять. Безусловно сыграли свою, и немалую, роль, нет, не дураки, а массы наших граждан,

одураченных интенсивными информационными бомбардировками.

Это была война на нематериальном поле, это была победа, совершенная противниками СССР с помощью оргоружия, которое не осознали высшие руководящие круги партии, а потому не только не противодействовали ему, но в определенное время сами взяли его на вооружение. Обществу действительно «сломали хребет».

Для уяснения изложенного тезиса приведу потрясающие откровения бывшего диссидента, эмигрировавшего из Советского Союза, а после его развала возвратившегося в Россию, Александра Зиновьева. Вот что он говорил: «На Западе я был принят именно в качестве антикоммуниста и антисоветчика (хотя не был ни тем, ни другим). Поэтому имел доступ ко всему, что там делалось в бесчисленных советологических центрах, секретных службах и т.д. И тогда я обнаружил, что в правящих кругах западного мира — и в политических, и в идеологических — выработана долговременная программа, в которую входили, в первую очередь, разрушение советского социалистического строя, ликвидация коммунизма. Но на этом не останавливались. Ставилась задача вообще довести Россию — уже вне зависимости, коммунистическая она или нет — до такого состояния, чтобы она уже никогда не смогла подняться на свой прежний уровень — уровень Великой Державы».

В то время мне приходилось участвовать в разного рода закрытых совещаниях, где собирались специалисты, занимавшиеся планированием «холодной войны», и эти специалисты говорили: советскую «верхушку» надо купить.

В 1979 году на одном из моих публичных выступлений, которое называлось «Как иголкой убить слона», мне был задан вопрос, — какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым? Я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно — аппарат КПСС, в нем — ЦК, в нем — Политбюро, в последнем — Генеральный секретарь. «Проведите своего человека на этот пост, — сказал я под гоме-рический хохот аудитории, — и он за несколько месяцев разва-

лит партийный аппарат, и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого начнется распад всего общества...»

Еще в 1978 году я сказал, что самое уязвимое место в советской структуре – ЦК КПСС. Если на пост генсека придет прозападно настроенный человек, с коммунизмом в СССР может быть покончено в несколько месяцев. К началу 80-х на Западе тоже поняли, что на диссидентское движение рассчитывать нечего, и что народные массы в СССР не восстанут, как ты их ни пропагандируй.

Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам «холодной войны» такую идею. Они сами до этого додумались и без меня. Один из сотрудников «Интеллидженс сервис» говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на «советский престол» своего человека. (Заметим: сказал это сотрудник «Интеллидженс сервис», английской разведки, которая считается одной из самых высокопрофессиональных, изошренных спецслужб мира).

Не утверждаю и даже не предполагаю, что им удалось посадить на «советский престол» своего человека. Но знаю и был свидетелем того, как внутренние деструктивные силы создавали предпосылки к развалу СССР. С помощью гласности, используя плохо понимаемую обществом суть «перестройки», антисоветски настроенными субъектами была организована самая настоящая информационная интервенция на общественное сознание, в которой массированно использовались абсолютно нереальные, но внешне привлекательные мифы о скором вхождении страны в «общеευропейский дом», о создании в государстве всеобщей демократии и т.п. Советские люди получили смертоносные дозы лжи, бескультурия, многих обуял страх перед ядерной войной. Не случайно появилась такая народная присказка: «Лишь бы не было войны». О том, что всеразрушающая война уже идет – люди не осознавали.

В 1990 году была отменена шестая статья Конституции СССР, и сразу же все сферы государства оказались без управления. Одновременно в стране вокруг президента СССР соз-

давался второй центр государственного управления, не желавший сохранять ни Союз, ни социалистический общественный строй.

Созданным антисоветским националистическим организациям было велено «поджечь» единую Великую Державу с Юга, Востока и Запада, получил разгул сепаратизм, была пролита кровь многих несчастных соотечественников. Силовые структуры дискредитировались, защитники Отечества вдруг превратились в оккупантов.

Усиленными темпами разрушалась промышленность: подвергся деформации ВПК, через созданные на сомнительной правовой основе кооперативы на многих производивших продукцию предприятиях разрывывались основные и оборотные средства, дорогостоящие материалы. Многие предприятия были развалены введенными выборами директоров. В стране искусственно был создан дефицит потребительских товаров. В Москве и других городах были инспирированы демонстрации с трудно определяемыми требованиями и лозунгами.

Свою разрушительную роль сыграл политический застой, сложившийся в правящем классе, над ним довели взгляды о невозможности ракетно-ядерной войны, он оказался не в состоянии оценить опасности внешней организационно-разведывательной деятельности и информационной войны, что привело к утрате бдительности.

Процесс, который «пошел» с началом «перестройки», завершился сговором в Беловежской пуще. «Лодка», о которой много раз говорил Андропов, оказалась, таким образом, опрокинутой.

Возникают вопросы: «Почему не был предотвращен развал СССР? Почему в кульминационный период развала никто не вышел и не попытался защитить социализм?». Не претендую на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Обращу внимание лишь на одну, с моей точки зрения, существенную причину, которая не позволила этого сделать. Причина заключается в том, что в Советском Союзе, государстве нового типа, существовавшего в условиях реальных угроз его разрушения, не была создана надежная система государственной безопасно-

сти. Длительное время она действительно опиралась на репрессивные меры. После развенчания культа личности Сталина эта сторона ее деятельности практически была устранена, что имело важное положительное социально-политическое значение.

Как мы уже отмечали, большой вклад в теорию и практику обеспечения безопасности государства и общества внес Ю.В.Андропов. И тем не менее надлежащая система государственной безопасности создана не была и при нем, в основном ее деятельность была направлена против внешних противников, и в этом ее качестве она давала значительные результаты. Что касается результатов и последствий подрывной деятельности внешних противников внутри страны, то во многих случаях они оставались вне поля деятельности органов государственной безопасности. Надо также иметь в виду подписанное в 1958 году Хрущевым «Положение о Комитете государственной безопасности при Совете министров СССР», в котором категорически запрещалось вести агентурно-оперативную работу в партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органах, сотрудники этих органов находились, таким образом, вне поля государственной безопасности.

Чтобы понять, какой должна быть государственная безопасность социалистического государства, можно обратиться к трудам Ф.Дзержинского. Полезно также кратко осветить взгляды на эту исключительно важную проблему Павла Пестеля и Антонио Грамши.

Как отмечают ученые, исследующие историю российских органов безопасности, впервые в русский политический лексикон понятие «государственная безопасность» ввел ставший в последующем декабристом Павел Пестель. В известной своей работе «Русская Правда» он, рассматривая понятие государственной безопасности с точки зрения функциональной, определял ее как «блюстительную власть, надзирающую за следованием остальных властей целесообразному государственному порядку». Обратим особое внимание на то, как определял природу государственной безопасности Пестель: «блюститель-

ная власть, надзирающая за следованием остальных властей целесообразному государственному порядку». Замечу, что такой «блюстительной властью» не обязательно должен быть Комитет или Министерство государственной безопасности, им могла быть и Генеральная прокуратура с ее системой прокуратур и прокуроров. Могла быть создана и отдельная структура внутренней государственной безопасности. После трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне в США было создано и функционирует Агентство внутренней безопасности, наделенное большими правами и полномочиями в интересах обеспечения национальной безопасности.

Примерно так же определял государственную безопасность известный лидер коммунистического движения Италии Грамши, писавший в своих «Тюремных тетрадах», что любая государственная власть обязана, чтобы не погибнуть, иметь в своей структуре систему защиты от ее уничтожения. К сожалению, этот важный закон функционирования государственной власти был полностью исключен, когда Хрущев подписал в 1958 году уже упомянутое мной особой важности «Положение о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР», запрещавшее вести агентурно-оперативную работу в партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организациях. Не в этих ли структурах прежде всего и «угнездились» агенты влияния Западных спецслужб, которые оказались для органов государственной безопасности — для «блюстительной власти» — недостижимыми? Не в этом ли следует искать ответ на так часто звучащий вопрос: почему же, если социализм в Советском Союзе считался жизнеспособным общественным строем, он так легко рухнул. Да, социализм был жизнеспособным, и он доказал это многими факторами, достаточно посмотреть объективно, как этот строй, спустя всего 20 лет после тяжелейших потрясений России Первой мировой войной, революциями и Гражданской войной сумел победить в жесточайшей войне германский фашизм. Слабым оказался не социализм, а прогнившая и предавшая его власть и подорванные основы государственной безопасности.

Обратим внимание и на следующее обстоятельство.

Государственная безопасность является одним из важнейших видов национальной безопасности, одним из важнейших, потому что столь же важными видами национальной безопасности являются безопасность личности и общества. Они являются приоритетными, во-первых, потому что теснейшим образом связаны между собой, во-вторых, потому что все они ориентированы одновременно на одну и ту же главную цель – Безопасность и Благосостояние как личности, так и общества и государства. Не может находиться в состоянии безопасности личность, если не обеспечена безопасность общества, равно как и государство не может быть в состоянии безопасности, если не обеспечена безопасность личности и общества. Это триединство состояния безопасности важно понять каждому, кто имеет отношение к решению вопросов национальной безопасности.

Чтобы понять, почему так надо строить обеспечение безопасности, обратимся еще раз к Пестелю. Вот что писал он в «Русской Правде»: «Государственное Благоденствие состоит из двух главных предметов: из Безопасности и Благосостояния. Отличительное и главное качество Безопасности есть охранение, а Благосостояние есть приобретение. Безопасность должна быть первою Целью правительства, потому что может быть достигнута посредством только Действия соединенных Сил и Волей: каковое Соединение в правительстве именно и представляется и что оно соответствует первоначальной обязанности человека, состоящей в сохранении своего Бытия. Сверх того не может быть Благосостояния государства, если не существует Безопасности, а потому и служит она (безопасность) основанием сооружению Государственного здания...».* Безопасность личности, общества и государства, таким образом, служит одной и той же цели – сооружению «Государственного здания». Здесь следует пояснить, что Пестель под Государственным зданием понимал страну со всеми ее составляющими. Не может, следовательно, государство быть в состоянии Благосостояния, если от такого состояния отстранена нация. В то же время нация и сама по себе не

* Цитата из статьи Ярослава Добролюбова «Будущее системы». «Спецназ», 2007, № 12.

может обеспечить для себя состояние Безопасности и Благополучия. В этом состоит теснейшая связь и взаимозависимость личности, общества (основных слагаемых нации) и государства. Этим и обусловлена особая важность государственной безопасности – того самого «чекизма», который так пытаются некоторые силы изжить, оторвать от государства и общества, от нации.

Сложная социально-экономическая обстановка в стране и в мире диктует необходимость для России иметь сильную власть, которая была бы способной обеспечить Безопасность и Благополучие личности, общества и государства. Безопасность и Благополучие – это то главное, чем должна постоянно заниматься власть. Будем помнить: на мировой арене действуют силы, вынашивающие замыслы ликвидации не только государства, но и русской нации.

Напомню: В.Путин оценил развал Союза ССР как большую геополитическую катастрофу. Определение верное, но важно осознать, в чем выражается суть этой катастрофы. Она имеет два аспекта – внешний и внутренний.

Суть внешнего аспекта состоит в том, что не стало противоядием тем агрессивным мировым силам, которые терзают человечество. Эти силы после развала СССР приумножились, появились новые организации и политические игроки, разработаны новые политико-подрывные стратегии. За последние 20 лет в разных регионах мира развязано и ведется множество «нетрадиционных» войн: террористических, психологических, финансовых, экономических, нарковойн, биологических, сетевых войн и т.д. Современный мир оказался в состоянии непрекращающихся войн. В состоянии войн находится и Россия, и это всем нам надо очень хорошо сознавать. Цель таких войн против нашей страны – раскол, расчленение России, отрыв от нее, прежде всего, Северного Кавказа, завладение ее богатыми природными ресурсами, в конечном итоге – прекращение существования России как самостоятельного государства и культурно-нравственной православной цивилизации. Удары по России будут и далее наноситься и как на цивилизацию с иной, самостоятельной альтернативой развития, и как на огромную кладовую природных ресурсов.

После развала СССР чрезвычайно ослаблены существовавшие регуляторы международных отношений, подорван сложившийся при самом активном участии СССР миропорядок. В условиях резко ослабленных механизмов регулирования международных отношений и появления на мировой сцене новых стратегических игроков возрастает глобальная неопределенность, сформировалась глобальная обстановка недоверия и вражды, которые создают угрозы локальных войн и мировой войны. Произошел и продолжается неостановимый переход к новому балансу сил в мире и даже к некоему «новому» во многих отношениях, непредсказуемому «мировому порядку», который включает в себя такие установки, как создание в регионах и странах мира «управляемого хаоса», «всеобщей демократии» без каких бы то ни было сдерживаний, противовесов и других компенсаторных механизмов, что по существу и приводит к «управляемому хаосу», создает предпосылки для так называемых «сетевых войн» в отдельных странах и анклавах стран.

В общем, в мире стало неспокойно, он оказался переполнен глобальными вызовами и рисками. И в то же время происходит ослабление ответственности за положение дел на глобальном уровне, массы людей живут в гнетущей напряженности. Нельзя не обратить внимание и на следующий феномен: в условиях растущей глобальной неопределенности возрастает роль разведок и других спецслужб, их возможностей использовать новые виды и средства оргоруужия.

Внутренний аспект развала СССР заключается в том, что, во-первых, разорван живой организм единого русского народа: великороссов, малороссов и белорусов. Единый народ разъединили по совершенно нелегитимным административным границам и одновременно отсекали от России братские народы Средней Азии, Закавказья и Молдавии, осквернили красную российско-советскую идею, на которой была совершена великая, спасительная для народов мира, Победа. А это ведь означает не только разъединение людей, но и раскол русской истории, русской культуры и духовности, на которых когда-то была сформирована Россия, строилась ее державность и государственность.

Во-вторых, люди, развалившие Союз и возглавившие затем новую власть, обманули свои народы, отдали ресурсы страны избранным лицам, сделали нищими самый цвет нации — педагогов, врачей, ученых, инженеров. Только коррупция, расхищения государственных средств, бандитизм ввергают общество в какое-то квазисредневековье, гасят в людях всякую мечту и надежду на будущее.

Развал Советского Союза имел и другие тяжелые последствия. Он и в сегодняшней России отзывается трагическими явлениями. Он породил предпосылки для постоянного возникновения серьезнейших угроз национальной безопасности. Не будем забывать, что вследствие развала СССР была развязана война в Чечне, которая переросла в террористическую войну, распространилась на все республики Северного Кавказа, трагические всплески которой в виде крупных террористических актов периодически происходят в Москве и других регионах страны.

Вообще развал СССР и устранение социалистического уклада весьма негативно отразились на жизни народов Северного Кавказа. В короткое время эти народы, в целом достигшие высокого социально-экономического и культурного уровня, были отброшены в средневековое патриархальное бытие, и тотчас возникли из небытия «абреки», распоясался криминалитет, порушено было образование. Одним из самых чудовищных явлений стало вытеснение из республик Северного Кавказа русского населения, в большинстве своем составлявших так необходимый для них костяк специалистов: инженеров, врачей, педагогов, агрономов, различных профессий квалифицированных рабочих. Вместе с исходом русских специалистов ушла из этих регионов русская культура во всей ее имперской многоцветности, деградировала индустрия, пришла в упадок научная жизнь, на Северном Кавказе инспирированы и не ослабевают сепаратистские движения, экстремистские проявления и терроризм.

В заключение скажем следующее. «Перестройка», «реформы» раскрыли нам глаза на правду жизни, они многое помогли нам понять и осмыслить. Главный урок из произошедших событий состоит в том, что Россию надо возрождать, возрождать на ее

исторических духовно-культурных ценностях, и в этом предстоит пройти большой путь труда и борьбы.

Часто приходится читать и слышать о том, что Россия переживает переходный период. Не слышно только вразумительных разъяснений относительно того, к чему переходит, куда устремляется Россия. Мы же считаем: России надо совершить два основных перехода. Во-первых, переход в совершенно новый мир чудесных технологий, в мир — цитирую М.Калашникова — «экономики знаний»; во-вторых, переход в мир духовно-нравственного Человека. Предстоит не только создать и внедрить повсеместно новейшие технологии, но и освободить людей от чуждых пагубных духовно-нравственных влияний, максимально очистить наше жизненное пространство и условия жизни, о чем так часто проявлял озабоченность Андропов. Это будет наш российский переход в новый мир, в новую эпоху. И России надо совершить этот переход первой! Это соответствует и нашему историческому вектору развития, Россия должна войти в свою колею развития. Так видится нам и объявленная в стране стратегия модернизации. Нужно прорываться — и тем самым попать свою смерть! Россия должна совершить не только технологическое чудо, но и чудо цивилизационное. И это ей по-плечу! Пришло время борьбы за наше будущее, оно торопит, его нельзя упустить.

Вместе с тем, надо положить начало и решению информационного вопроса. На нынешнем этапе следует открыто и ясно провозгласить, что Россия строит социальное государство и начать, наконец, разъяснять сущность этого государства.

Мы верим: России так откроется правда жизни, что она станет способной быть ведущей страной в третьем тысячелетии. Она еще скажет новое слово миру, укажет ему верные пути спасения в наступающем хаосе всепоглощения. Россия своей историей, своим терпением, своим воздержанием выстрадала это слово. Но свои слова миру она еще не провозгласила, она готовится к этому. Россия сосредотачивается.

Оглядываясь в прошлое, осмысливая пройденный Ю.В.Андроповым путь, зная его лично, из воспоминаний многих

людей, все мы сегодня приходим к выводу, что он, конечно, был одним из крупнейших деятелей нашей страны, истинным государственным деятелем, по-хорошему, по-настоящему озабоченным судьбами Державы и народа нашего, человеком, сполна отдавшим себя служению обществу, людям, Отечеству.

Андропов – это личность. Он был всесторонне образованным человеком, обладал глубокими, системными знаниями. Он стал личностью потому, что с самых юных лет был поставлен в условия, в которых только и мог формироваться как личность. Ю.В.Андропов был созидателем, весь дух его был пропитан идеями созидания, он отвергал какие бы то ни было элементы разрушительства. Он всю жизнь был на передовых позициях, всегда был в борьбе. Как личность Ю.В.Андропова можно сравнить только с Ф.Э.Дзержинским.

А.И.Лукьянов

Вспоминая Юрия Владимировича Андропова

Многое из того, что мы обсуждаем сегодня, заставляет нас обращаться к историческому опыту, вспоминать Юрия Владимировича Андропова, вспоминать, как он ставил эти вопросы перед разведкой. В этом человеке уникальные знания международного положения и внешней политики прочно сливались с глубокими знаниями внутреннего положения и внутренней политики СССР. Это же относится и к столь деликатному, трепетному, а подчас и чрезвычайно болезненному вопросу международных отношений.

Мне посчастливилось работать с Юрием Владимировичем достаточно долго. Первый раз встретиться с ним довелось в 1956 году в Венгрии — будучи старшим консультантом юридической комиссии при Совете министров СССР, в ноябре я был командирован в составе делегации в Будапешт для выработки соглашения об условиях пребывания наших воинских контингентов в этой стране.

В Андропове мы увидели человека очень собранного, напряженного, и в то же время, видимо, измученного бессонными ночами. Очень хорошо знавшего и понимавшего, что происходит в стране. Это человек, который вместе с главой Рабоче-крестьянского правительства Яношем Кадаром намечал пути к сплочению здоровых сил Венгерской республики. Янош Кадар был в восторге от Юрия Владимировича, от того, что тот «умел видеть насквозь» своих оппонентов и каждого своего собеседника.

И, надо сказать, уже в то время было понятно, каким пронзительным человеком был Андропов, как глубоко он анализировал обстановку и понимал ее.

Когда Ю.В.Андропов уже стал заведомо социалистических стран Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, мне приходилось докладывать ему целый ряд документов по социалистическим странам. Поражала глубина его мышления, тщательность в работе с документами.

Позднее, в 1983 году, мне довелось заниматься подготовкой сообщений для печати о заседаниях Политбюро ЦК КПСС, публикацию которых ввел в практику Андропов.

Он не только считал, что советские люди должны знать, какие проблемы рассматриваются и какие вопросы решаются в высшем коллегиальном политическом органе страны, но и очень внимательно изучал сообщения о прошедших заседаниях, чтобы сделать их информационно насыщенными, четкими и понятными. Это характеризовало его искренне заинтересованное отношение ко всему, что происходило в стране, стремление пристально присмотреться к тем вещам, с которыми нам приходилось сталкиваться.

Приведу пример, как сам Юрий Владимирович расшифровывал свою известную фразу о том, что мы еще не изучили глубоко то общество, в котором живем. Именно его многолетняя работа в КГБ, умение анализировать события, подтолкнули его к выдвиганию требования ко всем руководителям — точно знать, чем живет общество, какие силы в нем действуют, мимо каких явлений, событий и процессов недопустимо проходить мимо.

Его особенно беспокоило то, что рядом с мощной государственной экономикой интенсивно развивался так называемый «теневой сектор», как он «наращивал мускулы», как подминал под себя местную администрацию (зарождение коррупции), оказывал давление на экономику в целом. Это его очень беспокоило. А ведь потом из этой «теневой экономики» вырастут те силы, которые станут инициаторами и глашатаями пересмотра социалистических принципов и идеалов, пересмотра всего того, что делалось в стране...

И еще одна проблема, которой Андропов уделял постоянное внимание: обстановка в национальных республиках. Особенно его волновал процесс «слияния» деятелей «теневой экономики» с националистически настроенными лицами, когда определилась тенденция к появлению, по выражению Андропова, касты «национальных миллионеров», — а ведь именно эти люди начали потом раздирать Советский Союз на части!

Я хорошо помню его слова о том, что существует тенденция к национал-карьеризму, когда советские и партийные работники начинают заигрывать с националистически настроенными элементами, принося при этом интересы Союза в жертву интересам местным. Называя эту тенденцию «болотом», Юрий Владимирович подчеркивал: «На поверхности вроде бы все спокойно, звучат привычные, правильные лозунги о дружбе, интернационализме и т.п., а внутри идут процессы, невидимые глазу, особенно чиновнически-равнодушному. Это – опасная вещь, за которой надо тщательно следить».

Он не раз возвращался к этой тематике, потому что в ней переплетаются проблемы и экономические, и социальные, и национальные. В обоснованности и справедливости Андроповских предупреждений нам всем пришлось воочию убедиться во второй половине 80-х годов.

Так же внимательно Юрий Владимирович относился и к тому, что делала и как была настроена наша интеллигенция. Кстати сказать, из всех секретарей ЦК, кого я знал, он был наиболее заинтересованно следившим за тем, что происходит в среде интеллигенции, в том числе и с антисоветскими элементами. У нас сейчас не принято вспоминать об этом, но ведь очень многие вопросы ставились и решались так, чтобы отдельных представителей «фрондирующей» интеллигенции, без особого нажима, перевести на наши позиции, научить их смотреть в глубину вопроса, исходить из интересов государства и общества.

И многие из тех, кто встречался с Юрием Владимировичем, обращали на это внимание и ценили это отношение, потому что на поверку вся эта фронда, как правило, не знала по-настоящему, как и чем живет народ, более ориентируясь на то, что об этом рассказывали иностранные «радиоголоса».

Еще один конкретный пример. В 80-е годы достаточно активно обозначилось стремление крымских татар к «восстановлению исторической справедливости», к предоставлению в их исключительное ведение Крымского полуострова, что изначально было чревато возникновением острых межнациональных и социальных конфликтов.

Юрий Владимирович говорил мне в 1983 году: «Вы юрист, давайте поищем, что можно было бы сделать в этом направлении, как решить крымскую проблему? Ведь эти люди, которые стремятся овладеть Крымом, не остановятся, они незамедлительно получают, и уже получают, поддержку от турок и других наших недругов».

С учетом того, что в Крыму были расположены многочисленные здравницы, принадлежавшие всем, буквально всем союзным республикам, союзным предприятиям и отраслям, Андропов предлагал передать Крым в общесоюзное подчинение, дал поручение подготовить проект соответствующего Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР.

И такой проект был действительно подготовлен и вынесен на обсуждение Политбюро ЦК КПСС, но, как и следовало ожидать, этот закон вызвал резкое неприятие первого секретаря ЦК компартии Украины Щербицкого. Конечно, можно не сомневаться, будь ему отпущено судьбой больше времени, Юрий Владимирович нашел бы возможность решить этот вопрос, исходя именно из государственных интересов.

Переговоры Юрия Владимировича с иностранными делегациями по различным вопросам — это удивительная школа дипломатического и политического опыта. К встречам с делегациями он готовился очень тщательно — знал биографию каждого визави, их политическую карьеру, настроения и намерения. Это был настоящий, не «по бумажке действующий» политик, живо откликавшийся на предложения, позиции и возражения переговорной стороны, способный мгновенно дать на них ответ, отвечающий интересам советской стороны; он умел отличать врага и друга, умел склонить человека к, хотя бы частичному, принятию наших позиций, что является и целью политики, и конкретным итогом, достижением «максимума возможного» в международных делах. Такое же влияние Андропов оказывал и на юристов, он поразительно быстро схватывал правовую суть человеческих отношений.

И далеко не случайно именно Юрию Владимировичу принадлежала инициатива разработки законов «О трудовых коллек-

тивах», «О гражданстве», «О порядке рассмотрения обращений граждан» и ряда других нормативных актов, где речь шла именно о рядовом человеке, гражданине СССР, о создании реальных гарантий соблюдения и обеспечения его прав.

Когда сегодня читаешь, что пишут об Андропове некоторые публицисты и мемуаристы, очень хорошо видно, что в этих писаниях нет ничего общего между тем, что он говорил и делал на самом деле, и тем, что о нем пишут эти «господа». Они забывают о том, как пристально и внимательно он всматривался и вслушивался в собеседника, задавал вопросы, уточняя, но редко комментируя его позицию, искал «точки соприкосновения» взаимных интересов, которые и дают основу взаимовыгодного сотрудничества. Это было в характере Юрия Владимировича, настоящего руководителя и убежденного коммуниста.

И я думаю, что наши чекисты учились у него этому тонкому искусству межличностного взаимопонимания и взаимодействия. Вот те качества, которые, по моему мнению, делают из человека политика, умеющего разговаривать с людьми и умеющего вести их за собой. Мне довелось, будучи Секретарем ЦК КПСС, курировать работу органов КГБ. Я и сегодня готов снять шапку перед каждым ветераном госбезопасности и сказать: в большинстве случаев вы действовали правильно и вы правы, что не изменили своим советским позициям!

А в лично-персональном плане Юрий Владимирович был уникальной личностью. Дело не только в том, что он прекрасно знал литературу, сам писал стихи, — он умел отличать поверхностного деятеля искусства, писателя от настоящих мастеров своего дела. Он хорошо знал нашу культуру. Узнав, что я собираю фонотеку писателей и поэтов, он заинтересовался чьи голоса собираю. Я сказал: есть записи и Николая Гумилева (тогда находившегося в негласной опале), и Анны Ахматовой, и Ивана Бунина и Сергея Есенина. Веду поиски голоса Марины Цветаевой. И тогда он рассказал мне о своей фонотеке музыкальных произведений. Это был интереснейший разговор, который запомнился рассказом о разнице творчества Рихарда Вагнера и Бетховена, произведения которого он очень любил и ценил.

Передо мной совершенно неожиданно предстал большой знаток и тонкий ценитель мирового музыкального искусства.

Я глубоко уверен в одном: если бы судьба дала Юрию Владимировичу Андропову возможность пожить подольше, не было бы очень многих бед, которые выпали на долю нашего народа за последнее двадцатилетие.

Ф.Д.Бобков

15 лет в одном строю с Юрием Владимировичем

Юрий Владимирович Андропов — яркая, вошедшая в историю личность. Прочно и навсегда. Сила его в том, что он сохранил верность учению великого Ленина и на деле решал задачу претворения в жизнь его заветов. Он из плеяды тех, кто верил в социализм и в осуществимость создания и существования социалистического государства. Теоретические основы этого пути заложил Владимир Ильич Ленин, развивая учение Маркса в новых исторических условиях.

Сегодня о Ленине пишут всякое. Но кто? Его опошляют предатели, делавшие карьеру в партийном, государственном, комсомольском аппарате в советское время. Скрывая свое предательство, они лицемерно в прошлом звали народ возвращаться к Ленину. Это отличает их от откровенных антикоммунистов. Борьба последних понятна и объяснима: они борются за свою идеологию.

Предатель идеологии не имеет, да и в душе у него только злость: хотелось стать великим — не получилось. Иной ведь и процветал, клянясь в верности Владимиру Ильичу, что означало стать в строй первопроходцев. Но это путь трудный и опасный. Вдруг поскользнешься.

Естественно, что предатели бьют по всей нисходящей от Ленина. Под их злословие попадает и Юрий Владимирович. Для одних он убийца, для других душитель свободы, для третьих — антихрист. Для народа же Андропов — рано ушедший из жизни руководитель государства, вера в деятельность которого ради жизни людей живет, несмотря на гибель великой страны, вряд ли случившейся бы при его жизни.

Позволю себе сказать об Андропове то, что сам видел, чувствовал и понял, работая под его началом и общаясь с ним. Это все-таки пятнадцать лет. Не скажу, что на протяжении этих лет не было размолвок. Интриганов, портивших отношения между людьми, к сожалению, везде хватает. Но для меня эти пятнадцать

лет остаются памятными на всю жизнь. Юрий Владимирович не просто учитель. Он — образец душевности, чистоты и честности. Он — творец, вооруженный твердыми убеждениями.

Закономерно, что, возглавив партию и став во главе государства, Андропов сразу же напомнил обществу о Марксе, создателе науки о социализме. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» он поднял исторически важную теоретическую задачу: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся... Видеть наше общество со всеми его возможностями и нуждами...». Это требование первопроходца. Он должен оценить пройденный путь и определить дальнейшие шаги. Андропов не призывал вернуться к Марксу или к Ленину. Первопроходец определял путь в будущее, опираясь на учение Маркса — Ленина, думая о его развитии.

Уверен, что именно Андропов свершил бы то, что сделал Ленин на заре империализма, он, развивая учение марксизма-ленинизма, нашел бы путь развития социализма в новых исторических условиях, обосновал бы его теоретически в эпоху глобального капитализма.

Андропов никогда не подвергал сомнению социалистический путь развития советского государства. В многократных беседах на эту тему он всегда говорил: «Мы живем в стране социализма. Немало тех, кто сомневается в этом, говорят, что социалистическое общество не таким должно быть. Мы, дескать, ушли от социалистических начал. Но мы — первые. Иного социализма на Земле никто в жизни не воплотил, да и не воплощал. Конечно, многое хочется улучшить, усовершенствовать. Мы обязаны это делать. Но искать иные пути, бросать наш опыт, отказываться от него — значит уйти от социализма, похоронить завоевания Октября, закрыть дорогу в будущее».

Великую державу и пустили в пропасть именно те, кто целился в коммунизм, а погубил Россию, те, кто занялся перестройкой социализма. Анализ политической и государственной деятельности Юрия Владимировича займет еще немало научных трудов. Видение перспектив дальнейшего строительства социализма в СССР обозначено им четко как в названной статье, так

и в немногих (к сожалению) выступлениях уже в роли Генерального секретаря ЦК КПСС.

Его заботило и беспокоило многое. Главное — доверие людей к партии и государству, вера народа в будущее, благосостояние всех, живущих в социалистическом государстве. Конечно, осуществить все это, как и обеспечить необходимый рост экономики, можно было только в условиях безопасности государства. «Холодная война» в те годы продолжалась, и цель ее оставалась неизменной со времен известной речи в Фултоне: добиться уничтожения коммунизма. «...Наше общество развивается не в тепличных условиях, не в изоляции от враждебного нам мира, а под холодными ветрами развязанной империализмом “психологической войны”». Это в 1983 году сказал Юрий Владимирович.

Задачи этой войны и тогда были очевидны — добиться разрушения социалистической системы, изменить конституционный социалистический строй в СССР и в конечном итоге разрушить государство. Средства для достижения этой цели были брошены невероятные, в том числе и для снабжения тех, кто стал на путь борьбы с конституционным строем внутри страны. К сожалению, поддерживать противнику было кого. Андропов это хорошо знал.

Но и он не мог представить себе, что решение в Беловежской пуще в декабре 1991 года о прекращении существования СССР, вопреки воле народа, высказанной на референдуме в марте того же года, подпишут и доложат об этом президенту США бывшие руководящие работники партии. Из тех опять же, которые не скупилась заявлять о своей верности Ленину. Президент СССР спокойно принял антиконституционный акт и подал в отставку.

Нельзя не повториться: Андропову не было жизнью отведено времени для спасения государства.

Положение в партии его беспокоило многие годы. Он говорил о своих переживаниях, излагал свои мысли и соображения в записках с предложениями, как поправить дело. Не раз приходилось слышать от него о том, что партийные руководители превращаются в хозяйственников, подменяют своим ап-

паратом власть Советов, теряют роль политических руководителей и организаторов масс. Особенно часто он возвращался к роли первых секретарей райкомов партии, не мог успокоиться, что они, занятые хозяйством, отдаляются от нужд и запросов жителей своих районов. Он не терпел пренебрежительного отношения к письмам и просьбам людей. Они не должны были оставаться без ответа.

Такое внимание к заявлениям в КГБ породило у граждан желание обращаться с просьбами и жалобами, удовлетворение которых они нередко не находили в партийных и государственных учреждениях.

Вспоминается такой случай. В Москве вдруг объявились «независимые профсоюзы», о чем поведал миру корреспондент агентства «Рейтер». Оказалось, что в столице уже около двух лет существует довольно большая группа людей, добивающаяся удовлетворения своих жалоб. Она безрезультатно ходила по приемным высших органов власти, редакций центральных газет. Иногда получала, верно, помощь лишь от ЦК ВЛКСМ. Ее-то и заприметил досужий корреспондент, подсказавший и идею «независимых профсоюзов». Акция!

Юрий Владимирович принял решение пригласить сто человек из этой группы в приемную КГБ. Люди изложили свои просьбы. Все они касались решения их проблем на местах. Андропов направил записку в ЦК КПСС с предложением рассмотреть и принять по ним решения. Понадобилось дней десять, и все просьбы, за исключением четырех, были удовлетворены. Правда, ревность в определенных кругах такое поведение КГБ, к сожалению, вызвало. Ревность, а не желание изменить отношение к просьбам граждан.

Андропов реагировал на все, что до него доходило и требовало «развязки», так как могло вызвать нездоровую реакцию в обществе. Так он поступил в день похорон Василия Шукшина, творчество которого высоко ценил. Кто-то вдруг инспирировал слух о запрете хоронить писателя на Новодевичьем кладбище. Явная провокация не удалась благодаря вмешательству Андропова.

В данном случае пишу о частностях, но думаю, что через них видится весь Андропов, заботившийся о доверии народа к государству и тем самым об укреплении самого государства и советской власти. Он весьма переживал уход от решения актуальных проблем простых людей лиц, занимавших руководящее положение в партии и государстве, их нежелание реагировать на уже угрожавшие стабильности негативные процессы. В частности, нараставшую напряженность в международных отношениях в ряде районов страны, рост коррупции в партийном и государственном аппаратах, разбалансированность планов развития экономики, сокрытие правды информационными службами.

Но буду последователен.

Назначения именно Андропова на пост Председателя КГБ никто не ожидал. Слухи о смене руководителя КГБ В.Е.Семичастного ходили. На первомайских трибунах 1967 года об этом говорили осведомленные люди уже не шепотом. И дело было не в том, что дочь Сталина Светлана Аллилуева ушла к американцам. Аллилуева уехала в Индию с прахом супруга с разрешения руководителей государства. И правильно, ибо не позволить ей исполнить завет покойного вряд ли было бы оправданным. Находилась она в Индии около трех месяцев и на 6 марта 1967 года имела билет на самолет Дели — Москва. Почти двое суток провела в Дели. Жила в посольстве. Накануне вылета обедала у посла СССР в Индии Бенедиктова, одного из бывших наиболее заметных наркомов, воспитанных Сталиным. После обеда осталась в одиночестве, так как посольство занялось обеспечением очередного официального мероприятия. В Дели прилетел с визитом начальник Генштаба Советской Армии. Все объяснимо, кроме одного. Происходило это 5 марта. Никто не вспомнил в этот день имя отца Светланы, не высказал ей полагающихся слов. И не это ли привело к роковому шагу?

Сказанное не имеет отношения к приходу Андропова в КГБ, хотя ему пришлось немало сделать для нейтрализации пропагандистских акций Запада с привлечением имени Аллилуевой.

Все понимали, что случившееся с Аллилуевой стало лишь поводом для смены руководства КГБ. Тем более, что с того мар-

товского дня прошло более двух месяцев и никто виновных за ее отъезд ни в каких сферах не искал.

Смена происходила в связи с ситуацией, возникшей в верхнем эшелоне власти. Там, к сожалению, довольно серьезно столкнулись две группировки, одна из которых активно интриговала Л.И.Брежнева. Он не устоял и поддержал тех, кто выступал против роста влияния в партии и государстве А.Н.Шелепина. В.Е.Семичастный, естественно, был к Шелепину близок.

Решение Л.И.Брежнева назначить на пост председателя КГБ Андропова было безошибочным: он не примыкал ни к интриганам, ни к Шелепину, был честен и предан делу.

Чекисты не единожды переживали смену своих руководителей. Мне помнится март 1953 года. В кабинете нас двое. Канун похорон И.В.Сталина. По радио объявляется состав нового правительства. Министр внутренних дел Л.П.Берия. Услышав об этом, мой коллега Василий Жигалов, чекист с довоенным стажем, промолвил: «Худая пора пришла. Большая для нас беда», — и после небольшой паузы молча ушел из комнаты. Увиделись мы с ним месяца через три, так как на следующий день началась реорганизация, полная смена руководящего состава, перетасовка рядовых. В общем, новая власть.

Встретились после ареста Берии. Василий бросился ко мне со словами: «Рад тебя видеть. Очень переживал, что ты донесешь о моем высказывании». Такое в прошлом случалось. Мой ответ в унисон: «Переживал не только ты. В сказанном тобою могли быть и корыстные цели. Есть о ком донести». Такое тоже бывало. Конечно, в 1967 году подобное случиться не могло, но перетряска высших кадров не исключалась.

Положение в то время в Комитете госбезопасности было весьма сложное и напряженное. Оно определялось не проблемами работы и не обстановкой в стране, а, к сожалению, распрями между отдельными группами руководящих работников. Пожалуй, впервые тогда я зримо ощутил, сколь опасен карьеризм и низменное стремление к власти. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимав-

шие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный. «Старики» из числа партработников не хотели сдавать позиций. В какой-то мере именно это и решило судьбу Семичастного.

Трудно приходилось профессиональным работникам. Недоверие к ним рождалось с обеих сторон, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый председатель? С приходом Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому председателю, зарекомендовать себя его сторонниками. На деле же большинство из них преследовали сугубо личные цели.

И здесь проявилось то, что вызвало уважение к Андропову, породило первые к нему ростки доверия. Юрий Владимирович не тронул профессионалов, не стал на путь замены руководителей. Сохранились на своих местах все, за исключением одного-двух, в том числе и заместители председателя Комитета. В качестве второго первого заместителя пришел лишь С.К.Цвигун. Назначение стало неожиданным, хотя его хорошо знали как кадрового чекиста, руководившего КГБ Таджикистана и Азербайджана. Неожиданность была в том, что он никогда не «предлагал» себя на такой пост, в отличие от равных ему по должности коллег. Объяснение искали недолго: у Цвигуна были давние добрые отношения с Брежневым, сложившиеся еще по работе в Молдавии.

Но основой КГБ – оперативными службами руководили опытные кадровые чекисты: разведкой – Александр Михайлович Сахаровский, контрразведкой – Григорий Федорович Григоренко, военной контрразведкой – Иван Лаврентьевич Устинов. Во главе пограничных войск долгие годы служил Павел Иванович Зырянов, а после него Вадим Александрович Матросов. Оставались на местах и руководители региональных подразделений.

Доверие к Андропову росло и по мере его вхождения в дела Комитета, укреплялось принимаемыми решениями, подходом к анализу оперативных ситуаций, отношением к людям. На всех произвело впечатление и вызвало одобрение первое телеграфное указание на места, определявшее подход нового председателя к решению проблем государственной безопасности страны.

Обращало на себя внимание: действия чекистов должны быть известны и понятны населению. Так не только поощрялась, но и приобрела реальное воплощение в жизнь гласность. Это привело к постоянному открытому общению сотрудников КГБ с населением, к информированию общества через средства массовой информации. Они стали частыми лекторами и докладчиками в рабочих, студенческих, творческих аудиториях, на различного рода собраниях общественности.

С первых дней работы Андропова в КГБ стал повышаться и без того высокий уровень требовательности к исполнению служебного долга. Образцом такого исполнения служил сам Андропов. Не стану писать о его работоспособности. За время пребывания в КГБ он практически ни одного дня не был отключен от работы. Да и мы привыкли, что суббота или воскресенье самый удобный день для доклада председателю. Ибо в будни его немало отвлекали внекомитетские дела.

Юрий Владимирович – требовательный руководитель, но понимавший подчиненных. Остался в памяти первый случай воспитания дисциплины. В одно из воскресений, вскоре после прихода в КГБ, Андропов вызвал к себе руководителей основных подразделений КГБ. Явились не все, в том числе и я. Не нашли. Причина проста: жил на даче без телефона, дежурных машин не было... На следующий день управлению помогли организовать дежурную службу, а через три дня на даче появился не только городской телефон, но и так называемая «вертушка». Вскоре были установлены телефоны и в служебных машинах. Понятно, что такой подход вызывал уважение к руководителю, укреплял исполнительность.

Еще одно немаловажное качество: умение слушать людей, считаться с их мнением. Андропов не отвергал несогласия, даже

тогда, когда принимал решения вопреки мнению возражавших. Но только в том случае, если последний оказывался прав.

Юрий Владимирович непременно признавал свою погрешность. Примеров тому немало. Это был важный элемент, благодаря которому Андропов получил признание у старых чекистов, у чекистов-профессионалов. И, наоборот, те люди, которые старались с приходом Андропова быстренько, так сказать, ему услужить путем того, чтобы рассказать, кто плох, а кто хорош, не состоялись, ибо Андропов от этого отстранялся и оценивал кадры так, как видел их в деле.

Привлекало в нем еще и то, что он не был сторонником скоропалительных решений. Принимал их вдумчиво, серьезно и не спеша. Иной раз даже кто-то нервничал, что он тянет, а потом, когда наступал итог, всем становилось ясно, что только так и надо было поступать.

И еще — Андропов был генератором идей. Генератором тех мероприятий и той политики, которую должны были проводить органы госбезопасности. Это очень важно. Не скажу, что до него не было таких «генераторов». Были, но в нем это привлекало еще и потому, что иной раз он выдвигал идею, которая казалась нечеткой: «когда это будет и что это такое?». А потом оказывалось, что это было видение, очень далекое видение той перспективы, которая может нас ожидать.

В этой связи нельзя не сказать об отношении Андропова к информации, особенно к устным докладам. Очень скоро мы убедились, что доклад без предложений о действиях, вытекающих из докладываемой информации, для него неинтересен. Просто знать мало, надо реагировать, решать. Если ты не видишь решений, то найди, тогда будем обсуждать, искать их сообща. А просто играть в информированность — дело недостойное серьезного человека.

Неотъемлемым требованием Ю.В.Андропова являлось соблюдение законности. Чекисты должны быть образцом законопослушности. Сам Андропов был весьма строг в соблюдении ответственности за деятельность КГБ перед ЦК КПСС и правительством. Прежде всего это выражалось в не укрытии того,

что делает Комитет, где допускает промахи, о происходящих в его структурах нежелательных происшествий. Такого же подхода он требовал и от подчиненных.

В целях строгого соблюдения законности Андропов ограничил некоторые права местных руководителей. Это, в частности, касалось права на возбуждение уголовных дел по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Такое решение принималось только с санкции центра.

Вина привлеченных к уголовной ответственности должна была доказываться документами и вещественными доказательствами. Признание обвиняемых и показания свидетелей признавались лишь как объяснение действий и иллюстрация очевидцев. Это распространялось и на материалы, передаваемые в органы прокуратуры.

Может быть здесь уместно будет сказать и об отношении Ю.В.Андропова к инакомыслию. Ведь немало написано о том, что именно он преследовал, вплоть до репрессий инакомыслящих, которые сами себя называли диссидентами. Конечно, слово диссидент в переводе — инакомыслящий. Верно, еще и отступник от господствующего вероисповедания или вообще отступник.

Запад же слову диссидент придал несколько иное значение. Им он прикрывал тех, кто стал на путь нарушения закона, действуя (не словом, а делом) против советского конституционного строя. Это уже не инакомыслие. И когда сегодня немалое число людей причисляют себя к диссидентам, то это лишь желание «украсить» свое прошлое. Иные диссиденты, правда, признают, что их борьба с коммунизмом оказалась и борьбой против России. Но это не в те годы.

На всех направлениях оперативной деятельности главным условием становилось знание оперативной обстановки и принятие мер предупреждения преступных акций, угрожающих государственной безопасности, способных дестабилизировать общество.

Мне памятна встреча с Андроповым, решившая мою дальнейшую службу в Комитете госбезопасности. Случилось это через два месяца после его прихода в КГБ СССР. День был

сложный, напряженный, и, возвратившись со встречи с лидерами крымских татар, в связи с их предстоящей встречей с членами Политбюро, я подводил ее итоги и осмысливал впечатления. И вдруг раздался телефонный звонок — меня вызывает к себе Председатель.

Андропов встретил меня спокойно. Предложил сесть и стал расспрашивать о жизни, работе, о том, что происходит в органах, какой мне видится перспектива развития системы госбезопасности и как я оцениваю вообще обстановку в стране. Разговор был долгий и обстоятельный. Я выразил тревогу по поводу растущих нападков Запада, на которые мы не всегда достойно и недостаточно твердо отвечаем.

И тут неожиданно Андропов предложил мне пост первого заместителя начальника вновь создаваемого Управления по борьбе с идеологической диверсией.

— По всей видимости, Главное управление контрразведки (я тогда там работал) я не устраиваю, — сказал я. — Выходит, мне следует либо согласиться с вашим предложением, либо уходить...

Юрий Владимирович попросил меня все же высказать свое отношение к идее создания нового подразделения. Я усомнился: не будет ли оно повторять то, что уже было, не окажется ли новое управление аналогом Секретно-политического отдела НКВД (СПО), который занимался политической оппозицией и деятельность которого подверглась беспощадной критике в последнее десятилетие.

— Нет, новое управление не будет повторением СПО, — возразил Андропов, — оно должно отвечать задачам сегодняшнего дня. Ты не можешь не согласиться с тем, что сейчас идет мощная психологическая атака на нас, это же не что иное, как самая настоящая идеологическая война, решается вопрос — кто кого. Мы, коммунисты, стоим на твердых позициях и полны решимости укреплять Советское государство, а наши идеологические противники прилагают все силы, чтобы разрушить его. Мы обязаны знать их планы и методы работы, видеть процессы, происходящие в стране, знать настроения людей. Это очень важно. Нам необходимо использовать самые разные источ-

ники: как легальные учреждения, социологические институты или информацию в печати, так и данные наших спецслужб. Помимо явлений, которые лежат на поверхности, существуют еще и тайные пружины, и немаловажную роль здесь играет работа наших органов. Вот, к примеру, сегодня мы занимались проблемой крымских татар. Ты видишь одно, а тот, кто не изучил этот вопрос основательно и не знает всех тайных рычагов, видит совсем другое. Очень важно научиться распознавать и хорошо понимать внутренние, глубокие процессы. Мне представляется, что главной задачей создаваемого управления является глубокий политический анализ ситуации и по возможности наиболее точный прогноз. Новое управление должно противостоять идеологической экспансии, направляемой из-за рубежа, стать надежным щитом против нее. И здесь очень важна роль чекистских методов работы.

Чекистские методы? Что он имеет в виду? — подумал я. Видимо, речь идет о создании своего рода Управления политической контрразведки. Андропов не скрывал, что ощущение необходимости такого подразделения вынес из венгерских событий 1956 года, очевидцем и участником которых был, находясь в Будапеште на посту посла СССР. Чекистские методы у многих отождествляются с тем, что именуется «политическим сыском», «охранкой». Об этом шла речь в тот памятный для меня вечер.

В итоге мы пришли к выводу, что нельзя занимать страусиную позицию. Либо вы защищаете власть, государство, либо создаете видимость деятельности, прикрываясь громкими фразами.

Основной функцией органов госбезопасности является защита конституционного строя — не людей, стоящих у власти, а именно устоев государства. И, конечно же, возникает вопрос: как эта защита осуществляется в других странах? Не знаю, сколько фамилий значится в картотеке США, Великобритании, Франции и прочих стран, не знаю, сколько агентов работает у них в контрразведке, но одно знаю точно: в любом государстве спецслужбы глубоко и основательно изучают внутреннюю обстановку в стране и предупреждают процессы, угрожающие существующему строю.

Во многих странах Запада под постоянным контролем находятся отдельные группы населения, такие, как, скажем, иммигранты. Во Франции, например, во время визитов высокопоставленных лиц «неблагонадежные элементы» в целях безопасности высылаются на Корсику.

Трудно представить, как могло бы ФБР узнать, что происходит в коммунистической партии США, не имея там агентов. Как могли бы бороться американские спецслужбы с экстремистскими негритянскими организациями, если бы не знали обстановку «изнутри». Оценить же эту обстановку можно только с помощью сложившихся и проверенных методов, применяемых спецслужбами во всем мире.

Кто же должен этим заниматься? Конечно, контрразведка. Это известный, легально существующий во всех государствах политический орган. Именно политический, ибо основной смысл работы контрразведки — в политическом контроле над ситуацией. Поэтому словосочетание «политический сыск» искажает смысл необходимой для государства работы, ставя знак равенства между законными действиями и беззаконием.

Я лишь схематично изложил соображения Андропова о задачах создаваемого управления, но самому мне в тот момент было ясно: он тщательно и глубоко продумал перестройку системы органов КГБ. Поняв основной смысл его плана, я решил, что дело это важное и нужное, и, подумав, дал согласие.

Андропов сообщил мне, кого он предполагает назначить руководителем управления. Через некоторое время к нам прибыл бывший секретарь Ставропольского краевого Комитета партии по пропаганде В.Ф.Кадышев, он стал начальником управления, а я — его первым заместителем. Встал вопрос и о других заместителях. Я предложил три кандидатуры, Андропов назвал еще одну. Я промолчал. Он еще раз повторил фамилию этого человека, я опять никак не прореагировал.

— Как понимаю, — сказал он, — ты не согласен с моей кандидатурой или, во всяком случае, не хочешь ее обсуждать?

— Просто воздерживаюсь.

– А как ты вообще относишься к людям, с которыми тебе предстоит работать, что ты вообще можешь о них сказать?

– Юрий Владимирович, если вы меня вызовете через полгода, я изложу свою точку зрения, сегодня же никаких характеристик давать не буду. К вам сейчас идет много людей и с добром, и со злом, есть и такие, кто хочет себя показать, а товарища утопить. Поэтому мне пока не хотелось бы давать характеристики. Через полгода вы сами многое увидите, у вас сложится обо всем собственное мнение и будет больше информации. Вот тогда я и скажу, как отношусь к некоторым нашим сотрудникам.

Андропов улыбнулся не то одобрительно, не то иронически, но условие мое принял. И действительно, ровно через полгода он позвонил:

– Ты знаешь, что за день сегодня?

– Догадываюсь.

– Ну, приходи, потолкуем.

А тогда, в ту нашу встречу, он долго рассказывал мне о своих замыслах, касавшихся нового управления, подчеркнул, что работа предстоит интересная, и предложил подготовить «Предложение» о новом подразделении, которое получило название Пятого управления.

– Будем считать, что договорились, – сказал он на прощание.

Так началась моя долгая жизнь и работа в Пятом управлении, созданном Андроповым для борьбы с идеологической диверсией противника. Стоит вспомнить, что к тому времени уже действовали специальные органы «психологических операций» в рамках НАТО, СЕАТО и других военных блоков, создавался так называемый «корпус мира», нарастала активность Комитета радио «Свобода» и «Свободная Европа». Запад и его спецслужбы, прежде всего американские, решали свою главную задачу: сплотить силы внешние и внутри страны для борьбы с советским конституционным строем. Это была не идеологическая борьба, а именно диверсия. Осуществлялась она гласными пропагандистскими средствами (радио, печать, телевидение) и негласными, нелегальными (засылка эмиссаров, вербовка агентуры).

Не стану детализировать, ибо это особая тема. Но стоит привести более позднюю оценку президента США на сей счет.

25 октября 1995 года на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов Билл Клинтон сказал: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. ...Мы добились того, что собирался сделать президент Трумен с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью».

Но и до 1985 года политика США и их ближайших союзников решала ту же задачу. Ее цель емко излагалась, в частности, в программе Комитета радио «Свобода»: «...Мы не проповедуем антисоветизм и антикоммунизм, а заботимся о конструктивных изменениях в стране».

Противостоять этому требовала жизнь. И Андропов, один из немногих, стоявших у руля государства, понимал это и искал пути противодействия диверсиям Запада, защиты конституционного строя СССР.

Не стану писать о конкретных операциях, проводимых в те годы. Подчеркну одно: Юрий Владимирович, создавая Пятое управление, исходил из понимания, что противник, организуя идеологические диверсии, играет на имевшихся в стране трудностях, на возникавших негативных процессах. Их надо было не только видеть и знать, но своевременно реагировать, предотвращая их развитие и укрепляя стабильность в государстве.

Знание оперативной обстановки в стране позволяло вести продуманную профилактическую работу, реже прибегать к репрессивным мерам. Профилактика стала важнейшим методом предупреждения правонарушений, предотвращения становления на преступный путь многих граждан. Она предотвратила расширение репрессивных мер в условиях все обостряющих обстановку в стране идеологических диверсий, проводимых Западом. Комитет госбезопасности нередко упрекали в те годы

влиберализме, но Юрий Владимирович стоял на позициях соблюдения закона, а применение мер репрессивного характера считал исключением.

А между тем находилось и немало сторонников жестких репрессивных мер. Например, предлагалось выслать из Москвы подстрекателей массовых выступлений и организаторов публичных митингов. По этому поводу однажды состоялось совещание у Андропова, на котором присутствовали Генеральный прокурор СССР Р.А.Руденко, министр внутренних дел Н.А.Щелоков, начальник УКГБ по г.Москве и Московской области Лялин, два заместителя председателя КГБ — Г.К.Цинев и С.К.Цвигун — и я.

От московских властей выступил Лялин. По поручению первого секретаря МГК КПСС В.В.Гришина он поставил вопрос о выселении подстрекателей демонстраций из столицы. Ему возражали: подобные административные меры противоречат закону. Лялина решительно поддержал Щелоков, он предложил «очистить столицу», создав для этого штаб из представителей КГБ, МВД и прокуратуры.

— Это снова «тройки»? — осторожно спросил я.

Руденко поддержал меня и стал спорить со Щелоковым. Тот настаивал на своем.

Тогда я вновь попросил слова и попытался доказать, что это прямое нарушение законодательства.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Андропов.

— Если у Лялина есть доказательства, что эти люди совершили преступление, пусть их судят по закону. Только суд может определить меру ответственности, — ответил я.

Но Лялин и Щелоков не сдавали позиций. Спор продолжался часа два, но мы так и не пришли к какому-то решению. Андропов закрыл совещание, предложив еще раз хорошенько все обдумать.

Нагнав меня в коридоре, Щелоков покровительственно, хотя и не без иронии, бросил:

— А ты молодец, вот так и надо отстаивать свою точку зрения!

Цвигун тоже с улыбкой похлопал меня по плечу, как бы в знак одобрения. Я понимал значение их иронических усмешек.

Гришин готов был любой ценой заплатить за спокойствие и порядок в столице, а этому «руководителю московских большевиков» лучше не становиться поперек дороги. Зато я получил полное удовлетворение, когда мне позвонил Андропов. «Правильно поставил вопрос, — сказал он. — Выселять никого не будем!».

Я хорошо понимал, что в споре по поводу репрессивных мер, как в зеркале, отражается характер взаимоотношений между руководителями государства и очень четко высвечиваются карьеристские устремления тех, кто из огня этой борьбы хочет выхватить каштаны для себя.

Со стороны наши разногласия выглядели так: Гришин, как человек принципиальный, остро ставит вопрос — очистить Москву от скверны, а «либерал» Андропов проявляет нерешительность. Министр внутренних дел Щелоков выступает, разумеется, на стороне Гришина. Можно себе представить, какой доклад представили Брежневу его «верные соратники»!

Еще один эпизод. В 1971 году я выступал на одном из совещаний в ЦК КПСС. Меня прервал начальник Политического управления войск ПВО Грушевой, заявив, что КГБ не пресекает тех, кто критикует политику партии и обвиняет ее в возврате к сталинизму. Он явно имел в виду применение репрессивных мер, а не разъяснительную и пропагандистскую работу. Я возразил: если встанем на такой путь, как раз и докажем, что повернули назад к сталинизму. Едва ли Грушевому понравился мой ответ, но он промолчал.

Как хотелось некоторым ортодоксам взвалить репрессии на органы госбезопасности! При этом они же при каждом возможном случае старательно сеяли недоверие к чекистам, непрерывно «разоблачая» злодеяния НКВД в прошлые годы. Однако Андропов не боялся вызвать огонь на себя, он каждый раз настойчиво искал и находил пути предотвращения конфликтных ситуаций, стремясь уберечь своих людей от рискованных шагов и удерживать от применения крайних мер. Мы полностью разделяли эту тактическую линию и всегда стремились придерживаться ее в своей работе.

Когда говорят о преследовании инакомыслящих после смерти Сталина, то нередко рассказывают об арестах за анекдоты, за стишки, за безответственную болтовню.

Кстати, уже в 1994 году приехавший в Москву из Парижа писатель Владимир Максимов, много выступавший тогда в печати и на телевидении с обвинением тех, кто участвовал в развале СССР, пожелал встретиться со мной. Такую встречу ему организовали доброжелатели. Встретились не один на один. Основной целью встречи было желание получить данные об агентах КГБ, попавших во власть после ликвидации советской власти. Важно их разоблачить. Естественно, что это вопрос не к профессиональному работнику специальных служб. Разоблачители были в те годы, но из тех, кто никогда с агентами не работал, а о своей совести не беспокоился.

Но в ходе беседы Максимов бросил фразу: «За анекдоты-то вы сажали, а настоящих врагов...». Отвечая, назвал Максимова несколько человек, начиная с Гамсахурдиа и Эльчибея (в то время уже президентов Грузии и Азербайджана), и сказал: «Но это ведь все члены редколлегии журнала “Континент”, главным редактором которого, по поручению американских спецслужб, стали вы, уехав из Советского Союза для чтения лекций в Германию. Журнал вел активную антисоветскую пропаганду, сыграл свою роль в развале СССР. О каких же анекдотах речь?».

Могу заверить: в практике органов госбезопасности такого не было: если и применялись репрессивные меры, то лишь в случаях серьезных противоправных действий. Однако несовершенное законодательство связывало нас по рукам и ногам, и особенно – формулировки статей 58-10 и 70-й УК РСФСР, в которых упоминалась лишь одна форма подрыва власти – антисоветская агитация и пропаганда.

Эта жесткая формула трактовалась однозначно: под нее подпадает и создание подпольных антигосударственных группировок в целях подрыва конституционного строя, и изготовление, а также распространение антисоветских листовок и иных печатных материалов, и организация нелегальных типографий –

одним словом, самые разнообразные правонарушения. Уже в перестроечное время на обсуждение съезда народных депутатов СССР была вынесена новая редакция статьи 70 УК РСФСР, где была сделана попытка конкретизировать состав преступления. И что же? Съезд просто-напросто ограничил действие этой статьи новой редакцией: «Подлежат наказанию лишь те лица, которые публично призывают к свержению конституционного строя». Депутаты, доживавшие свой депутатский век, считали, что в наши дни таких призывов больше не будет. Своим решением съезд практически лишил конституционный строй юридической защиты.

Очень симптоматично, что возникшие после СССР новые государства, принимая поправки к своему законодательству, ввели в уголовные кодексы статьи, близкие по редакции к той, которую отверг общесоюзный съезд, и любопытно, что инициаторами таких поправок выступили бывшие народные депутаты СССР от союзных республик, которые раньше дружно возражали против указанного проекта на Всесоюзном съезде. Очевидно, своя рубашка оказалась ближе к телу.

Сделал это отступление лишь из желания сказать, как нелегко Андропову было противостоять нажиму стать на путь репрессий, которые далеко не способствовали, как казалось тем, кто их требовал, стабилизации обстановки в стране. К ней бы они (репрессии) не привели. Надо было глубоко и серьезно работать над устранением причин, порождавших негативные процессы в обществе, рождавших недоверие граждан к власти и к партии.

И Андропова весьма беспокоило то, что призывы к борьбе с идеологическими диверсиями, исходившие из ЦК КПСС, не подкреплялись практической работой.

Как-то он вдруг сказал мне:

– Ты и твои подчиненные очень много выступают в различных аудиториях по проблемам идеологической борьбы, диверсий противника в этой сфере.

Удивившись замечанию, ответил, что это вытекает из требований КГБ:

– Советские граждане должны знать и о диверсиях, и о наших мерах борьбы с ней.

– Но ведь есть ЦК, его лекторы. Прежде всего, они должны вести пропаганду и раскрывать суть идеологического противостояния. Твое же дело – оперативная работа в этой области, предотвращение диверсий чекистскими методами. Если надо, сходи к лекторам ЦК, поделись информацией.

Сходил, поделился и продолжал выступать, как и сотрудни- ки руководимого мной коллектива. Андропов против этого не возражал.

Его вспышка была понятна. Он был озабочен инертностью ЦК партии в области идеологической работы, формальностью проводимых мероприятий, отсутствием активности на фронте так называемой «холодной войны». Предложения, идущие из КГБ на сей счет, по существу, не воспринимались и не имели должного реагирования.

Был, например, такой случай. В середине семидесятых годов в Эстонии стал заметен рост националистических настроений. Соответствующей реакции на это партийных органов Эстонии не было. Причиной тому было желание скрыть этот негативный процесс, свидетельствовавший о промахах в политико-воспитательной работе в республике. Замалчивали, не понимая того, что национализм разжигается и используется Западом в целях дестабилизации обстановки в Советском Союзе, разжигания межнациональной розни.

Проведя довольно обстоятельный анализ причин происходящего в республике, КГБ СССР доложил об этом запиской в ЦК КПСС с соответствующими предложениями, которые предполагалось обсудить на заседании Политбюро ЦК КПСС с участием эстонских руководителей.

Записка долго бродила среди чиновников аппарата ЦК, и, наконец, приняли решение: направить ее в Таллин и обсудить на бюро ЦК Компартии Эстонии. Странно, но понятно: нельзя обнажать все, что связано с национализмом, ибо огласка вызовет вопросы, какой может быть национализм, если везде говорят о нерушимой дружбе народов. Кончилось тем, что председателю

КГБ Эстонии генерал-майору Августу Порку предложили уйти в отставку, а к чему привел рост национализма в Эстонии, сегодня понятно не только старым чекистам.

Проблемы национальных отношений возникали и в ряде других республик. Они проявлялись в росте националистических настроений, в межнациональных конфликтах, в недоверии к проводимой политике в укреплении межнационального единства в многонациональном Союзе. Требовалось решение проблемы поволжских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев. Уже тогда чувствовалось напряжение в Закавказье, связанное с Нагорным Карабахом.

В ключе разрядки межнациональной напряженности осуществлены были и решения о разрешении выезда в порядке воссоединения семей, разрозненных в годы Второй мировой войны, сначала немцам, проживающим в СССР, а затем евреям. Последние ехали в Израиль, главным образом из западных городов страны. Такое решение было принято по инициативе КГБ СССР в 1970 году, и к концу 1974 года выезд по этим причинам был практически завершен. Эмиграция евреев резко упала. И вот тогда сионисты Израиля в целях обострения межнациональных отношений и возбуждения антисемитизма в СССР организовали массовую засылку вызовов евреям СССР от несуществующих в Израиле родственников. Акция была понятна, но вызвала разную реакцию. Выезд в Израиль резко возрос не только из желания покинуть Россию, но и из-за боязни роста недоверия к евреям в Советском Союзе. А оно могло возникать, да и возникало, так как трудно было знать, как еврей, получивший провокационный вызов, будет на него реагировать. Кое-где руководители учреждений стали ограничивать прием евреев на работу, с недоверием относиться к тем, кто пока держал визы в Израиль в своем кармане.

Шло накопление антисемитских настроений, отвечавших замыслу сионистов.

Свидетельством таких замыслов явились и другие акции. В 1975 году был организован захват самолета в Ленинграде. Он должен был вывезти из страны группу евреев, которым был

якобы запрещен выезд. Операция по пресечению этой акции проходила под пристальным вниманием Ю.В.Андропова и была успешно завершена.

В другом случае сионисты стали усиленно распространять слух (об этом непрерывно вещало радио Израиля на русском языке) о готовящихся еврейских погромах. Назывался конкретный день. Об этом извещали и листовки, распространенные в ряде городов. Замысел был сорван путем предания гласности в печати о затеваемой провокации и о мерах по ее срыву. Но тогда не сказали об одном. Автором листовок, призываемых к еврейским погромам, был еврей из Ленинграда. Не сказали, чтобы не вызывать антиеврейских настроений. Странно, правда, что спустя время журнал «Знамя» (главным редактором тогда был Григорий Бакланов) оправдал его поведение, опубликовав текст листовок с комментарием, что автор таким путем извещал о готовящейся акции с тем, чтобы предотвратить ее.

Конечно, такое объяснение остается на совести журнала.

Памятны провокации этих кругов и в дни подготовки Олимпийских игр в Москве. В 1979 году опубликован роман американского писателя Джеймса Петтерсона «Заповедь Иерихона». Фабула романа следующая. Группа евреев-сионистов (Рабинович, Бен-Ибан и другие), уцелевших в нацистских лагерях, замышляют грандиозную «акцию возмездия» за гибель шести миллионов евреев от рук немецких фашистов и «репрессий» против евреев в СССР в послевоенные годы. Эту акцию под кодовым наименованием «Дахау-2» решено провести во время Олимпийских игр 1980 года в Москве.

Значительная часть книги посвящена описанию подготовки и проведения террористической акции в Москве во время Олимпиады-80.

Анализ содержания детективного романа Джеймса Петтерсона позволяет сделать вывод о том, что основные цели этой книги заключались в следующем: во-первых, создать впечатление о сравнительной легкости организации террористической акции в ходе Олимпиады-80; во-вторых, детально раскрыть способы и методы операции «Дахау-2» с тем, чтобы таким

образом инспирировать враждебные проявления со стороны зарубежных и внутренних антисоветских элементов во время Олимпийских игр и в определенной мере вооружить их знанием тактики диверсионно-террористических действий.

Андропов внимательно относился к информации о подобного рода действиях спецслужб и антисоветских элементов, обращая при этом серьезное внимание на проведение мероприятий по предотвращению межнациональных распрей, в том числе и на базе антисемитизма. Его разжигание входило в задачу сионистских центров, как всех тех, кто во взаимодействии со спецслужбами Запада стремился к решению задачи свержения советского социалистического строя.

От проблемы межнациональных отношений нельзя было уклоняться в те годы. Разжигание межнациональной розни занимало одно из важнейших мест в планах Запада по развалу советского строя. Двадцать две редакции Комитета радио «Свобода», вещавшие на языках народов СССР, были специально созданы для этого.

К сожалению, понимание того, что укрепление дружбы народов требует постоянной заботы и внимания партийных органов в центре и на местах не находило должного понимания в руководящих сферах, а кто-то, как показало будущее, и специально отвлекал идеологический аппарат от этого важного дела.

Но Ю.В.Андропов, став Генеральным секретарем партии, определил, как одну из первоочередных задач: не ослаблять внимания к решению национального вопроса. Об этом он твердо сказал, выступая с докладом на заседании в Кремле, посвященном 60-летию создания Союза Советских Социалистических Республик.

Жизнь подтвердила важность внимания Андропова к межнациональным отношениям. Именно на них играли разрушители советского государства, поднявшие голову после его ухода из жизни.

Среди проблем, беспокоивших Андропова, не последнее место занимал рост коррупции в центральных и местных органах власти. Нет смысла писать детали на сей счет, ибо коррупцию

того времени нельзя сравнивать с сегодняшней. Но коррупция тех лет начинала компрометировать власть, подрывала в народе авторитет партии.

Андропов не остался в стороне. По его поручению была подготовлена соответствующая записка в ЦК с конкретными предложениями по этой проблеме. Одним из них была необходимость обращения ЦК с открытым письмом ко всем коммунистам, где была бы выражена не только обеспокоенность, но и оговорены условия для привлечения широких масс к борьбе с казнокрадами и взяточниками. Предлагалось также разработать систему контроля над доходами. Андропов подписал записку.

И началась обычная волокита. В отделах ЦК письмо готовилось почти год, в результате был создан мертвый, никакого эффекта не имевший документ. Увы, так случалось каждый раз, как только какие-то благие начинания доходили до среднего звена аппарата ЦК КПСС, — оно было способно утопить самое лучшее решение, выхолостить самый замечательный план. А, кроме того, усердные «слуги» опасались, как бы разоблачения не задели самые верхи.

Мафиозность преступного мира стала реальностью конца XX века, она получила широкое распространение, распозлзлась по всем странам и континентам. До определенного времени Советский Союз еще сохранялся, как оазис, который обходила эта беда, ибо система как-то сдерживала зарождение мафиозных структур. Но окончательно подавить этот процесс она не смогла.

Есть некоторые стороны работы Андропова, которые, на первый взгляд, носили рядовой характер, не имели большого политического смысла. Но они важны, ибо оздоравливали обстановку, снимали вопросы, порождавшие недоверие к власти. Многие предпринималось им для ограничения всякого рода запретительных мер. Один из примеров тому: ограничить роль КГБ в разрешении выездов граждан за границу. Решение принимала соответствующая комиссия ЦК КПСС, но много нареканий шло в адрес органов КГБ. Надо сказать, что в их сторону нередко «кивали» и те руководители ведомств и регионов, которые сами же и запрещали выезды.

Тогда было принято решение: своего мнения КГБ не высказывает, решает комиссия ЦК. Конечно, это не касалось случаев, когда речь шла о данных, связанных с ущербом государственной безопасности. Одновременно Андропов согласился с инициативой министра культуры СССР Фурцевой о том, что к решению вопросов о выезде за границу деятелей культуры КГБ отношения иметь не будет. Это касалось, кстати, и Владимира Высоцкого, о котором до сих пор говорят, как о преследуемом КГБ. «Преследовали», конечно, имея в виду заполучить его для выступлений перед чекистами.

Кстати, тогда же было принято решение о не реагировании на всякого рода анонимные доносы. Расследованию подлежали лишь анонимные заявления о возможных акциях террора, экстремизма, использовании взрывных устройств. Все другие анонимки шли в корзину.

В этой связи не могу не сказать о том, о чем много пишут, увязывая с нарушением прав граждан, с нарушением закона органами госбезопасности. Речь идет о «психушках». Сразу скажу, что психиатрические больницы не играли роль тюрем, и КГБ направлять туда граждан для лечения никаких прав не имел. Принудительные решения — только по решению суда. Но дело в том, что по тогдашнему положению все привлекаемые по статьям о государственных преступлениях должны были до направления их дел в суд пройти психиатрическую экспертизу. Иной раз даже больно было за человека, осуждаемого на принудительное лечение; ибо ему грозило наказание в два-три года лишения свободы, а на принудительном лечении он мог быть значительно дольше. Стрелявший у Боровицких ворот террорист Ильин, например, на принудительном лечении находился более двадцати лет.

Да, Андропов вносил предложения о строительстве новых психиатрических лечебниц. Но не потому, что их не хватало, а по той причине, что направляемые на принудительное лечение попадали в места, малопригодные для этого. Больницы размещались в старых, неблагоустроенных помещениях, построенных еще задолго до революции. И записка КГБ по этому вопросу

получила отклик: Совет министров принял решение построить более десяти новых современно оборудованных больниц. Две в Ташкенте и Алма-Ате построить успели, а в Благовещенске (кажется), по-моему, не достроили. А как обстоит дело сегодня?

Все написанное выше вовсе не составляло основную заботу Андропова как председателя КГБ. Пишу потому, что это направление мне ближе, да оно чаще всего освещается в печати, получая разные оценки, чаще всего со стороны тех, кто в последние годы на фальсификациях набил руку. Поэтому важно сказать особо, что роль Андропова в повышении уровня работы на решающих направлениях оперативной деятельности КГБ – разведки и контрразведки – неопределима. Они стали действенной силой укрепления безопасности страны, вносили немаловажный вклад в ее обороноспособность и экономическое развитие. И не Андропов повинен в том, их вклад в дела общегосударственной важности оставался нереализованным. Государство из года в год теряло динамизм, продолжая по инерции жить достижениями прошлого.

Особое место занимало развитие технической базы в системе Комитета. Созданные по инициативе Андропова научные институты мало чем отличались от передовых исследовательских институтов страны. Их достижения в вычислительной технике, электронике, связи, криптографии получали высокую оценку, а главное – внедрялись в практику и служили делу.

И не могу не сказать еще об одном. Андропов отводил важную роль не только точной науке. Он первым из государственных деятелей стал опираться на социологию. Социологические исследования довольно часто ложились в основу его предложений, они давали ему возможность делать необходимые выводы для направления оперативной работы разведки и контрразведки, использовать их для выработки политической линии партии. Мне помнится первое социологическое исследование после прихода Андропова в КГБ о причинах массовых беспорядков в стране. Они тогда вызывали беспокойство, так как начиная с 1957 года (Темир-Тау), происходили почти ежегодно в различных районах страны. Реакция на них была. Но только во время и после происшествий. А причинами никто глубоко не занимался. Упомянутый

анализ дал возможность увидеть причины и определять меры по предотвращению такого рода неприятностей. На основе таких анализов выработаны рекомендации, и с такого рода проявлениями удалось покончить. Причины, когда их знаешь, устранять можно. Взаимодействие с научными учреждениями с приходом Андропова сложилось вновь или углубилось на многих направлениях деятельности органов госбезопасности.

В заключение не могу не сказать о таком личном качестве Андропова, как скромность. Скромность в жизни, в быту, в общении. Он жил не для себя. Вся его жизнь – служение партии, государству, народу. И таким он останется в нашей памяти, в истории советского социалистического государства.

Ю.И.Дроздов

Ю.В.Андропов и нелегальная разведка

Мне приходилось встречаться и работать со многими руководителями. Среди них Ю.В.Андропов, А.А.Громыко, Б.Н.Пономарев, В.М.Чебриков, В.А.Крючков и другие. О встречах и беседах с ними можно говорить много и долго. Скажу лишь несколько слов об Андропове.

О Юрии Владимировиче как Председателе КГБ, дипломате и человеке вообще в последнее время писать стали чаще. У нас и за границей.

Я не видел за свою жизнь ни одного добренького политика. Если он хочет быть добреньким и для своих, и для чужих, он занимает явно не свое место. Любой государственный деятель защищает интересы своего государства. Каждое государство имеет свою историю, занимает определенное место в мире, имеет традиционный для той или иной страны характер взаимоотношений с другими странами. Андропов хорошо знал и понимал это. Он был сыном своей страны, своего времени, в духе которого действовал.

Я буду говорить о нем только как о руководителе КГБ, непосредственно руководившим деятельностью нелегальной разведки.

Наше первое знакомство относится к зиме 1964 года. Я был вызван в Центр для доклада о своей работе по Китаю и Юго-Восточной Азии. Председатель КГБ СССР В.Е.Семичастный после доклада позвонил в ЦК КПСС Ю.В.Андропову, доложил, что прибыл резидент разведки в Пекине. Ю.В.Андропов попросил срочно направить меня к нему для беседы.

Эта встреча продолжалась несколько часов. Он умел слушать и задавать вопросы, был всегда активен, привлекал к участию в беседе других. Его интересовало тогда, как разрубить узел китайско-советских противоречий. Зная сложность этого вопроса, я в шутку сказал, что, видимо, следует наложить на марксизм-ленинизм, потом маоизм, затем все просветить,

а что будет сбоку марксизма — отрезать. Он улыбнулся, сказал, что это уже пробовали. На его предложение в конце беседы перейти на работу в аппарат ЦК КПСС я ответил отказом.

Второй раз мы встретились в 1968 году, когда я вернулся домой, а он уже стал Председателем КГБ. «Вот мы и встретились, будем работать вместе», — сказал он. Видимо, мои записки «Четыре года в Китае» побудили его направить меня на короткий промежуток времени на работу в китайский отдел ПГУ, а затем вернуть на работу в Управление «С».

Как он и начальник ПГУ Сахаровский решали мою судьбу — мне до сих пор неизвестно. Александр Михайлович Сахаровский вызвал меня, сослался на решение Председателя КГБ о моем новом назначении заместителем начальника нелегальной разведки. Я ответил согласием. А.М.Сахаровский попросил внимательно ознакомиться с взглядами Ю.В.Андропова по вопросам деятельности нелегальной разведки, подчеркнул, что период поисков пути закончился и подвел итог: «Внутри Управления можешь пробовать, искать, менять, делать, что хочешь, но Управление “С” должно найти свое место. Это просил передать тебе Андропов».

Так произошло мое возвращение в нелегальную разведку. Я весьма признателен всему коллективу управления за помощь в решении острейших вопросов разведывательной работы.

Андропов не был недосыгаемым Председателем КГБ. Он сразу же попросил о встрече с секретарем парткома Управления, чтобы встать на учет в парторганизации одного из отделов. Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами над путями ее развития. Многое, о чем он говорил, мы постарались претворить в жизнь. По своему прошлому в военные годы он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. Он жил жизнью нелегалов, встречался с ними. В беседах с нелегалами вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, позволял спорить и не соглашаться с ним.

Андропова глубоко интересовали вопросы выдержки, преданности и стойкости разведчиков в острых ситуациях, в случае захвата противником. Ведь каждый из них переживает то со-

стояние, которое испытывали партизаны при уходе в тыл врага: можно действовать, рисковать своей жизнью, а можно и отсидеться. Так бывало. Как-то мы пригласили его поехать вручить орден Красного Знамени нелегалу-иностранцу. Он согласился. Между ним и нелегалом, которому пришлось очень многое испытать, выполняя задание, шел живой интересный разговор. Андропов как бы ушел от своей высокой должности, вручил орден, просто по-товарищески поздравил. На обратном пути в машине он внезапно спросил: «Скажи, Юрий Иванович, почему иностранец, бывший идеологический противник, служит делу социализма вернее, чем наш соотечественник?». «Он служит в нелегальной разведке, Юрий Владимирович», — ответил я. «У нас не принято говорить нелегалу неправду, обманывать. Он сам имеет право высказать все, даже самое неприятное. Без этого доверия не будет». Андропов помолчал, потом промолвил: «Да, многое нам поправлять надо».

Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций, некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации.

Помню, когда один из наших нелегалов успешно завершил сложную операцию, ставшие известными данные о замыслах наших противников против Советского Союза и стран Варшавского блока серьезно обеспокоили Андропова. К информации нелегальной разведки он стал относиться с еще большим вниманием.

20 октября 1993 года в программе РТВ «Вести» было объявлено, что в программе «600 секунд» будет передано интервью одного американского тележурналиста с бывшим советским дипломатом, занимавшим пост заместителя Генерального секретаря ООН, оставшимся в США и продавшим свою Родину, А.Шевченко. Сказано было как о некоей сенсации, хотя времени со дня предательства прошло немало — более 15 лет. (Каждый раз, когда наши журналисты как бы чуть сочувственно пишут или вещают о случаях предательства, мне хочется спросить, а как они относятся к факту измены в собственной семье, в семьях братьев,

сестер, родителей, к изменам друзей? Так же или иначе?.. Какие последствия они видят, чью беду, разруху, горе, несостоявшиеся надежды и конкретные дела? На эти вопросы ответ почему-то отыскать бывает трудно).

Интервью с А.Шевченко комментировал бывший представитель США при ООН сенатор П.Мойнихен. Бесспорно, предательство Шевченко было большой удачей американских спецслужб, который за 32 месяца добровольного, инициативного и сознательного сотрудничества с ними нанес нашей стране большой ущерб.

В 1975–1976 годах мы уже чувствовали, что в составе советской колонии в Нью-Йорке есть предатель. Естественно, что мы искали его. Американской стороне, видимо, было недостаточно ценной и достоверной политической информации, и она стала активно использовать в местной печати его информацию об известных ему сотрудниках и возможных агентах КГБ в аппарате ООН. У нас в колонии возникло беспокойство, однако при анализе стало ясно, среди кого искать предателя. Мы смогли успокоить «пропечатанных», объяснили, что наши политические противники ведут борьбу за вытеснение советских сотрудников с ответственных постов ООН, так как наше представительство поставило вопрос об увеличении их численности. Круг осведомленных об этом сузился до нескольких человек, и среди них был и Шевченко.

А выдали Шевченко нам сами же американцы задолго до его ухода к ним. Ведь это они, нарушив свои же собственные правила работы с агентурой, изложенные в их инструкции «Об агентурном проникновении в организации и объекты, представляющие оперативный интерес», вызвали изменения в его образе жизни, дали ему повод жить, нарушая финансовую дисциплину нашего Представительства, поместили в Майами на несколько дней в роскошном номере гостиницы, стоимость которого была ему явно не по карману. Он стал пить, уклоняться от работы, вести себя на совещаниях вызывающе, иногда впадал в состояние необъяснимого страха, депрессии. Мы замечали разницу в отношении к Шевченко сотрудников Секретариата ООН

и американской стороны. Ни его действия, ни его слова не давали повода называть его «сталинистом», тут был заметный перебор, что и настораживало еще больше.

Помню, как-то на одном совещании у нашего Представителя в ООН О.А.Трояновского Шевченко весьма неосторожно подверг критике Директивы Центра делегации СССР на сессии ООН в сентябре-декабре 1977 года по одному из вопросов, что вызвало у всех удивление, так как его предложения были явно на руку США.

После возвращения Шевченко из Майами месяца через полтора мы проинформировали руководство разведки о возникшем у нас подозрении и попросили через МИД СССР отозвать его в Москву, с тем, чтобы избежать нежелательных последствий.

Шевченко имел ранг посла, был близок к А.А.Громыко и, естественно, что наша информация вызвала противоречивую реакцию. Кто-то из друзей Шевченко в нашей службе даже официально потребовал от нас прекратить наблюдение. Более осмотрительные руководители, как мне известно, проинформировали в МИД СССР заместителя министра В.В.Кузнецова и поручили нам проинформировать обо всем О.А.Трояновского.

Реакция Трояновского была сначала спокойной, потом более возбужденной, с указанием на 1937 год, что мол придется извиняться и отвечать за клевету. Я напомнил ему, кто в те годы руководил «тройками» и что он больше, чем я, несет ответственность за коллектив советской колонии. В тот вечер мы друг друга не поняли.

Я не выполнил требование Центра прекратить наблюдение. Каждый раз, когда поступала информация о Шевченко, в том числе и из американских кругов, мы спокойно и методично направляли ее в Центр. Там ее принимали в управлении внешней контрразведки, в подразделении О.Д.Калугина не весьма охотно: надо реагировать... Центр и МИД, к сожалению, медлили, не верили.

Когда Шевченко совершил предательство, мне ночью позвонил О.А.Трояновский: «Юрий Иванович, случилось самое страшное — Шевченко ушел...». Нам ничего не оставалось, как общими усилиями приступить к локализации последствий этого предательства. Через некоторое время страсти вокруг поутих-

ли, и Трояновский в беседе со мной по поводу измены Шевченко как-то сказал, что «ведь может же советский человек выбрать себе новую родину».

Новую Родину выбрать нельзя. Можно лишь сменить место жительства. Да и то какой ценой?

Думаю, в предательстве Шевченко есть и такая причина, как неприятие политическим руководством решения по сигналу разведки, которая своевременно предупредила о вероятности этого и длительное время информировала о вероятной тяжести последствий.

Некоторое время спустя после предательства Шевченко попросил политическое убежище в США еще один советский сотрудник Секретариата ООН Лещинкас. Мы сообщили в Москву о случившемся. На этот раз реакция руководства МИД СССР была весьма спокойная. Из ПГУ мы получили данные, что КГБ в свое время выступил против его использования за рубежом по политическим мотивам, однако в ЦК КПСС это не приняли во внимание. В конце мая — начале июня 1978 года в Нью-Йорке был в командировке заведующий отделом ЦК КПСС Н.М.Пегов, который вызвал меня на беседу. Он начал несколько странно, сказав, что опять у вас, Юрий Иванович, ушел сотрудник, что-то неладно у вас здесь.

Такое замечание, не буду скрывать, задело и обидело меня. Я ответил Пегову, что сотрудник ушел не «у меня», а «у нас». Он промолчал, а я попросил ответить мне — почему в случае с Лещинкасом материалы спецпроверки оказались слабее телефонного звонка и кто разрешил выезд за рубеж этому человеку в нарушение всех инструкций ЦК КПСС и Совета Министров СССР? Пегов опять ничего не ответил, затем попросил назвать лиц из числа сотрудников представительства СССР при ООН, поведение которых вызывает тревогу. Мне пришлось назвать ему группу лиц из числа «позвоночников» (т.е. сотрудников, продвигавшихся благодаря высокопоставленным связям) и попросить разобратся, насколько их пребывание в США соответствует требованиям Инструкции по подбору кадров. Пегов все молча выслушал и уехал.

Летом 1978 года я был в Москве. Принимая меня с докладом о работе резидентуры, Ю.В.Андропов сказал: «В деле с Шевченко ты был прав, я прочитал все материалы. Это наша вина. Наказывать тебя за него никто не будет, но (он помедлил) и Громыко тоже снимать не будем». Затем, хитро посмотрев на меня, Андропов спросил: «На тебя, Юрий Иванович, жалуется Н.М.Пегов. Что там между вами произошло?». Я подробно доложил ему о имевшей место беседе. Юрий Владимирович все внимательно выслушал и ответил, что, по словам Пегова, «с ним (со мной — Ю.Д.) невозможно разговаривать, но он прав». Ю.В.Андропов тут же позвонил Н.М.Пегову и попросил его подумать, как исправить дело.

Осенью 1978 года в сентябре в Нью-Йорке министр иностранных дел СССР А.А.Громыко спросил, почему я, зная его многие годы, не сообщил ему о Шевченко лично. Я ответил, что ценил его занятость и доверял его заместителям и О.А.Трояновскому, которые обо всем были своевременно информированы. Он помолчал, внимательно ознакомился с информацией резидентуры и признал, что в этом вопросе допустил «большой промах».

Во второй половине октября 1979 года я распрощался с Нью-Йорком и возвратился в Москву. Стояла золотая осень. Я думал, что пока будет идти процесс оформления на должность, успею заняться квартирой, дачей, на которую «ухнул» все накопленные деньги.

Через несколько дней после прилета я был на приеме у Председателя КГБ Андропова. Обычно при назначении на прежнюю должность беседа на таком уровне не проводилась: отчет был написан еще в Нью-Йорке, вопрос о работе решен, надо просто приступать к работе. Андропов, видимо, был удовлетворен результатами работы резидентуры и сразу перешел к новой проблеме. Он сказал, что руководство КГБ решило внести изменения в планы моего использования: «Мы предлагаем тебе должность начальника Управления «С», тем более, что ты в нем прошел путь от рядового сотрудника до заместителя начальника, и все в нем знаешь».

Он кратко обрисовал обстановку, указал на основные оперативные направления работы, уточнил задачу Управления «С», тепло попрощался и порекомендовал «впрягаться». Крючков, присутствовавший при беседе, попросил обратить внимание на Афганистан.

Андропов еще раз подчеркнул, что затянувшиеся на много лет поиски роли и места нелегальной разведки в системе разведывательной деятельности давно закончились. Он был удовлетворен теми практическими действиями нелегалов, которые были предприняты за последние 10 лет. Нелегалы оправдали определенные для них направления боевой работы: вести активную разведку по предотвращению внезапного ракетно-ядерного нападения на нашу Родину. Ряд операций, начатых в начале 70-х годов, положительно развивается. С этого направления не сходить, какие бы изменения ни касались других подразделений. Андропов посоветовал внимательно отнестись к прошлому опыту деятельности нелегалов, отбросить все, что стало известно противнику от предателей из-за провалов, и все время искать и искать новое, но смелое и дерзкое, не забывая о конспирации и отвлекающих маневрах. Тут же он вспомнил еще ряд дел, которые были начаты нами еще до моего отъезда в США.

В заключение Ю.В.Андропов сказал, что нелегальная разведка должна жить и работать по своим законам и правилам, быть максимально автономной в общей системе внешней разведки, и предоставил нам право самостоятельно информировать его и Инстанции в случаях, когда это диктуется интересами безопасности нелегалов и их агентуры. (Как я был все годы благодарен ему за это решение, хотя оно иногда и осложняло наши отношения с информационной службой ПГУ, так как мы стали «знакомить» ее с нашей информацией, которая постепенно приобретала все более весомый и значимый характер).

Дальше мне предстояло действовать самому, опираясь на руководящий и оперативный состав Управления «С» — нелегальной разведки, которая за мое отсутствие окрепла благодаря усилиям В.А.Кирпиченко. 14 ноября 1979 года я был утвержден в новой должности и на добрые двенадцать лет связал свою

жизнь с напряженной и постоянно беспокойной жизнью нелегальной разведки. Через месяц мне пришлось на несколько дней прервать ознакомление с делами и людьми управления и вылететь в Афганистан, где уже находилась в краткосрочной командировке часть наших сотрудников.

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан, процедура принятия решения по этому вопросу, пребывание там наших войск, их вывод и сопутствовавшие всему этому самые различные суждения, интерпретации — это тема отдельного исследования. Скажу только вот что. Ввод советских войск в Афганистан не только был оправдан, он был необходим, для этого были очень веские причины. Оправданным был и штурм дворца Амина, в котором я вместе с сотрудниками Управления «С» принимал участие. Дело в том, что Амин к тому времени уже сотрудничал с американцами, по его указанию был убит президент Афганистана Тараки. Не будем забывать, что американцы рассматривали в то время Афганистан как наилучший плацдарм для проникновения в республики Средней Азии, и они уже начали тогда проводить свои операции, в том числе засылку боевых отрядов моджахедов и т.п. Так что избежать введения наших войск в Афганистан было нельзя, потому что сами американцы туда активно лезли, они ведь уже начали выдвигать свои технические наблюдательные посты к нашим южным границам. Кстати, это был не первый случай, когда мы входили в Афганистан с подобной миссией, а третий или четвертый. Должен сказать, что мы совершенно не собирались там задерживаться... Между прочим, сегодня афганцы, в том числе и Раббани*, говорят: «Какие мы дураки, что тогда воевали с русскими! Лучше бы мы с ними тогда дружили». И натовцы уже давно хотят уйти из Афганистана, но я очень сомневаюсь, что афганцы их так просто выпустят, потому что натовцы в отличие от нас, только и делают, что стреляют и бомбят, мы тоже стреляли, стреляли в ответ, но при этом продолжали строить, мы же очень много объектов построили в Афганистане.

* В 1979–1989 гг. — один из командующих моджахедами, в 1992–2001 гг. — президент Афганистана.

Во время пребывания наших войск в Афганистане бывали случаи, когда, к примеру, под Кандагаром, где в то время была очень сложная обстановка, к начальнику нашего спецподразделения пришел ночью с бутылкой коньяка руководитель местных моджахедов и говорил: «Я новую власть принимать не буду, но с тобой воевать не хочу. Давай не будем стрелять друг в друга?». А сегодня американцы, датчане, англичане привыкли смотреть на эти вещи несколько иначе: «Подчиняйся – и все!».

Тут надо еще сказать вот что... Запад сегодня использует территорию Афганистана и территории наших Среднеазиатских республик для проникновения в Россию; в Афганистане готовят людей, которые создают очаги напряженности в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане... В данном случае американцы осуществляют план, который изложен в работе «Задачи ВВС США на Северном Кавказе и в Средней Азии»: разделять бывшие республики СССР на куски, чтобы тут же подбирать то, что отвалится.

И еще: это ведь они «создали» Осаму Бен Ладена и натравливали его боевиков на наши войска. В ту афганскую войну американцы принимали непосредственное участие в деятельности моджахедов. Когда лет пять назад к управлению в Пентагон пришла новая когорта молодых генералов, они приехали в Москву, с ними встречался Леонид Григорьевич Ивашов, который на эту встречу пригласил и меня. Там американцы меня спрашивают: «Что такое Басаев?». А известно же, что Басаев был одним из руководителей подразделения специального назначения, причастного к военным. Я отвечаю американцам: «Басаев – наша ошибка, а ваша ошибка – Бен Ладен. В результате ошибки в организации отношений Бен Ладена с руководителем местного спецформирования у вас с Бен Ладеном и произошел разрыв. Так же произошло и у нас».

По возвращении из Афганистана внутренние заботы управления так захватили меня, что я не заметил, как пролетели эти годы. Видимо нет никакой надобности останавливаться на структуре и организации работы Управления «С», так как это с большим усилием и изрядной долей выдумки сделали

перебежчики-предатели Гордиевский и Кузичкин в своих мемуарах, с книгами которых уже успел ознакомиться наш читатель.

Обострение международной обстановки усложняло задачи оперативного состава и нелегалов, требовало от них больше самостоятельности и отдачи. Мы все понимали, что добиться этого можно укреплением дисциплины исполнения. Моим лучшим помощником среди руководящего состава Управления был секретарь партийного Комитета, сам бывший боевой нелегал.

Мы не проводили нудных нравоучительных лекций, не читали мораль. В основе нашей работы были оперативно-практические совещания с анализом конкретных результатов работы и комплексные оперативно-тактические учения всех подразделений Управления по тематике выявленной встречной деятельности спецслужб противника. В ходе таких учений мы стремились не только решать оперативные вопросы, но и знакомили оперативный состав с полученными данными о разных направлениях деятельности спецслужб стран, регион которых охватывали учения. Например, в секретном документе одной из западных спецслужб, который касается вопросов подбора кадров в разведку, говорилось: «Наличие отрицательных черт и качеств у человека ограничивает его пригодность к разведработе. Обычно эти отрицательные качества настолько глубоко укоренились в личности человека, что их трудно изменить. Идеальных людей очень мало. “Святые” в разведке обычно не работают. Вместе с тем не следует тратить усилий на исправление слабостей и недостатков характера. Людей с явными недостатками вообще не следует привлекать к разведработе. К таким недостаткам относятся: болтливость, нечестность, трусость, боязнь трудностей, отсутствие объективности, психическая неуравновешенность».

Мы учитывали эти рекомендации, пересматривая и проверяя свои требования к подбору кадров. Каждый разведчик, независимо от его категории (легал или нелегал), хотя бы раз в жизни решал задачу «агентурного проникновения в организацию или объект, представляющий оперативный интерес». Мы напоминали нелегалам и сотрудникам свои требования и знакомили их с подходом ЦРУ к этой проблеме.

Ни в коем случае нельзя расслабляться, надо постоянно контролировать свои действия, поступки и возможности, сохранять высокую бдительность по отношению к противнику. Потеря бдительности может привести к провалу нелегала.

На всех этапах операции необходимо соблюдать все известные требования конспирации и по возможности обеспечивать полную безопасность ее осуществления. Мы не можем, разумеется, полностью устранить элементы риска или заранее предусмотреть возникновение неожиданных ситуаций. Кроме того, совсем нетрудно усилить безопасность до таких пределов, что она превратится в преобладающий фактор, вследствие чего может застопориться вся операция. Поэтому необходимо поддерживать правильное равновесие между требованиями безопасности и эффективностью операции.

Условия безопасности:

а) личная безопасность: соблюдение требований конспирации везде, всегда и во всем. Встречаются люди, которые с удовольствием окунаются в атмосферу таинственности и приключений, не свойственную обычному образу жизни. Подобное отношение к делу является неотъемлемой частью операции, разработки, но только все это должно выглядеть естественно;

б) уверенность в себе: хотя от агента ожидается строгое соблюдение легенды, это еще не означает, что он является абсолютно послушным орудием в наших руках. Уверенность в себе, в своих силах и возможностях обычно требует повышенного уважения и соответствующего отклика. Однако излишняя самоуверенность и тщеславие могут в конечном счете привести к разрыву отношений между агентом и оперработником;

в) эмоциональный контроль;

г) осторожность и скрытность: агент не должен ни в коем случае иметь при себе чего-либо, что могло бы привести к расконспирации операции. Это же относится и к месту постоянного жительства агента.

Нет такого тайника, который было бы нельзя обнаружить.

Меры обеспечения безопасности и конспирации должны быть предельно простыми. Чем они сложнее, тем больше опасность провала и расконспирации.

Ограничить круг лиц, принимающих участие в операции...

Сказано не так уж много, а сколько полезных советов, выпадающих и с нашими требованиями.

Война разведок — настоящая, невидимая простому глазу война. И как на всякой войне, здесь бывали жертвы. Чтобы их было как можно меньше, мы учили нелегалов и поведению в экстремальных ситуациях, при задержании, аресте, несчастных случаях. Во время таких бесед мне часто вспоминалось, как к этому относились наши предки, готовя разведчиков и воинов.

«Идя на пытку, вспомни Исаака Сирина: потщись войти во внутреннее сокровенное твое... Как на умной молитве, на священном трезвении, — ты достигал его, если хотел. — Отдели дух от тела и дай телу без чувства принять страдание. Если же изменит тебе это искусство разделения живого естества, вспомни, что нет невыносимой боли, пока ты в памяти. От истинно невыносимой боли и сильный впадает в беспамятство, а ты не столь силен телесно, да можешь еще и помочь себе... Готовил я из тебя схимника и книжника, а изготовил, видно, воина. Иди...»*

Нелегалы понимали, что такие встречи с противником во время боевой работы возможны. Как много это дало для нелегальной разведки было отчетливо видно по результатам нашей работы за рубежом, но не все мероприятия, однако, с пониманием встречались внутри ПГУ на первом этапе.

Мы же были удовлетворены тем, что нелегалы узнали, как они отмечали в своих отчетах, для чего они нужны, с чем они встретятся за рубежом, а находящиеся на боевой работе знали, что им необходимо делать. Деловая самостоятельность перестала носить принудительный характер.

Переход от учений, оперативной подготовки к конкретной деятельности за рубежом становился плавным, естественным.

Большую помощь, на мой взгляд, в этой воспитательной работе оказывало восприятие оперативным составом делового стиля Ф.Э.Дзержинского, выработанного им в бытность председателем ВСНХ СССР. Эти положения актуальны, значимы и сегодня в период возрождения России. Вот они.

* Старец Власий Ветлужанин Алексею Дуплеву «Неупокою». В.Усов, «Цари и скитальцы».

1. Начинай с себя, с требований к себе, с культуры собственной работы.

2. Будь компетентен, принципиален, способен правдиво и честно объяснить свои неудачи, а также до конца отстаивать свои предложения.

3. Не допускай всезнайства. Оно чуждо как комчванство. Умей учиться у подчиненных. Учись и ищи.

4. В рамках своих прав и обязанностей решай, делай и отвечай, не тратя ни одной лишней минуты, не допуская лишних инстанций.

5. Имей свою схему калькуляции и оценки собственной неорганизованности на рабочем участке, бесхозяйственности, расхочительности и т.д. для того, чтобы по этой схеме давать анализ критики, а не восхваления.

6. Не допускай бахвальства при оценке результатов своей работы, критически относись к положению дел на своем участке.

Нас все время беспокоила возможная утечка информации о деятельности нелегальной разведки. Я очень признателен руководству разведки за то, что оно оберегало нас: у нас были результаты, а нас продолжали ругать на совещаниях (мы сами просили об этом); наша информация была упреждающей и достоверной, а нас упрекали в медлительности действий и легковесности сведений. Это помогало нам защищать себя внутри, в ПГУ и КГБ, и водило за нос таких как Гордиевский и Кузичкин. Но это было нелегко, бывали и промахи, в том числе и внутри коллектива.

В нелегальной разведке многое обнажено, почти все воспринимается обостренно, болезненно, если ты сам не подчинил себя суровым законам этой службы. Самый главный закон здесь — полная откровенность и отчетность обо всех твоих шагах и действиях как за рубежом, так и внутри страны. Почему внутри? Потому что разведки противника действуют и внутри твоей Родины, и ты сам, если забыл об этом, можешь стать виновником «неприятных моментов». А как же личная свобода? Живи, пользуйся, люби, но помни о долге, о взятых на себя обязатель-

ствах. Тебя в разведку на суровую службу насильно не тянули. Ты пришел в нее добровольно, осознанно, тебе с самого начала сказали, что тебе будут помогать работать, учить, оберегать тебя, проверять... У меня лично и у других разведчиков-нелегалов эти требования никогда не вызывали чувства горечи и обиды за якобы недоверие.

А как же быть с теми, кто не связан этими обязательствами, кто волен вести себя более свободно? Внешне будь как он. А если он болтлив, назойлив, любознателен, просто безответственен в своем поведении? Будь осмотрителен и нейтрален в отношениях с ним. А если он вышестоящий руководитель, да еще и с этими слабостями? Будь внимателен, не оставляй без внимания особенности его характера и поведения, по возможности упреждай его действия. Все это непросто, трудно... Все это необходимо учитывать и не забывать, особенно легальным разведчикам, обеспечивающим деятельность нелегальной разведки.

* * *

По возвращении из Кабула в Москву 31 декабря 1979 года я и Вадим Алексеевич Кирпиченко в присутствии В.А.Крючкова докладывали Юрию Владимировичу Андропову о нашем участии в афганских событиях.

– Трудно было? – спросил Юрий Владимирович.

– Да, через 35 лет вспоминать молодость трудно...

– Понимаю. Пробовали разрубить узел иначе, а пришлось вот так...

После окончания беседы с Андроповым я сказал о том, что нужно уже сейчас, оценивая этот опыт, подумать о формировании специального кадрового подразделения в системе КГБ.

В этом году исполняется 30 лет легендарному разведывательно-диверсионному отряду «Вымпел». О том, как создавалось это спецподразделение КГБ СССР, как формировался, обучался его личный состав, какие задачи решались и способен был решать, требуется хотя бы вкратце рассказать и в этой статье. Тем более, что «Вымпел», как и «Альфа», по праву считается детищем Андропова.

О необходимости создания такого спецподразделения я начал думать давно; история борьбы с оуновским подпольем на Украине, высадка американской агентуры с воздуха на Украине и в Прибалтике — говорили о том, что решение о ликвидации по политическим соображениям в 50-е — 60-е годы подразделений, осуществлявших специальные мероприятия на территории противника и способных к оперативной переброске по всей территории страны, требует пересмотра. Утвердился я в своей мысли, когда увидел, как выглядят «наши» вооруженные силы, прибывшие в Афганистан, и в какой физической форме находятся там некоторые мои бывшие сотрудники.

Руководствуясь этими соображениями, я и доложил о своей идее Андропову.

— Зачем это надо? — удивился он.

Отвечаю:

— К примеру, сложилась острая обстановка, вы нас выбрасываете на место, мы решаем основные задачи, а к вечеру подтягиваются главные силы...

— Сколько человек вам надо?

— Тысячи полторы.

Год, после того, как мы подготовили все документы, этот вопрос рассматривался в Центральном Комитете и Совете министров. И только 19 августа 1981 года было принято соответствующее решение. Еще живы ребята, которые разрабатывали этот материал, писали бумаги... Я, помню, «резал» их, поправлял, высказывал свои мысли... Интересный получился документ, за год, пока его рассматривали, я в Кремль протоптал небольшую дорожку. Отчитывался и перед юристами, и перед такими, и перед сякими... Чего только не было! Вспоминали даже схожие мероприятия, которые были и в довоенный период.

После того, как решение о формировании «Вымпела» было принято окончательно, передавая мне бумаги, Юрий Владимирович Андропов сказал: «Ну, вот, на! Работай, создавай! И чтоб равных им не было!». Первым командиром «Вымпела» стал участник штурма дворца Амина, Герой Советского Союза Эвальд Козлов, боевой капитан 1-го ранга из морских погранча-

стей КГБ. А свое название отряд получил по ассоциации с адмиральским грюйд-вымпелом на мачте. Официальное же название было скучное – Отдельный учебный центр КГБ СССР.

Полное комплектование заняло полтора-два года, но, создавая маленькое подразделение человек в 100 и дав ему основную подготовку, мы сразу же отправляли его на боевое задание. Ходили они на задания под разными названиями: «Каскад», «Вымпел», одна группа, кажется, даже называлась «Вега». Некоторые сотрудники «Вымпела» прошли (естественно, нелегально) «стажировку» в подразделениях специального назначения НАТО, а 90% сотрудников «Вымпела» знали иностранные языки, многие имели по 2–3 высших образования, некоторые даже окончили Сорбонну, но при этом, подчеркну, тренировки, скажем, по рукопашному бою для всех без исключения шли не на мягком ковре, а на асфальте. Материальное обеспечение «Вымпела» отличалось от обеспечения сотрудников обычных органов в два раза, потому что люди отдавали себя своей работе фактически целиком. Внимание правительства к ним было огромным, вплоть до того, что любую операцию мог разрешить только лично председатель КГБ СССР, только он один. Потому что сразу же задействовались огромные силы. Первоначально задания выполняли в Афганистане, затем в Анголе, Мозамбике, Никарагуа, на Кубе... Делали все, что делается на войне. И даже больше. «Воровали», к примеру, людей, которые являлись секретносителями, с территории противника. Или, в одной из стран Ближнего Востока были захвачены в заложники граждане СССР. Переговоры с террористами не дали никаких результатов. И вдруг при невыясненных обстоятельствах погибают один за другим лидеры бандитов. Оставшиеся получают ультиматум: если они не выпустят заложников, то придется выбирать самим, кто будет следующим... Всех отпустили.

«Вымпеловцы» были подготовлены всесторонне. Могли, к примеру, использовать дельтапланы во время своих небольших операций. Могли, если это надо было для дела, выпить две бутылки водки и оставаться трезвыми – есть же специальный медикамент, который превращает спирт в чистую воду. Ис-

пользовали специальные патроны, позволяющие превращать в мощное средство поражения обычные предметы: авторучки, зонты, трости. Умели изготовить взрывчатку из средств бытовой химии. Знали, каких пауков можно есть, а каких нельзя, с какой травой нужно сварить ту же крысу, чтобы она стала пригодной к употреблению в пищу. На территории ряда стран мы оборудовали тайники с хранящимся там специальным снаряжением для разведывательно-диверсионной деятельности в «особый период». Есть ли они сейчас? Скажу так: пусть от этого вопроса поболит голова еще кое у кого.

Маскироваться «вымпеловцы» умели очень хорошо. Как-то помню, инспектировавшего нас генерала армии Захарова привезли на место, где наши ребята проводили учения. Он их не обнаружил. Тогда, чтобы продемонстрировать ему, что замаскировавшиеся «вымпеловцы» его видят, мы попросили Захарова сделать какие-нибудь движения, и включили погромче рации. Спрашиваем: «Что сейчас делает генерал?». Они отвечают: «Поправляет фуражку». А в районе подмосковной Черноголовки по «вымпеловцам» и вовсе буквально шли, когда их искали — настолько они слились с природой. Когда ребятам это надоело, они условным сигналом спросили: «Брать можно?». Им ответили: «Можно». Они преследователей мгновенно положили.

Действовал «Вымпел» и на территории СССР. Были учения, но зато какие! В середине 80-х по просьбе руководства мы проверяли боеготовность спецслужб и правоохранительных органов страны. Выбросили на территорию СССР, от Одессы до Ленинграда, 182 человека «диверсантов» со снаряжением; вышли, например, из подводной лодки в районе Севастополя, прошли весь Крым, дошли почти до Киева, и на нас не поступило ни одного сигнала, хотя на ребят всерьез натравили все местные органы: московское управление КГБ, КГБ Украины, белорусский КГБ просили усилить наблюдение за стратегически важными объектами, потому что, мол, ожидаются диверсанты. Никого не поймали. В результате мы спокойно вышли на те объекты, которые были нами намечены для «диверсий». Мы проверяли, скажем, Воронежскую и Белоярскую атомные станции, незамет-

но изучили их строение, добрались до реакторов и условно заминировали их, а на Ереванскую АЭС вообще с воздуха сбросили десант. Тогда же большой участок нефтепровода «Дружба» до самой границы «заминировали» аж в 16-ти местах, да еще повесили на одну из дежурных будок табличку «мины». Или проникли в райотдел КГБ в Дубне.

Судьба «Вымпела» трагична — он стал заложником политических разборок среди руководства новой демократической России... Ельцин не простил «Вымпелу» отказ штурмовать Белый дом в 1993 году, хотя в 1991 году «Вымпел» в аналогичной ситуации так же не стал брать штурмом здание Верховного Совета, где тогда укрывался тот же Ельцин. 23 декабря 1993 года Ельцин подписал указ о переподчинении «Вымпела» МВД. 112 человек сразу подали рапорты об отставке. 150 человек ушли в контрразведку, в разведку, в МЧС. Часть бывших сотрудников создали частные охранные предприятия или свой бизнес; насколько мне известно, никто из них не запятнал себя службой криминальным авторитетам, которые за колоссальную плату предлагали советническую работу. В МВД тогда остались только 50 человек. Насколько я помню, это ребята, которые пришли в «Вымпел» на его позднем этапе, в конце 80-х, когда в стране стало развиваться кооперативное движение. Поэтому, что касается настоящих «вымпеловцев», которые создавали это подразделение, я уверен, что если бы в стране не изменилась обстановка, они бы у меня до сих пор продолжали повышать свои боевые качества

Изучая документальные материалы, которые мы докладывали Андропову, он всегда обращал внимание на те из них, где отражалось использование противником «агентуры влияния».

В 1992 году в газете «Правда» была опубликована статья Крючкова «Посол беды», которая послужила причиной вызова меня к следователю по особым делам Лысейко в Прокуратуру РФ по делу Яковлева, в отношении которого автор статьи высказал подозрение в принадлежности его к «агентуре влияния» США... Естественно, что вызов к следователю, да еще по такому поводу, пробудил в памяти целый ряд ассоциаций. Мне хотелось восстановить в памяти знания о том, на какие качества людей ори-

ентируются разведки в приобретении агентов в других странах, какие люди сравнительно легко идут на сотрудничество с ними. В своих размышлениях я обратился к высказываниям средневековых китайских мыслителей, что объяснялось, видимо, тем, что во время работы в КНР мне довелось обстоятельно изучить их взгляды по этому вопросу.

Вот что писал о разведке Сунь-цзы: «Знание наперед нельзя получить, и путем умозаключений по сходству нельзя получить его, и путем всяких вычислений. Знание о положении противника можно получить только от людей». Эти знания дают только шпионы: местные, внутренние. Каждый из них важен, ибо победить противника, облегчить победу может полное знание противника. Так кто же он тогда, «агент влияния»? Сунь-цзы поясняет, что это скорее «шпионы смерти», ибо за выполнение такого поручения он неминуемо должен быть убит. Нет, скорее, это «шпион внутренний» или «местный», а может быть «шпион жизни», скорее всего это тот тип агента, которого породил наш тревожный двадцатый век. Нет-нет. Такие бывали и в прошлые века. Об этом интересно прочитать у Сунь-цзы и его современника Сорая, японского комментатора XVII века.

О вербовке местных шпионов Сорай пишет так: «Когда местные жители не получают от правительства чинов и жалованья, чувство долга у них очень слабое. Если обласкают их своими милостями, они, привлеченные этими милостями, расскажут о слабых и сильных местах противника. Низменных можно прельстить деньгами и драгоценностями; другим можно внушить, что они и есть те самые правители, которые в случае, если они будут у власти, будут полезны для народа; третьих можно заставить говорить, припугнув их своей силой. Это значит пользоваться жадностью и отсутствием чувства долга... Среди местных жителей могут найтись и благородные, которые потерпели неудачи и скрываются. Такие люди стремятся проявить свои таланты, получать чины и жалованье. У таких людей можно пользоваться их честолюбием». Таким образом, жадность, отсутствие гражданского долга, эгоизм и честолюбие — вот почва, на которой вербуются шпионы из населения противника.

О том, из кого вербуются «внутренние шпионы», исчерпывающий ответ дает Ду Му: «Среди чиновников противника есть люди умные, но потерявшие должность; есть люди провинившиеся в чем-либо и подвергшиеся за это наказаниям; есть любимцы, жадные до богатства; есть люди, поставленные на низшие должности; есть люди, не выполнившие возложенных на них поручений; есть люди, стремящиеся приобрести более широкое поле для приложения своих способностей, пользуясь несчастьем других; есть люди, склонные к хитрости и обману, двоедушные. С такими людьми надлежит тайно вступить в шпионские сношения, щедро одарить их, привязать к себе...».

Последнюю категорию шпионов Сунь-цзы назвал «шпионами жизни». По его определению – это те, кто «возвращается с донесением». Короче говоря, это шпионы, засланные в чужую страну для собирания нужных сведений. Поскольку весь смысл их работы заключается в том, чтобы эти сведения доставить, они обязаны всячески стараться сохранить свою деятельность в тайне и вернуться живыми. Отсюда и их название. Естественно, для такой работы необходим особый подбор людей.

Ду Му говорит: «В шпионы жизни надлежит выбирать людей внутренне просвещенных и умных, но внешне глупых; по наружности – низменных, сердцем же – отважных; надлежит выбирать людей, умеющих хорошо ходить, здоровых, выносливых, храбрых, сведущих в простых искусствах, умеющих переносить голод и холод, оскорбления и позор». Ду Ю указывает на другие качества этих людей: «Выбирают таких, кто обладает мудростью, талантами, умом и способностями, кто в состоянии сам проникнуть в самое важное и существенное у противника, кто может понять его поведение, уразуметь, к чему ведут его поступки и расчеты, уяснить себе его сильные стороны и, вернувшись, донести об этом мне». Мэй Яо-чэнь говорит, что нужно посылать умных и красноречивых. Сорай добавляет еще один разряд: людей, состоящих в дружеских отношениях с влиятельными и могущественными лицами у противника, те, кто находится «на высоких постах и в высших рангах».

Сорай говорит то, о чем не упоминают его китайские коллеги более ранних времен: он говорит, как нужно засылать таких агентов. Их следует засылать под видом «шаманов, бродячих отшельников, монахов, горожан (то есть торговцев и ремесленников), врачей, гейш. Можно посылать их и под видом послов»*.

Ну, а что об этом говорят американцы?

Бывший директор ЦРУ адмирал Тернер в своих мемуарах признает важность и необходимость акций влияния, тайных операций. «Это термин, объясняющий наши усилия повлиять на ход событий в иностранных государствах без демонстрации нашей роли (причастности)». Он пишет, что, хотя это и не имело прямого отношения к разведывательной деятельности – сбору и обработке информации об обстановке в других странах, однако осуществление тайных операций путем пропаганды через независимые и зарубежные источники информации, проведение политических акций и даже поддержки боевыми действиями полувоенных организаций всегда поручались ЦРУ. Как отмечает Тернер, если в сентябре 1947 года при создании ЦРУ эта задача не обсуждалась в Конгрессе, то уже в декабре того же 1947 года Совет национальной безопасности США специально поручил ЦРУ проведение тайных «психологических операций». Об этом поручении упоминал американский разведчик Гарри Розитски в январе 1975 года в статье «Американские секретные операции: перспектива» (Форен Аффэрс). В конце 1947 года Совет национальной безопасности США возложил на ЦРУ ответственность за проведение «политических, психологических, экономических и проводимых специфическими средствами борьбы операций». «Простой рационализм “холодной войны” – писал Розитски, – требовал помочь остановить русских, и в этой наступательной миссии Белый Дом отдал ЦРУ свою собственную новую “секретную руку” политической борьбы».

К 1953 году тайные операции пропагандистского, политического и военного характера проводились ЦРУ в 48 странах, то есть более чем в половине стран-членов ООН в то время. Это пишет не прокоммунистический или советский журналист,

* Н. Конрад «Трактат о военном искусстве».

а бывший директор ЦРУ, который подтверждает, что в целях борьбы с СССР администрация США широко использовала для проведения тайных операций различного характера американские профсоюзы, студенческие ассоциации, частные фонды, которые привлекали к участию в акциях влияния своих партнеров за рубежом. Правда, признает он в своей книге «ЦРУ на перепутье», при огласке такие акции доставляют массу неудобств. При этом Тернер приводит огромный перечень акций влияния, осуществленных американской администрацией с участием ЦРУ за последние 40 лет. Известно, что в этих акциях участвовали и дипломаты, и спецслужбы, и войска специального назначения.

А вслед за Тернером в книге «Секретные войны ЦРУ в 1981—1987 гг.» американский журналист Боб Вудворд, получивший доступ к секретной информации, также подчеркивает важность акций влияния на изменение соотношения сил в мире. Вот бы ее перевели для российского читателя. Интересно, чего только не было наворочено за эти годы. Рекомендую прочитать, если будет такая возможность.

При внимательном прочтении нельзя упустить из виду, что прочность любого государства обеспечивается совокупным использованием всего арсенала доступных средств политического и дипломатического искусства. В США и других странах об этом не забывают. Специфическими средствами борьбы являются агенты влияния. «Агентура влияния», как правило, не вербует-ся, она приобретает-ся, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, услужливо. По американским взглядам, акции влияния и агентура для них должны осуществляться более конспиративно. Конечная цель должна быть скрыта. Еще более конспиративную форму должно иметь финансирование таких акций: различные международные конференции, общества дружбы с Америкой, но ни в коем разе не допускать грубого прямого подкупа политика иностранной державы для действий в интересах США. Только после длительного и кропотливого труда появлялась возможность считать такого политика или государственного деятеля «агентом влияния», а последний и не до-

гадывался, что считается «оберегаемым» или «особо оберегаемым источником».

Вели ли американские ведомства такую работу в отношении СССР, ведут ли ее в отношении России? Знаю, что да, ибо бывший государственный секретарь США У.Кристофер и другие сегодня считают, что «необходимость в американском лидерстве на мировой арене сегодня сильнее, чем когда бы то ни было». За этими словами, к сожалению, проглядываются конкретные шаги, направленные на «укрепление и развертывание подразделений, занятых психологическими операциями и гражданскими делами по оказанию помощи дружественным странам, а также поддержки иностранным государствам».

Я перебирал в памяти все, что знаю по этому вопросу, что видел сам, читал в документах, что слышал от других.

Я ушел тогда от следователя часа через полтора. Мы хорошо понимали друг друга. А по пути домой я вспомнил мудрого стоика Сенеку. «Есть в беседе некая сладость, вкрадчивая и соблазнительная, и она-то не иначе, чем любовь или опьянение, заставляет выдавать тайны. А кто услышит, тот не промолчит, кто не промолчит, тот скажет больше, чем слышал, да и о говорившем не умолчит. У всякого есть человек, которому доверяет столько, сколько ему самому доверено. Пусть первый даже не даст воли своей болтливости, пусть довольствуется одним слушателем, — их получится целый город, и то, что недавно было тайной, делается общим толком» (Письмо к Луцилию).

Имеет ли право человек придерживаться другого образа мыслей, взглядов. Отвечу: имеет такое право, даже может излагать их открыто, если смел и решителен, но если он, честный и интеллигентный человек, видит, что им воспользовались для нанесения ущерба его государству и народу, то он оставит государственную службу и политическую деятельность и принесет покаяние. К сожалению, в сегодняшней жизни у нас в России многие об этом забывают.

Вскоре после прихода в здание на Лубянке Юрий Владимирович был посвящен во множество сверхсекретных документов, большинство из которых сохраняют такой гриф и поныне. Для

того, чтобы лучше представить себе, какой была его собственная программа деятельности, какими ориентирами он руководствовался, перестраивая деятельность спецслужб в целях лучшего соответствия вызовам эпохи и внешнего мира, напомним один из них, недавно рассекреченный:

«В разведке никогда не строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом. Иначе будут провалы, и тяжелые провалы. Идти в лоб — это близорукая тактика.

Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств — это будет ненадежный агент.

Полностью изжить трафарет из разведки. Все время менять тактику, методы. Все время приспосабливаться к мировой обстановке. Использовать мировую обстановку. Вести атаку маневренную, разумную. Использовать то, что бог нам предоставляет.

Самое главное, чтобы в разведке научились признавать свои ошибки. Человек сначала признает свои провалы и ошибки, а уже потом исправляется.

Брать там, где слабо, где плохо охраняется.

Исправлять разведку надо прежде всего с изживания лобовой атаки.

Главный наш враг — Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку. Нелегальные резидентуры надо создать прежде всего в приграничных государствах. Первая база, где нужно иметь своих людей — Западная Германия.

Нельзя быть наивным в политике, но особенно нельзя быть наивным в разведке. Агенту нельзя давать такие поручения, к которым он не подготовлен, которые его дезорганизуют морально. В разведке иметь агентов с большим культурным кругозором — профессоров (во времена подполья послали человека во Францию, чтобы разобраться с положением дел в меньшевистских организациях, и он один сделал больше, чем десяток других).

Разведка — святое, идеальное для нас дело.

Надо приобретать авторитет. В разведке должно быть несколько сот человек — друзей (это больше, чем агенты), готовых выполнить любое наше задание. Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

Агентов иметь не замухрышек, а друзей — высший класс разведки. Филерская служба, по-моему, должна быть разбита по различным управлениям.

*И.В. Сталин, декабрь 1952 г.».**

«Да-а, ничего не скажешь, соображения толковые!» — восхищенно сказал Андропов.

В своей личной практике руководства спецслужбами Андропов, в дополнение к сталинским тезисам, на деле опирался на памятку Дзержинского, которую и по сей день можно увидеть на стенах кабинетов разведки.

Начинай с себя, с требований к себе, с культуры собственной работы. Будь компетентен, принципиален, способен правдиво и честно объяснить свои неудачи, а также до конца отстаивать свои предложения. Не допускай всезнайства. Оно чуждо, как комчванство. Умей учиться у подчиненных. Учись и ищи. В рамках своих прав и обязанностей решай, делай и отвечай, не трать ни одной лишней минуты, не допускай лишних инстанций. Имей свою схему калькуляции и оценки собственной неорганизованности на рабочем участке, бесхозяйственности, расточительности и т.д. для того, чтобы по этой схеме давать анализ критики, а не восхваления. Не допускай бахвальства при оценке результатов своей работы, критически относись к положению на своем участке.

Производными от таких «китов» стали личные андроповские правила: полное доверие резидентам, личная ответственность каждого за порученный участок, строгий спрос за ошибки, щедрое вознаграждение каждой серьезной удаче (сотни развед-

* Эти замечания Сталин высказал на заседании Комиссии по реорганизации разведывательной и контрразведывательной деятельности, при обсуждении проекта постановления ЦК КПСС «О главном разведывательном управлении МГБ СССР».

чиков получили за годы работы под руководством Андропова ордена, 28 человек стали Героями Советского Союза).

Очевидцы и сослуживцы единодушно признают, что за время деятельности Андропова в качестве председателя КГБ значительно вырос уровень профессионализма и подготовки разведчиков и контрразведчиков. В рядах чекистов практически не было коррупции, злоупотреблений властью, финансовых нарушений. Именно это публично признал академик А.Сахаров, которого трудно заподозрить в личных симпатиях к КГБ, – и он был объективен.

Перед уходом из КГБ опять на Старую площадь, на свой последний государственный политический пост Юрий Владимирович встретился с руководством нелегальной разведки. Он был уже тяжело болен, но считал своим долгом проститься с нами. Обладая гигантскими знаниями об обстановке в мире и стране, он обобщил их в скупых, но емких словах, поставил задачи, выполнение которых и на сегодня подтверждает его выводы.

Андропов попросил радовать от его имени всем действующим разведчикам-нелегалам благодарность за работу. Наши радисты и шифровальщики почти месяц передавали его последнюю шифровку и получали ответы, которые сразу же уходили к нему на Старую площадь.

Он ушел из жизни непозволительно рано.

Нередко меня спрашивают: чем я занимаюсь сегодня? Всегда отвечаю: Миром!

У меня же полем моей профессиональной деятельности всегда был весь мир. В моей памяти, кроме тех стран, о которых я вам рассказал, и Огненная Земля, и Чили, и Новая Зеландия и много-много других; в памяти люди, связанные с этими странами. Но вот какую парадоксальную вещь я хочу вам сказать... С точки зрения понимания целого ряда тонкостей в политических хитросплетениях мировой политики раньше, как ни странно, я был беднее, чем сейчас, потому что аналитикой занимался только по узким проблемам, касающимся меня непосредственно как руководителя данного направления. Поэтому рискну сказать, что работа в аналитическом центре, который

я создал сразу после отставки в 1991 году, памятуя о 16-ой главе американского наставления разведчикам «Использование открытых источников информации», с точки зрения понимания обстановки в мире дала мне не меньше, чем управление советской нелегальной разведкой.

*Герой Советского Союза Г.Н.Зайцев,
Командир Группы «А» в 1977–1988 и 1992–1995 годах*
Создатель группы «Альфа»

Из тех людей, с которыми меня свела судьба, одно из наиболее ярких и запоминающихся впечатлений у меня оставил пятый по счету руководитель нашей страны – Юрий Владимирович Андропов. С его именем связана целая эпоха в истории Комитета государственной безопасности и краткий период надежд после его избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Как начальник Группы «А» Седьмого управления КГБ СССР, возглавлявший это легендарное подразделение и в «андроповский период», я хотел бы начать с констатации исключительной роли этого незаурядного руководителя и политика, ставшего инициатором создания спецназа антитеррора.

Со школьной скамьи нам широко известно замечательное полотно художника Константина Айвазовского «Девятый вал». Задача настоящего руководителя состоит в том, чтобы до того момента, когда такой вал обрушится на нас – в данном случае вал организованного насилия, – предугадать, почувствовать его зарождение и принять соответствующие меры для его предотвращения. В полной мере это относится и к терроризму, являющемуся визитной карточкой нашего бурного и беспокойного времени. Впрочем, когда оно было «спокойным»?..

Сегодня мы хорошо понимаем, что терроризм – это болезнь, для лечения которой требуются особый «доктор» и особые «лекарства». Как свидетельствует мировой опыт, все попытки бороться с ним только силами полиции или элитных армейских подразделений, заканчивались жертвами среди заложников и мирных жителей. Оставим в стороне такой вопрос, как борьба с терроризмом на стадии его вызревания – это дело спецслужб и правоохранительных органов, но не спецназа. Но когда захват заложников состоялся, стал фактом и сюжетом информационных программ, вот тогда за работу берутся профессионалы, специально «заточенные» под решение такого рода задач.

Но это теперь, а в начале 70-х, глядя на Запад с нашей советской «колокольни», зарубежный левый и арабский терроризм во всех его проявлениях воспринимался скорее как еще одно зримое появление общего кризиса буржуазного общества. Откуда в СССР может взяться подобное? Ведь у нас, в стране развитого социализма, для таких вещей вроде бы нет ни социальных, ни этнических, ни каких-то иных предпосылок.

И в этом плане, как я уже отметил, огромная личная заслуга принадлежит Юрию Владимировичу Андропову. Из благополучных 70-х он сумел предвосхитить развитие ситуации. Приказом № 0089/ОВ (ОВ — «Особая важность») от 29 июля 1974 года была создана Группа «А», и эта дата является официальным днем рождения нашего спецподразделения, которое мне дважды довелось возглавлять на протяжении тринадцати с лишним лет.

Часто задают вопрос: а почему именно «А»? Ответ лежит на поверхности — от слова «антитеррор». Однако негласно в Комитете наше подразделение называли «Группа Андропова». Думаю, в таком толковании тоже есть своей резон.

Рожденная первоначально для борьбы с угонщиками самолетов и освобождения заложников, «Альфа», как ее окрестили потом журналисты, постепенно преобразовалась в мощную структуру по борьбе с терроризмом во всех его проявлениях. Ее появление было своевременным и адекватным ответом на вызов времени. К моменту, когда Советский Союз накрыла волна терроризма и на территории страны запылали «горячие» точки, Группа «А» уже имела реальный боевой опыт и была подготовлена для работы в экстремальных условиях.

Очень сильное впечатление на всех, кто занимался вопросами государственной и общественной безопасности, произвели кровавые события, которые разыгрались в Мюнхене во время проведения Олимпиады 1972 года. После них специальная служба ВВС Великобритании SAS, созданная в годы Второй мировой войны, оказала содействие Федеральной службе пограничной охраны ФРГ при организации группы по борьбе с терроризмом GSG-9.

Естественно, что в КГБ очень внимательно отнеслись к этой трагедии. По каналам разведки было собрано максимум информации. А через восемь месяцев ЧП произошло уже в Советском Союзе, правда без жертв. 3 июля 1973 года четверо вооруженных преступников захватили самолет Як-40, следовавший по маршруту Москва-Брянск, и потребовали вылета за рубеж. Экипажу удалось убедить террористов посадить лайнер в Москве.

Вскоре к самолету подъехали заправщик и две машины «скорой помощи». Было неясно, сколько бандитов захватило самолет и чем они вооружены. Об этом могли рассказать раненые, которых все ждали с большим нетерпением. От них сотрудники КГБ узнали, что на борту Як-40 четверо молодых людей, вооруженных охотничьими ружьями и обрезам. Ведут они себя дерзко и решительно. А вот взрывного устройства, которым они пугали, раненые у бандитов не заметили. Это были очень важные сведения. Стало ясно: террористы вооружены слабо, надо принимать неотложные меры на месте.

«Юрий Владимирович, за границей над нами смеяться будут, если мы выпустим бандитов с охотничьими ружьями», — высказал свое мнение начальник УКГБ по Москве и Московской области В.И.Алидин.

Андропов согласился с доводами и дал указание провести операцию по захвату банды и освобождению пассажиров, возложив на Виктора Ивановича ответственность за действия штурмовой группы.

Операция «версталась» на ходу и была чистой импровизацией. Во многом на благоприятный исход штурма повлияло счастливое стечение обстоятельств. Так что создание отряда спецназа, нацеленного на борьбу с терроризмом, было крайне необходимым.

По прошествии нескольких дней после стрельбы в аэропорту «Внуково», начальника Седьмого управления КГБ генерал-майора Михаила Милютина вызвал заместитель председателя Комитета С.К.Цвигун, который поставил задачу: «Юрий Владимирович приказал создать боевую группу для противодействия угонщикам самолетов» (особо было оговорено, что подчиняться она будет непосредственно Андропову).

В сжатые сроки предстояло подготовить Положение о Группе «А» – базовый документ, который определил статус подразделения, его цели, задачи и принципы функционирования. Ответственным за его подготовку был назначен генерал Милютин. Непосредственной разработкой положения занимались офицеры «семерки»: полковник Николай Григорьевич Демин, полковник Михаил Алексеевич Варников и майор Роберт Петрович Ивон.

Документом предусматривалось, что главной задачей группы является локализация и пресечение актов террора и иных особо опасных преступных посягательств, направленных на захват воздушных судов, либо заложников в пределах Советского Союза, а также освобождение захваченных на территории зарубежных стран советских граждан, учреждений и принадлежащих им транспортных средств.

К концу июля 1974-го положение было готово и вынесено на рассмотрение комиссии в составе трех заместителей Андропова – С.К.Цвигуна, В.М.Чебрикова и Г.К.Цинева. Докладывал генерал Милютин. Все предложения рабочей группы были приняты, и 29 июня 1974 года Андропов подписал приказ о создании группы. Он же решал вопрос о руководителе подразделения, предупредив: «Командира я вам подберу сам».

Еще свежи были в памяти кровопролитные бои за остров Даманский. Тогда советским пограничникам пришлось принять на себя удар китайских войск и сдерживать агрессоров до прихода основных сил. В ходе ожесточенных столкновений отличился начальник погранзаставы лейтенант Виталий Бубенин. За мужество и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Формирование группы осуществлялось исключительно на добровольной основе. Попасть в «Альфу» могли только офицеры, прослужившие в КГБ не менее двух лет, способные выдерживать высокие физические и психологические нагрузки. Критерии отбора – самые жесткие. Учитывались спортивные достижения кандидатов.

Работа в группе – вовсе не приключения, не трюкачество в стиле «агента 007», а кропотливый труд, требующий знания,

упорства — до стертых в кровь ног и закушенных от боли губ, — и простой человеческой порядочности, без которой невозможно долго продержаться в таком боевом коллективе. Хочу отметить, что никаких особых условий, увеличения денежной ставки не полагалось. Единственное, что позволили — считать год службы в подразделении за полтора.

Первоначально Группа «А» насчитывала тридцать человек. Начальник, его заместитель и четыре смены по семь человек. Место «прописки» — 5-й отдел Седьмого управления КГБ СССР. Первый набор состоял из сотрудников «семерки».

В 1977 году было принято решение довести численность группы до 56 человек и поднять статус Группы «А» до оперативного отдела. В дальнейшем количество бойцов возрастало и с учетом региональных филиалов, созданных в Киеве, Минске, Алма-Ате, Краснодаре, Свердловске и Хабаровске, составило к лету 1991 года более пятисот человек.

...На календаре был ноябрь месяц, когда меня вызвал к себе начальник Седьмого управления генерал Алексей Бесчастнов и сообщил, что речь идет о моем назначении командиром Группы «А». Я отказался от этого предложения. Но спустя неделю, когда был повторно вызван на беседу, дал согласие, ибо понимал: третий раз предлагать не будут. Ответил:

— Хорошо, если надо, то я возглавлю этот коллектив.

На что Алексей Дмитриевич сказал:

— Надо, иначе я бы тебя и не спрашивал. Ты военный человек. Издали бы приказ — и вопрос решен, иди выполняй. Я тебя спрашиваю о другом: Берешься ты за это дело или нет? Больше мне ничего от тебя не требуется.

Так состоялось мое назначение командиром Группы «А». Естественно, что предварительно вопрос был решен на уровне председателя КГБ — именно Юрий Владимирович остановил выбор на моей кандидатуре, за что я ему очень благодарен.

Мое знакомство с Ю.В.Андроповым состоялось за десять лет до этого. Где-то в середине сентября 1967 года генерал Алидин, который тогда возглавлял «семерку», внес на Коллегию КГБ предложение о предоставлении Андропову, который в описывае-

мый период являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и в мае того же года был назначен Председателем Комитета государственной безопасности, личной охраны силами «семерки». Детали этого предложения мне неизвестны. Думаю, Юрий Владимирович, как человек по-настоящему скромный, воспринял такое решение без особого восторга и энтузиазма, но – подчинился. Сейчас такое трудно представить: один из руководителей страны не имел личной охраны.

Для работы с Председателем КГБ специально отобрали сотрудников «семерки», подходивших для такого рода службы. Мне было доверено возглавить эту группу чекистов. В.И.Алидин лично проводил инструктаж. И он же представлял меня Владимиру Александровичу Крючкову, начальнику Секретариата Андропова – будущему начальнику разведки и Председателю КГБ СССР.

С главой Комитета мы работали месяца полтора-два. Затем, оценив ситуацию, руководство Девятого управления заявило, что оно готово обеспечить «более качественную» охрану Ю.В.Андропова, что и было в скором времени осуществлено. Так наша группа закончила свою работу. Несмотря на краткость общения, я горд тем, что по воле судьбы какое-то время находился рядом с этим замечательным руководителем и человеком.

Личность Андропова произвела на меня большое впечатление. Мы брали его под охрану на даче, где он жил практически круглый год. Минут двадцать он совершал пешую прогулку по территории. Была осень, листья ложились под ноги... Затем Юрий Владимирович подходил к нам, общался с водителями. Здоровался, как правило, за руку. Интересовался, как дела и каждый раз заканчивал короткий разговор словами: «Ну что – поедем потихоньку?», – после чего мы направлялись в Москву.

Не доезжая до здания КГБ, Юрий Владимирович неизменно отпускал охрану. Почему?.. Видимо, ему было как-то неловко перед коллегами.

Конечно, организация охраны являлась мерой чисто превентивной, поскольку никаких прямых угроз не было. Но на всякий

случай такое решение было все-таки принято. Думаю, это было правильное решение.

Как командир Группы «А», могу засвидетельствовать, что Андропов уделял большое внимание своему детищу — Группе «А». Все, что было необходимо для становления спецподразделения, было сделано: начиная с помещения и заканчивая вооружением и специальными средствами. И мы, выполняя поставленные перед нами задачи, ни разу не подвели своих руководителей, свидетельство тому — список одних только знаковых операций.

После штурма дворца Амина Юрий Владимирович сделал все от него зависящее, чтобы вернуть наших сотрудников, получивших ранения, в строй, сохранить их для Комитета. И в этом проявлялось его бережное отношение к кадрам.

После избрания Ю.В.Андропова руководителем партии и государства, я, как и остальные мои товарищи и коллеги по Комитету, связывал с ним большие надежды, зная его волю, нацеленность на успех, богатый потенциал и широкий кругозор.

Так было определено судьбой, что довелось ему быть у руля власти всего год и несколько месяцев, но и этого времени хватило, чтобы оставить о себе в народе по большому счету добрую память. Да, наводилась дисциплина. Одновременно в стране под эгидой КГБ началась борьба против южных мафиозных кланов и экономических преступлений, что было воспринято в народе самым позитивным образом.

30 октября 1982 года был арестован директор знаменитого «Елисейевского» магазина Юрий Соколов, причем арестован за полторы недели до смерти Л.И.Брежнева. В столице методично «прошерстили» торговую верхушку. Во время однодневной отлучки из Москвы члена Политбюро ЦК, первого секретаря МГК КПСС В.В.Гришина «взяли» начальника Главного управления торговли Мосгорисполкома Н.П.Трегубова. Через три недели после ареста Соколова министр внутренних дел СССР Н.А.Щелоков был снят со своего поста и отправлен на пенсию. В июне 1983 года его вместе с бывшим первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС Сергеем Медуновым вывели из состава ЦК «за ошибки в работе».

Очень скоро Юрий Владимирович понял, что одними запретительными мерами ситуацию в стране выправить не удастся. В своей знаменитой статье на страницах журнала «Коммунист» по случаю 100-летия со дня рождения Карла Маркса он писал: «Нам надо разобраться, в какой стране мы живем». Для ортодоксов это было как удар грома в безоблачном небе. Ведь в Советском Союзе совершенствуется «развитой социализм»! И вдруг — «изучить», «разобраться». От бывшего председателя КГБ можно было ожидать чего угодно, но только не такого «крамольного» по тем временам заявления.

Неслучайным было и заявление Ю.В.Андропова во Дворце Съездов: «Нам надо очень серьезно проанализировать ситуацию в СССР и понять, как мы можем из нее выйти». По свидетельству Аркадия Ивановича Вольского, «услышав это, пять тысяч слушателей встали и десять минут аплодировали».

Только уже во время перестройки стало известно, что Андропов, мучительно переживая сложившуюся ситуацию, искал выход на пути ограниченных рыночных реформ. Естественно, с приоритетом государственной собственности и при сохранении «командных высот». По указанию Генерального секретаря ЦК КПСС была собрана группа экономистов во главе с академиком Станиславом Сергеевичем Шаталиным. Им надлежало изучить возможность внедрения рыночных элементов в советскую экономику, опираясь на соответствующий опыт стран социализма — Венгрии, ГДР, Польши и Югославии. Перед глазами была и широкая практика экономических преобразований в «красном Китае», начатых Дэн Сяопином в 1979 году. И хотя отношения с КНР оставались более чем натянутыми, это не мешало изучать ход китайских реформ, взвешивая все «за» и «против».

По этому поводу выдающийся политолог, профессор Калифорнийского университета в Беркли Кен Джавитт Робсон пишет: «Если бы Андропов не умер так скоро, то мы и сегодня жили бы еще при Советском Союзе. Конечно, он не распустил бы КПСС, а круто начал бы реформы, посадив за решетку коррупционеров и приведя к власти молодых технократов. Приме-

чательно, что бывший пекинский генсек Цзян Цзэминь неоднократно высказывался в том смысле, что Китай пошел именно по андроповскому плану и благодаря этому избежал экономической и социальной катастрофы».

«Как и Горбачев, Андропов был убежден, что стране необходима перестройка, — свидетельствует А.И.Вольский. — Но между ними было одно ключевое различие. В 1917 году между двумя революциями проходил съезд Союза промышленников. Там выступал один из братьев Рябушинских: “Господа социалисты и социал-демократы! Не разрушайте здание, в котором мы живем! Постройте рядом новое, а в старом мы хотя бы укроемся от дождя, если он пойдет”. Вот это была и андроповская мысль, которую совершенно не разделял Горбачев. Как друзья с 50-летним стажем, мы часто встречаемся с ушедшим с поста генсека ЦК компартии Китая Цзян Цзэмином. Он всегда ссылается на то, что Китай пошел именно по андроповскому пути и благодаря этому избежал распада».

Предложения группы Шаталина были сформулированы и отправлены «наверх», но к этому времени Ю.В.Андропов скончался, а его место занял К.У.Черненко. Документы были положены под сукно на неопределенное время...

Из секретной поездки в Афганистан в 1980 году Юрий Владимирович «привез» тяжелую болезнь. Ее условно назвали «азиатским гриппом», — она нанесла серьезный удар по всем внутренним органам, особенно по больным почкам. Даже после выписки из больницы у Андропова случались обмороки и неожиданные временные обострения, лишавшие его прежней работоспособности.

Насколько можно судить (имеющиеся отрывочные сведения не дают целостной картины), Юрий Владимирович задумывал «взбодрить» государственный социализм элементами рынка — в сфере бытовой кооперации, торговли и сферы обслуживания. Последующее смягчение политического режима должно было напрямую зависеть от успеха экономических преобразований. В этом-то и заключается принципиальное отличие плана Ю.В.Андропова от деятельности М.С.Горбачева, названной впо-

следствии «катастройкой» за ее разрушительные катастрофические последствия.

По моему глубокому убеждению, проживи Юрий Владимирович еще лет пять, — мы бы смогли сохранить Советский Союз, проведя его модернизацию. Однако этих лет ему и всем нам не было дано. Болезнь взяла свое...

Вообще так получилось, что за короткий срок страна лишилась нескольких руководителей, которые могли бы не просто возглавить страну, но не допустить ее развала. Один из них — кандидат в члены Политбюро ЦК, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров — один из организаторов партизанского движения в Белоруссии, человек огромного авторитета и личного обаяния. Как известно, он погиб в нелепой автомобильной катастрофе осенью 1980 года.

Другой тяжеловес, как сейчас принято говорить, — член Политбюро ЦК Федор Давыдович Кулаков, являвшийся до переезда в Москву первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Он скоропостижно скончался в июле 1978 года от остановки сердца.

Не стало и Алексея Николаевича Косыгина — этого, по моему мнению, наиболее выдающегося главы правительства XX столетия. Восьмая пятилетка (1966—1970 гг.), прошедшая под знаком экономических реформ Косыгина, стала самой успешной в советской истории и получила название «золотой».

«Сталинский нарком» А.Н.Косыгин занимал пост главы правительства дольше всех премьеров во всей истории Российской Империи, Советского Союза и России — шестнадцать лет. Однако годы брали свое, да и отношение брежневского окружения к «рыночнику Косыгину» было прохладно-настороженное. В 1980 году он был отправлен в отставку и вскоре умер.

Вообще, какой-то рок довлел над Советским Союзом в последний период его существования...

Завершая свои воспоминания о Ю.В.Андропове, позволю себе еще один штрих. Жил он в скромной для такого лица квартире, в которой одна из комнат была отдана охране, а вообще много времени провел в деревянной двухэтажной даче на Москве-реке.

Все подарки Юрий Владимирович пунктуально сдавал государству. Категорически отказывался от присвоения ему воинских званий. Когда же, по прямому указанию Брежнева, ему присвоили генерала армии, то всю генеральскую долю зарплаты он перечислял в один из детских домов, сохраняя это в тайне от коллег по Политбюро.

В. В. Шаранов

Андропов: совершенствование социализма необходимо и возможно

Хорошо известно, что об авторитете политиков можно судить по тому, как ценятся их дела, как часто люди мысленно возвращаются к ним, к осознанию тех целей, которые он ставил перед страной. С этой точки зрения одним из самых авторитетных и влиятельных политиков последнего времени был и остается Юрий Владимирович Андропов.

Жизнь отвела Андропову на посту руководителя Советского Союза всего пятнадцать месяцев. Но и за такое, малое по многим меркам, время, он сумел оставить глубокий след в истории нашей Родины. Он сделал главное дело своей жизни — дал шанс социализму на обновление.

О четвертом генсеке пишут, делаются многочасовые передачи на телеканалах, ведутся разговоры среди друзей, на работе и дома. Россияне хотят лучше понять, каким он был человеком, что удалось ему сделать, какие задачи ставил.

Такой интерес к Андропову понятен. Он рождается прежде всего из неудовлетворенности большинства населения низким уровнем жизни. Люди недовольны тем, что проведение реформ, нацеленных на установление капиталистического уклада, привело к расколу общества в социальной области на два полюса — горстку сверхбогатых и десятки миллионов бедных, живущих от зарплаты до зарплаты, по существу на нищенском уровне. Такого огромного разрыва между двумя полюсами нет в развитых странах капитализма. Недовольство вызывает и то, что многие провозглашенные демократические права и свободы на деле не осуществляются. Труженики города и деревни фактически отстранены от участия в решении основных производственных и государственных дел. Где можно увидеть или услышать мнение простых тружеников о сегодняшнем дне и будущем России и ее народа, недовольство растущей дороговизной продовольствия, денежными поборами в школах и больницах, безнаказанностью

чиновников?! Не может удовлетворять людей и утрата нашей страной многих крепких позиций на мировой арене, которые служили обеспечению ее безопасности.

Интерес к Андропову вызывается также и тем, что его деятельность пришла на один из самых ответственных моментов истории Советского Союза. Решался вопрос о том, сумеет ли социализм справиться с возникшими трудностями, сможет ли найти в себе силы для дальнейшего развития, для совершенствования всех сторон жизни советского общества, которые позволили бы дать ответ на вызов времени, связанный с научно-техническим прогрессом и развитием демократии. Как показали шаги, сделанные Андроповым, он искал и находил необходимые и возможные по тому времени пути совершенствования.

Пишут и говорят сейчас об Андропове, разумеется, по-разному. Одни считают, что доведись ему пожить еще, социализм сумел бы пойти по пути дальнейшего прогресса, и страна была бы ныне иной. Другие заявляют, что ни изменить в лучшую сторону, ни придать социализму новые силы, обеспечить уверенное поступательное движение вообще было невозможно. Такие, диаметрально противоположные оценки переносятся и на оценку деятельности Юрия Владимировича. Они во многом определяются различным восприятием истории нашей страны, реальностей нынешнего общества.

Многие, обращаясь к Андропову, отмечают, что тогда набирали обороты промышленность и сельское хозяйство; развивались наука и культура, бесплатное образование и медицинское обслуживание; было набиравшее темпы обеспечение бесплатным, по существу, жильем, росло гарантированное, хотя и скромное, обеспечение по старости; держались стабильные и доступные цены; действовал порядок обязательного отклика властей на обращения людей, жаловавшихся на бюрократизм и несправедливость; существовала уверенность в том, что никто не посмеет давить на нашу страну силой и диктовать условия как нам жить. У людей были вера в справедливость, уверенность в завтрашнем дне.

Сегодня растет понимание того, что за последние два десятилетия в России была осуществлена «дикая приватизация», на-

родилась и растет каста олигархов-миллиардеров, чиновников-коррупционеров, организованная преступность, связанная с теми же чиновниками всех рангов. Приватизация привела к переделу громадной общественной собственности, к сосредоточению основных богатств в частных руках, к снижению жизненного уровня большинства граждан России.

Те, кто видят все это, кто испытывают стыд и боль за такое положение, мысленно возвращаются к Андропову, имя и облик которого не поблекли со временем, не подверглись девальвации. Люди верили и доверяли ему. Ныне они обращаются к нему, чтобы лучше понять, какие возможности предлагал он для сохранения того хорошего, что давал социализм людям, и отказа от всего негативного, что также было тогда реальностью.

А тот, кто выгадал от передела социалистической собственности, кто пугает гражданской войной в случае любой попытки государства вернуть себе хотя бы часть растащенных, с нарушением законов, богатств страны, использовать их для развития экономики, образования, здравоохранения, науки, укрепления обороноспособности, улучшения жизни народа, — тот твердит, что и планов никаких конкретных у Андропова не было, и ничего нового им не предлагалось.

Перечитываю выступления Юрия Владимировича того периода. Вспоминаю непростые заседания Политбюро, Пленумы ЦК, бурные события тех дней. Заглядываю в дневники, в короткие блокнотные записи того, что говорил генсек. Отчетливее становится видно, как быстро и неуклонно развивались у него замыслы по изменению управления хозяйством страны, по наведению элементарного порядка, по развитию демократии, как приходил он к идее совершенствования всех сторон жизни общества на базе социализма.

* * *

Когда Андропов пришел к руководству страной, люди встретили это с огромным облегчением. Они верили, что смена руководства позволит по-новому подойти к проблемам развития экономики и решения наболевших социальных проблем,

удастся ускорить развитие промышленности и сельского хозяйства, повысить уровень благосостояния населения. Ожидали, что расхитители социалистической собственности, чиновники-бюрократы, взяточники, неспособные и не желающие как следует работать кадры любого ранга будут наказаны по закону, сняты со своих постов. Надеялись, что будет создана такая атмосфера, когда голос труженика будет услышан в любой инстанции, будет учтен при решении всех важнейших дел страны.

Андропов откликнулся на эти ожидания. Откликнулся не привычными лозунгами о необходимости что-то там «поднять», «развить», а четким и ясным призывом изучить прежде всего общество, в котором мы тогда жили. Для чего надо было это сделать? Для того, чтобы понять где, на каком этапе мы находимся, четко и откровенно разобраться в том, какие проблемы у нас не решены, что конкретно сдерживает наше продвижение и чтобы, естественно, найти верные пути дальнейшего развития.

В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства СССР», опубликованной в журнале «Коммунист», он, обращаясь к советским людям, сказал: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед — значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом — значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется». Это был не столько вопрос, сколько призыв к тому, чтобы сделать страну такой, какой ее хотел видеть советский народ. А хотелось, чтобы она в полной мере раскрыла созидательные возможности социализма, чтобы люди труда жили достойной жизнью не только в материальной, но и в культурной, нравственной областях.

На июньском Пленуме 1983 года генсек, возвращаясь к вопросу о необходимости ясного представления о характере, особенностях и трудностях этапа, на котором находился Советский Союз, сказал, что построенное в стране общество не следует считать совершенным. «В нем, — отмечал он, — еще много объективно обусловленных трудностей, естественных для ны-

нешнего уровня развития. Немало есть и недостатков, вызванных субъективными причинами, не всегда умелой и организованной работой людей».

Вывод Андропова о необходимости изучить общество, в котором жил советский народ, стал отправной точкой процесса совершенствования всех сторон жизни Советского Союза. Этот вывод не утратил своей актуальности и ныне. Народу нынешней России, чтобы двинуть вперед производство, достигнуть достойного уровня жизни, укрепить позиции нашей страны на мировой арене, давно пора разобраться, в какой стране мы сейчас живем.

Да, мы по-прежнему живем в стране, раскинувшейся на просторах двух частей света — Европы и Азии. Живем в тех же, по названию, городах и селах; только видим и перемены в них — вызывающе шикарные кварталы элитных домов, загородных вилл и коттеджных поселков, возведенных по «евростандарту», да обшарпанные «хрущевки», которые власти новой России не раз публично хаяли, а ныне стыдливо помалкивают об их сверхнормативном существовании, о бесплатных квартирах в новых домах для простых людей. А уж если человек труда проходит по очереди на получение нового жилья, занятой еще два десятилетия назад, то его вынуждают платить немалые для таких людей суммы по ипотечному кредиту. В деревнях бросаются в глаза развалившиеся коровники и свинофермы. Не видны там и большие стада коров, овец, что паслись тогда на привольных лугах и пастбищах. Так и просятся слова Владимира Маяковского из поэмы «Хорошо»: «Вьется улица — змея, дома вдоль змеи. Улица — моя, дома — мои». Перефразируя эти оптимистические слова, применительно к сегодняшней действительности, можно с унынием признать, что улица — не моя, что дома — не мои.

В Советском Союзе люди жили верой в лучшее будущее, стремились принять активное участие в приближении этого будущего. «Радуюсь я, — писал в той же поэме Владимир Маяковский, — это мой труд вливается в труд моей республики». Животворное чувство сопричастности к делам Советского Союза было не только у стахановцев первых пятилеток, Но и у тех, кто с оружием защищал страну от гитлеровской агрессии, возрож-

дал разрушенные войной города и села, строил БАМ и поднимал целину. Было оно и у тех, кто ратовал за устранение тех недостатков, которые мешали жизни страны, — несправедливость и невнимательность к нуждам людей со стороны представителей власти. Где оно сейчас — чувство сопричастности к великим делам страны?

Несправедливый передел огромной собственности советской страны, покупки за рубежом представителями высших слоев современных богатеев дворцов, футбольных команд, яхт, устраиваемые ими оргии на французских горных зимних курортах, наживаемые чиновниками-коррупционерами богатства не ведут к появлению у людей труда чувства сопричастности. Такие стороны жизни новой России приводят к тому, что многие наши люди утрачивают уверенность в завтрашнем дне, доверие к звонко звучащим словам о переменах к лучшему, о скором приходе благоденствия. Россия стала страной, из которой уходят живительные силы надежды и добра. Уходят — потому что гремят взрывы не только в Чечне и Дагестане, но и в Домодедовском аэропорту и московском метро, потому что произошли немыслимые при советской власти позорные, дикие дела в станице Кушевской, потому что была выплеснувшаяся наружу мощная акция протеста рабочих Пикалева против произвола новых хозяев предприятий.

Вот и выходит, что живем мы в другой стране, в которой за два десятилетия нового, капиталистического строя, лучшая жизнь для большинства населения так и не наступила.

Слова Конституции РФ о том, что Россия является «социальным государством», не раскрывают сути. Известно, что в производстве у нас господствует капитализм. Но у руководства страны язык не поворачивается честно сказать людям, что в нынешней России реставрировано капиталистическое общество. Реставрировано, не спрашивая мнения и желания населения. Была создана когорта сверхбогатых. Сделано это было по решению и при прямой поддержке власти, олицетворявшей Ельциным, Гайдаром, Чубайсом, с помощью вскормленного ими полчища коррумпированного чиновничества. Сделано в ущерб подлин-

ным интересам России. Вот по воле этих сил, в их, прежде всего, интересах и развивается нынешняя Россия.

Разобраться сейчас, в какой стране мы живем — значит постараться, как это делал Андропов, понять, какие шаги следует предпринять, чтобы действительно вывести экономику на путь быстрого развития, не уменьшить, как предлагается теперь, число бедных, а раз и навсегда покончить с этим позорным для любого развитого демократического государства явлением.

Если признается, что сверхбогатства нажиты не трудом праведным своим и многих предыдущих поколений, а при помощи состряпанных тогда для такой наживы законов (не без подсказки американских специалистов, внедренных в правительственные и министерские сферы), то что же мешает сейчас принять новые, демократические законы, предусматривающие возвращение олигархами части присвоенных ими национальных богатств, достояния всего российского народа?! Возвращение в виде части акций компаний олигархов, в виде введения государственной ренты на использование природных богатств, прогрессивных налогов, зависящих от величины доходов.

Такой анализ нынешнего российского общества, показал бы, как минимум, социальную несправедливость и порочность положения, при котором годовые доходы руководителей государственных естественных монополий, тех, например, что занимаются электроэнергией или газом, производством вооружений и нанотехнологиями, исчисляются сотнями тысяч, а то и миллионами долларов, что в сотни и тысячи раз выше доходов основной части граждан.

* * *

Придя к руководству страной, Андропов оказался перед лицом нараставших трудностей в экономике. Предстояло определиться по сложнейшим вопросам ее развития. Ждали, как справится он с этим. Были и те, да и сейчас они еще есть, кто подкидывал мысль о недостаточном знании новым генсеком хозяйственных вопросов, об отсутствии у него интересов к экономическим проблемам. Многие, наоборот, искренне поражались, как быстро

и точно схватывал он эти вопросы. Но и те и другие забывали, что за плечами Юрия Владимировича была большая школа хозяйственной деятельности. Он занимался хозяйственными делами будучи вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а позже и Карельского обкома. Тогда нужно было восстанавливать и строить новые промышленные предприятия, жилье, дороги, заниматься лесной промышленностью и производством бумаги, поднимать сельское хозяйство. Как Секретарь ЦК и руководитель Отдела по связям со странами социализма, он непосредственно участвовал в разработке основных направлений новых экономических связей между странами социализма. В КГБ он направлял работу по созданию новейшей научной и производственной базы, позволившей разведке и контрразведке по техническому обеспечению находиться на передовых мировых рубежах. Как член Политбюро, он активно участвовал в выработке важнейших экономических решений партии и государства. В отличие от многих других членов высшего руководства страны Андропов хорошо знал и о реальных достижениях производства, науки, техники, и обо всех недостатках в этих областях. Он владел знанием марксистско-ленинской теории. Еще при Брежнев, когда Черненко претендовал на пост преемника, Юрию Владимировичу было поручено вести работу Секретариата ЦК, где обсуждались все важнейшие хозяйственные вопросы страны.

Действительно, Андропов никогда не занимался чисто хозяйственной деятельностью. Но сколько было у нас таких профессионалов-хозяйственников, которые десятилетиями сидели в высоких креслах, но так и не смогли или не захотели разобраться в истинных причинах трудностей, выдвинуть конкретные предложения по выходу из них. Сколько оказалось таких, которые впоследствии втянули страну в губительную для народа приватизацию, шоковый обвал цен, толкнули ее в финансовую пропасть дефолта, которые выступают за то, чтобы отобрать у пенсионеров и инвалидов льготы, заменив их денежными выплатами, за то, чтобы отобрать стипендии у студентов или увеличить продолжительность рабочей недели, за новую волну приватизации того, что уцелело от первого вала.

В те ноябрьские дни 1982 года Андропов работал увлеченно, с огромным напряжением что, впрочем, и прежде было его характерной чертой. Ежедневно прочитывал сотни страниц различных материалов, которые подкладывались помощником на стол. Здесь его выручала удивлявшая нас способность быстро читать, схватывать текст не по строчкам и предложениям, а целыми абзацами. При этом он успевал еще и анализировать прочитанное, думать, кому и какое поручение, вытекающее из полученной им информации, дать. С утра до позднего вечера проводил встречи, разговаривал по телефону с членами Политбюро, секретарями ЦК, руководителями Госплана и министерств, отделов ЦК, с республиканскими и местными партийными, советскими и хозяйственными руководителями, учеными, производственниками. Все это подчинялось одному стремлению — разобраться с истинным положением дел в экономике, понять различные точки зрения и в конце концов найти пути выхода из трудностей.

Требовалось в кратчайшие сроки остановить негативные тенденции в экономике, которые тормозили не только развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта, но и сказывались на жизни людей. Нужно было срочно продумать, как вывести страну на путь интенсивного развития в соответствии с требованиями и возможностями научно-технического прогресса.

Постепенно, по мере углубления анализа ситуации в стране рождалось убеждение в том, что какими-то скоропалительными решениями дело с места не сдвинешь, нужны значительные изменения, прежде всего, в управлении экономикой. Но чтобы начать их, необходимо было все тщательно просчитать, определить последствия, проверить многие идеи на практике. Время такой возможности не давало.

Вспоминаю Пленум, проходивший в Георгиевском зале Кремля. Там Андропову предстояло сказать о своих планах...

Уже прочитаны доклады, прошли выступления. Юрий Владимирович выходит на трибуну. Видно, что волнуется. Достает нужные для чтения очки с толстыми стеклами. В зале тишина. Даже старожилы таких заседаний не перешептываются, как обычно, не ищут глазами знакомые лица. Слушают.

Первые фразы. Все вроде бы привычно: надо увеличивать темпы развития экономики, прироста продукции промышленности и сельского хозяйства. Но вот голос Андропова становится тверже, строже: «Хотелось бы со всей силой привлечь ваше внимание к тому факту, что по ряду важнейших показателей плановые задания за первые два года пятилетки оказались невыполненными... Главный показатель эффективности экономики – производительность труда – растет темпами, которые не могут нас удовлетворить... Планы по-прежнему выполняются ценой больших затрат и производственных издержек. – И тут же Юрий Владимирович называет главную причину такого положения – сила инерции, привычка к старому, незнание дела. Зал оживился, загудел. – В общем, товарищи, – продолжает Андропов, – в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения. Но именно всем нам – Центральному Комитету партии – предстоит эти ответы найти».

Именно в этом ключе он стремился вести работу ЦК, всей партии, всех советских людей, понимающих нужды страны, способных внести новое в развитие производства, науки, демократии. Самым же главным считал необходимость ясно обозначить, что стоит за поиском решений, способных вести к совершенствованию всех сторон жизни страны.

Работая над докладом на втором ноябрьском Пленуме ЦК, Юрий Владимирович все время подправлял его, старался поновому подойти к новым для страны вопросам. В эти дни часто приходилось слышать, как он, оторвавшись от текста, размышлял вслух на самые разные темы. Как-то зашел разговор о том, надо ли говорить об успехах, если усилия направляются на совершенствование, если много есть еще недостатков.

«Нельзя не видеть того, что сделано и делается хорошего, тех огромных объемов работы, которая проводится у нас. Ведь это же все люди делали и делают. Зачем же обижать их, не замечая результатов труда. Другое дело, многого еще не сделано или делается медленно. Об этом тоже нужно сказать открыто. Говорить надо обязательно и о трудностях, и о недостатках и упу-

щениях. Вот от этого мы нередко отходим во вред делу. Самокритичный подход нужен для того, чтобы понять природу трудностей, с которыми столкнулась страна и с которыми она еще может столкнуться в ближайшее время. Сразу все исправить, повернуть на новые рельсы — не получается. Да и катиться дальше, по инерции, по привычной колее — тоже не годится.

Слова Андропова о том, что у него нет готовых рецептов решения сложнейших задач, стоявших тогда перед страной, стали одним из ключевых моментов выступления на Пленуме. Раз нет готовых рецептов — значит, надо искать новые решения, так понимают и советские люди. Значит, будут перемены к лучшему!

Но, сказав, что спасительных ответов на острейшие вопросы, возникшие в экономике страны, нет, Юрий Владимирович не был бы самим собой, если бы оставил без ответа поднятый им же самим вопрос. И он говорит о том, по каким направлениям нужно вести совершенствование...

* * *

Главным, считал Андропов, должно стать ускорение работы по совершенствованию всей сферы руководства экономикой — управления, планирования, хозяйственного механизма. Целью такого обновления было создание таких экономических и организационных условий, которые бы стимулировали «качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость».

Не сразу, но неуклонно продуманно и последовательно намечались новые подходы к определению масштабов и глубины перемен в управлении экономикой. Наши заботы, отмечал Андропов, сейчас сосредоточены вокруг повышения эффективности производства, экономики в целом. Но движется это дело не так успешно, как необходимо. В чем причина — ставил он вопрос. И, отвечая на него, указывал, что «работа, направленная на совершенствование и перестройку хозяйственного механизма, форм и методов управления, отстала от требований, предъявляемых достигнутым уровнем материально-технического, социального, духовного развития советского общества».

Как видно, в данной фразе Андропов употребил слово «перестройка». Но относилось оно лишь к экономике. Будучи очень внимательным к политическим терминам, он не возвращался к этому слову. Это уже потом М.С.Горбачев оседлал термин «перестройка», повернув ее, в конечном счете, против социализма. «Прорабы перестройки» стали ломать через колено основы хозяйства социалистической страны во имя какого-то, неведомого для них самих, другого общества в отдельно взятой России. Надо сказать, что в отходе от социализма, в его разрушении, в развале СССР последний генсек встретил партнера в лице Ельцина, хотя у этой пары и были личные счеты друг к другу.

Что же касается Юрия Владимировича, то он ратовал за совершенствование жизнедеятельности страны на базе общественной собственности, стоял на ее защите, неизменно выступал против тех, кто посягал на нее. Андропов считал, что по-хозяйски бережное использование угля, газа, нефти, тепла, электроэнергии воплотится прежде всего в широкое внедрение энергосберегающих технологий, в лучшее использование материального и морального стимулирования, в более строгий спрос за перерасход, превышение норм и лимитов. Речь в данном случае шла о соблюдении «той необходимой нормы хозяйствования, которую предписывает социалистическая собственность и суть которой — в бережливом отношении к общенародному достоянию, в инициативном и энергичном его преумножении».

Через несколько месяцев Юрий Владимирович вновь возвращается к вопросу совершенствования системы управления экономикой. Но теперь подходит к нему гораздо шире. В статье, опубликованной в журнале «Коммунист», он уже говорит о необходимости совершенствования по существу всего «хозяйственного механизма, форм и методов управления». Это уже — задача стратегическая. Ее решение должно было позволить вывести страну на новые рубежи в развитии экономики.

Планы решения этих стратегических задач Андропов строил на использовании прочного фундамента того, что было построено советским народом в годы пятилеток. А сделано было немало. Было построено то, что позволило в кратчайшие сроки осуще-

ствить индустриализацию страны, отстоять Родину и разгромить фашистскую Германию, быстро восстановить разрушенное войной, открыть человечеству дорогу в Космос, занять достойное место в развитии мировой науки и культуры, двинуть вперед развитие образования и медицины, добиться ракетно-ядерного паритета с США, стать страной, сопоставимой по экономическому, научному и военному потенциалу с Соединенными Штатами.

Что нужно было сделать для дальнейшего развития такой могучей базы? Андропов ставит задачу продумать и последовательно осуществить меры, «способные дать большой простор действию колоссальных созидательных сил», заложенных в экономике страны. Он подчеркивает, что при разработке этих мер необходимо неуклонно исходить из законов развития экономической системы социализма. Ключевым звеном обновления хозяйственного механизма Андропов считал расширение самостоятельности объединений и предприятий, колхозов и совхозов.

Летом 1983 года были приняты важные решения, позволяющие перейти к реализации установки на обновление системы управления народным хозяйством. В постановлениях ЦК и Совмина предусматривалось предоставление предприятиям, колхозам и совхозам реальных хозяйственных прав в сфере планирования, производства и распределения заработанных денег.

С начала 1984 года на новые методы управления производством, осуществления хозяйственной самостоятельности были переведены предприятия двух ведущих общесоюзных министерств – тяжелого и транспортного машиностроения, электротехнической промышленности. На Украине, в Белоруссии и в Литве на новую систему перешли республиканские министерства пищевой, легкой и местной промышленности. Это был широкий эксперимент, о необходимости которого не раз говорил генсек. Предусматривалось, что на новую систему управления должны были переходить и другие отрасли.

Андропов торопил правительство, хозяйственников. Говорил, что эксперимент надо продолжать, что всем надо заранее готовиться к внедрению у себя новых элементов управления. Он ставил задачу отработать принципы хозяйственной самостоятельности предприятий и их ответственности за результаты работы с тем, чтобы в 12-ю пятилетку, то есть к 1986 году страна вошла «с хорошо отлаженным механизмом, позволяющим полнее использовать возможности нашей экономики».

Совершенствование хозяйственного механизма, разумеется, не было какой-то самоцелью. Андропов считал, что оно необходимо прежде всего для кардинального повышения производительности труда. «Мы должны стремиться, — подчеркивал Андропов, — достичь в этом плане высшего мирового уровня».

Советский Союз располагал мощной научной и производственной базой. Но многие научно-технические открытия и изобретения слишком медленно внедрялись в производство. В то же время лицензии на их использование нередко покупали фирмы ведущих капиталистических государств.

Можно, конечно, ссылаться на то, что отдельные руководители не умели или не желали работать по-хозяйски. Встречалось и такое. Но главная беда заключалась в другом: у людей не было соответствующей мотивации, толкавшей их на создание, освоение и использование новейших машин и технологий. Поэтому и говорил Андропов о том, что необходимо разработать систему организационных и экономических мер, методов материального и морального стимулирования, которые бы заинтересовали в обновлении техники, во внедрении в производство последних достижений технологического переворота руководителей и рабочих, ученых и конструкторов. Такая система должна была сделать невыгодной работу по старинке, низкую производительность труда.

Вопрос о внедрении новой техники был, прямо скажем, не новым. Не один год он кочевал из доклада в доклад на съездах и Пленумах, на заседаниях парламента и правительства. Так почему же он решался так медленно? «Да потому, — говорил

Андропов, — что надо менять весь механизм внедрения новой техники. Нельзя мириться с тем, что ее по решению сверху устанавливают на предприятиях в приказном порядке. А производственники от такого приказного порядка теряют в зарплате, так как им приходится тратить силы и время на реорганизацию, что не учитывалось должным образом при планировании.

Перед правительством, министерствами, научными учреждениями была поставлена задача выявить, что мешает внедрению новой техники, по-новому подойти к планированию всего этого процесса. Андропов напористо ставил вопрос об использовании материального стимулирования с тем, чтобы внедряющие у себя на производстве эту самую новую технику не оказывались в невыгодном положении. Расчет строился на том, что все это позволит предприятиям, получавшим хозяйственную самостоятельность, смелее и быстрее идти на освоение достижений науки, техники, передового опыта не только Советского Союза, но и других социалистических стран, наиболее развитых капиталистических государств.

Ныне произносится немало слов о необходимости модернизации, но что-то не слышно, как решаются в стране вопросы производительности труда. Понятно и то, что без дальнейшей индустриализации, без целенаправленного повышения производительности труда ни о какой модернизации не может быть и речи. Сегодня если что-то и говорится, например, о росте добычи нефти или газа, то сопровождается это неизменным подорожанием бензина и дизельного топлива для машин, увеличением платы для населения за газ отопление и горячую воду. Может так теперь понимается производительность труда российскими нефтегазовыми, электроэнергетическими, металлургическими, железнодорожными, авиационными и другими монополиями; нашими умельцами из ЖКХ?!

Еще одно направление особо выделял Андропов — рациональное использование материальных и трудовых ресурсов. Он подчеркнул, что и вопрос об экономии материальных ресурсов должен рассматриваться по-новому, а не так, что «сэкономил — хорошо, не сэкономил — тоже сойдет». Юрий Владимирович

подчеркивал, что от решения проблемы сокращения производственных затрат во многом зависит не только выполнение плана, но и все состояние экономики страны.

Следит ли за этим теперь наше государство, что делает оно для того, чтобы российские монополии шли в ногу с требованиями современной научно-технической революции и мирового рынка?

* * *

Андропов считал, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и колхозов, являющееся одним из основных направлений совершенствования управления экономикой, поворот к лучшему в повышении производительности труда были возможны при одном неперемennom условии — наведении дисциплины.

Когда заходит речь о деятельности Андропова на посту генсека, критики причитают по поводу того, что решалась эта проблема, дескать, недемократическим образом, что ничего серьезного за курсом на укрепление дисциплины не стояло, и задуман он был лишь для достижения «быстрых результатов». Как же возникла эта проблема с дисциплиной и как она на самом деле решалась?

1982 год не такой уж и далекий. Многие россияне хорошо помнят, что тогда в городе и деревне, на предприятиях и в госучреждениях, в научных институтах обычными были опоздания на работу, постоянные перекуры, отлучки для посещения магазинов или кино, прогулы, коллективные выпивки, работа спустя рукава. Такими же обычными были перерывы в работе: то кирпича не хватало, то металл не подвезли, а то и вовсе что-то забыли учесть еще при проектировании и составлении производственного плана. Словом, царила расхлябанность, бесхозяйственность.

Известно и то, чем оборачивалось все это для страны, для жизни самих же людей. В 1982 году, по статистическим данным впервые после войны остановились в своем росте реальные доходы населения. Вспоминаю, с каким огорчением, с какой не-

терпимостью говорил об этом Юрий Владимирович, перелистывая справку ЦСУ, где указывалось, что страна теряла впустую миллионы человеко-часов. «А полки в магазинах при этом, — говорил он нам, — нередко пусты».

Задумывая совершенствование управления экономикой, предоставление хозяйственной самостоятельности предприятиям и колхозам, Андропов понимал, что при существующем тогда уровне дисциплины любое подобное начинание было бы обречено на провал.

Думал ли он о достижении каких-то быстрых результатов? Да, думал. Призывая к наведению порядка и установлению дисциплины, говоря о государственной, плановой, технологической и трудовой дисциплине, Андропов исходил из того, что предпринимаемые в этом направлении шаги уже на первых порах, без каких-либо существенных капиталовложений, могли дать заметную отдачу. Он понимал также, что начиная обновление в экономике, в других областях жизни общества, нужно было преодолеть апатию, сковывавшую созидательный потенциал людей, стимулировать творческую активность, добросовестный труд, вселить уверенность в возможность обновления социализма.

Но подходил он к вопросу о порядке и дисциплине гораздо глубже. Ему вообще не свойственно было искать простые и легкие решения. Юрий Владимирович рассматривал наведение порядка не как какое-то изолированное мероприятие, рассчитанное на достижение сиюминутных результатов, а как дело долговременное, стратегическое. Не раз говорил нам, своим помощникам, что надо ясно понимать, во имя чего начинается борьба за дисциплину. Подчеркивал, что без решения этой задачи нельзя будет вывести страну из трудностей, добиться перемен к лучшему.

Андропов считал, что наведение порядка, дисциплины может стать тем звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю большую тяжелую цепь проблем, скопившихся в экономике. «И хотя нельзя все сводить к дисциплине, — говорил он, — начинать надо именно с нее». И начал. Выступая на ноябрьском (1982 г.) Пленуме с предложением начать борьбу за укреп-

пление дисциплины и наведение порядка в стране, он исходил из реальных потребностей всего общества. Он верил, что этот призыв поддержат советские люди. И они действительно поддержали, так как видели всю пагубность всеобщей разболтанности, хотели элементарного порядка.

Но, как это у нас случалось и раньше, большое государственное дело стало быстро перерождаться в привычную кампанию – погоню за быстрым результатом, показухой, непродуманностью принимаемых мер, стремлением отрапортовать об успехах раньше всех. Особенно этим грешили в Москве, где борьбу за дисциплину подстегивал первый секретарь столичного горкома В.В.Гришин. Он предпочитал опираться на силовые методы.

В ходе работы куда-то в сторону были отодвинуты предложения Андропова об исправлении партийной и государственной дисциплины. На поверхности осталась лишь дисциплина трудовая. Своеобразное представление о методах ее наведения привело к облавам в магазинах и кинотеатрах, в местах отдыха. Искали тех, кто отлучался с рабочего места, прогуливал. Находили. Проверяли документы, забирали нередко в милицию для уточнения данных. Под этот гребень попадали и москвичи, и приезжие: отпускники, работники, вернувшиеся со смены. Это уже имело мало общего с демократическими принципами. Люди стали жаловаться, выражать недовольство в письмах и на собраниях. Такие критические настроения были услышаны. Юрий Владимирович резко отреагировал на негативную практику. Сделал это не через решение инстанций, а обратившись напрямую к рабочим. 31 января 1983 года он поехал на Московский станкостроительный завод, и там еще раз четко изложил свою позицию по вопросу укрепления дисциплины. Андропов повторил, что с недостатками в трудовой дисциплине надо кончать. Но нельзя, подчеркнул он, сводить все дело к тому, что кто-то опоздал на пять минут, а кто-то зачастил на перекур. Он еще раз напомнил, что речь идет прежде всего о понимании дисциплины в широком, государственном смысле: трудовой, плановой, организационной, технологической, снабженческой и т.д.

Генсек по-новому поставил вопрос о соединении дисциплины с конкретным результатом труда. «Нам нужна, — говорил он, — сознательная рабочая дисциплина, такая, которая двинула бы вперед производство. Нам надо наполнить борьбу за трудовую дисциплину большим содержанием, связать ее непосредственно с выполнением производственных заданий, тогда не будет, так сказать, пустого выхлопа».

И еще одно важное замечание сделал тогда на заводе Андропов. Сказал, что работа по наведению порядка, дисциплины в стране является задачей долговременной, решать ее надо «всем миром» и не выдохнуться раньше времени. А рабочие ответили ему, что призыв к дисциплине выражает и их чувства, их настроения, что на своих участках, в бригадах, переходивших на подряд, они сами уже наводят дисциплину.

Люди видели, что в укреплении дисциплины, наведении порядка новый генсек строго спрашивает со всех, невзирая на прошлые заслуги и занимаемые посты. Были сняты с министерских должностей некоторые нерадивые, неумелые руководители транспорта, черной металлургии, капитального строительства. Они не сумели организовать нормальную работу в подведомственных им отраслях экономики. Такая участь постигла и всесильного при Брежневе заместителя председателя Совета министров Новикова.

Наказания понесли и те, кто подрывал своими действиями и поступками авторитет советской власти, породил стяжательство и коррупцию, казнокрадство. Вынуждены были уйти со своих постов Рашидов и Щелоков. И это тоже была конкретная борьба за дисциплину в государстве, за укрепление доверия трудящихся.

Юрий Владимирович не просто говорил о соблюдении дисциплины и высоких производственных показателей. Он предлагал всячески стимулировать успехи в наведении порядка, в росте производства. Призывая вознаграждать хороший труд материально, он подчеркивал, что «плохая работа, бездеятельность, безответственность должны самым непосредственным и неотвратимым образом сказываться и на материальном вознаграж-

дении, и на служебном положении, авторитете работников». Это был серьезный удар по бесхозяйственности и безответственности.

При этом Андропов понимал, что одними только призывами к дисциплине, упованием на сознательность, строгой требовательностью задачу эту не решить. Он считал, что это все должно опираться на интерес, на соответствующее материальное и моральное стимулирование. Если укрепление дисциплины вело к росту производства и производительности труда, то это должно вознаграждаться.

Юрий Владимирович не раз при обсуждении экономических вопросов возвращался к одному из основополагающих принципов социализма: «каждому — по труду». Говорил, что принцип этот по-настоящему хорош и справедлив, но плохо используется. Его подрывает уравниловка. Он считал, что хороший труд обязательно должен хорошо оплачиваться. В этой связи отмечал, что сложившаяся система материального и морального стимулирования, практика применения таких стимулов нуждаются в дальнейшем улучшении.

Когда подводились итоги работы экономики в 1983 году, выяснилось, что без дополнительных капиталовложений, только за счет повышения дисциплины и улучшения стимулирования хорошего труда, значительно выросли как показатели производства, так и производительности труда.

Вот чем обернулась эта демократическая акция по укреплению дисциплины, наведению порядка. Она проводилась во имя улучшения жизни народа, самим народом. Спрашивается — а нам что, дисциплина, в ее «по-андроповски» широком понимании, сегодня не нужна? Нужна, да еще как.

После взрыва в Домодедово, произведенного террористами, президент Дмитрий Медведев вынужден был признать, что там «была просто анархия», «потеря контроля и бдительности». О какой государственной, простой человеческой дисциплине можно говорить, когда речь заходит о многолетнем насилии и произволе в отношении жителей станицы Куцевской? Где были местные, районные, краевые и вышестоящие руководи-

тели, высокие чины правоохранительных, прокурорских и судебных органов? Где ваша дисциплина, господа? Где ваша ответственность перед российским народом, от имени которого вы, по Конституции, правите? А техногенные аварии на Саяно-Шушенской ГЭС и одной из крупнейших шахт Кузбасса! Там ведь тоже не обошлось без потери производственной дисциплины. Только потеряли эту дисциплину не инженеры и рабочие, а владельцы этих предприятий. Спрос с них будет?

* * *

С первых же дней на посту руководителя страны Андропов неизменно подчеркивал, что основной задачей, в конечном счете, является повышение благосостояния населения. Он говорил, что об эффективности экономики надо судить не только по показателям производства продукции, а с учетом социальных критериев, исходя из того, как обеспечивается жизнь людей.

«Действительно, — подчеркивал он в статье, опубликованной в “Коммунисте”, — как ни многогранны задачи, стоящие перед советской экономикой, все они в итоге сливаются в одну — обеспечить рост благосостояния трудящихся, создать материальные условия для дальнейшего расцвета их духовной, культурной жизни, общественной активности». «Любые успехи в развитии производства, — говорил он, — по достоинству оцениваются только тогда, когда они сказываются на улучшении благосостоянии людей». При подготовке своих выступлений, бесед Юрий Владимирович говорил нам, что нельзя предлагать какие-то планы, ставить задачи, если не учитывать настроений в обществе.

В то время чувствовалось определенное недовольство низкой зарплатой, отсутствием многих товаров, недостатком продовольствия и жилья, школ, больниц, детских садов. Люди получили возможность сравнивать свою жизнь с той, что они видели в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Югославии, не говоря уже о странах Западной Европы, Японии, Соединенных Штатов. Хорошо известно, как часто в таких случаях людям обещались «золотые горы»,

назывались впечатляющие цифры роста всего и везде (это, к сожалению, осталось любимым приемом многих нынешних политиков, особенно в ходе выборных компаний). Но ведь в жизни от таких пустых обещаний людям никогда не становилось лучше. На это Юрий Владимирович пойти не мог. И не пошел. Он подчеркнул, что пути повышения жизненного уровня населения следует искать в более тесной увязке с тем, как страна работает.

Как мы работаем — так и живем, считал он, говорил, что надо сделать так, чтобы каждый чувствовал, что только труд и его результаты определяют благосостояние каждого гражданина. Как же далеко ушла сегодняшняя Россия от такой увязки труда и уровня жизни. Она теперь занимает третье место в мире по числу миллиардеров. Но в США, Германии, в других капиталистических странах такие огромные состояния делались десятилетиями, зачастую, не одним поколением. А у нас — в течение всего нескольких лет. Что, наши олигархи в десятки и сотни раз больше работали?! Нет, конечно, свои палаты каменные они построили отнюдь не трудом праведным.

Андропов считал, что добиться роста производства товаров широкого потребления, продуктов питания, расширения строительства жилья, школ, больниц и социально-культурных объектов можно только тогда, когда будет достигнуто активное участие в общей работе каждого труженика города и деревни. Именно такую задачу генсек ставил перед членами ЦК, перед руководящими работниками всех уровней, перед всем обществом.

О том, как ответственно подходил Юрий Владимирович к вопросам жизни людей, может служить кампания, развернутая для того, чтобы подготовить население к повышению цен на хлеб. Объективные причины необходимости повышения цен на хлеб были. Страна закупала за границей десятки миллионов тонн зерна в год. В то же время хлебом нередко кормили скот, продавая мясо на рынке, или остатки его выбрасывали на помойку. Такие причины побуждали Андропова согласиться с предложением правительства о повышении цен. В булочных Москвы и других городов Советского Союза появились плакаты, призывающие ценить и беречь хлеб. Все было готово к введению новых

цен. Но что-то все же смущало Юрия Владимировича. Он спрашивал у помощников, что пишут о намечаемом повышении цен газеты, трудящиеся в своих письмах в ЦК и Совмин, в партийные и советские органы, что говорят люди. Он еще и еще раз прорабатывал этот вопрос со своими соратниками.

«Кто пострадает прежде всего от повышения цен на хлеб? — говорил он. — Да те же рабочие. У них он идет и на завтрак, и в обед, и на ужин. Так что — мы примем меры, ущемляющие интересы рабочих? А потом, ну поднимем мы цену хлеба, а как быть с мясом, молоком, яйцами и другой продукцией? Нет, здесь надо остановиться, продумать еще и еще раз всю проблему ценообразования».

Кампания по повышению цен на хлеб была свернута. А в своих дальнейших выступлениях Андропов говорил, что в принципе повышать цены на некоторые товары, видимо, придется, чтобы устранить перекосы, возникающие в связи с отставанием роста денег у населения от товарной массы в магазинах. «Но, — подчеркивал он, — нам такой путь как генеральный не годится... Главный путь для нас — это повышение эффективности производства».

К поиску решения зерновой проблемы Андропов призвал участников Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в июне 1983 года. Обратившись к собравшимся, он сказал, что делом первостепенной важности, долгом руководителей партии и государства, всех членов ЦК является наращивание производства зерновых, чтобы отказаться от их закупок и обеспечить потребности населения в хлебе, а животноводство — в кормах. Это короткое выступление он попросил считать, сделанным «не для печати». Но страна быстро узнала о нем.

Сегодня тоже немало говорится о необходимости обеспечить более высокий уровень жизни. Для реального подъема жизни населения страны нужны такие социально-экономические подходы и решения, за которые выступал Андропов.

* * *

Волновали население и проблемы развития демократии. Людям хотелось ясности во всем, правды. Нельзя было не видеть,

как росла их отчужденность от государственной, общенародной собственности. Для командно-административных методов управления экономикой был создан специальный аппарат, который в народе называли «номенклатура». Это вело к утрате у людей труда чувства подлинного хозяина производства, к утрате трудового порыва. Росло стремление к стяжательству. А сколько было анекдотов о нашей выборной системе. Сколько было недовольства всесилим командно-бюрократического управления Центра и отсутствием многих прав и свобод на местах. Все это сковывало инициативу, порождало апатию, иждивенческие настроения и в конечном счете пагубно сказывалась на производстве.

Юрий Владимирович придавал развитию демократии особое, первостепенное значение. В ней он видел и цель, и средство решения всех задач, стоящих перед обществом. При определении ее сущности он выделял самое главное — «все более активное участие трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами». И перемены в этом направлении стали осуществляться.

Начавшиеся преобразования в экономике Андропов рассматривал как часть, хотя и очень важную, всего процесса обновления социализма. Он отмечал, что развитие экономики, укрепление материальной базы социализма, вся проводимая работа принесет в предстоящие годы и десятилетия «значительные изменения также в политической и идеологической надстройке, в духовной жизни общества». И здесь, наряду с совершенствованием системы управления экономикой, с курсом на укрепление дисциплины на первый план генсек выдвигал вопрос о совершенствовании демократии, ее непрерывном развитии. При этом он неизменно подчеркивал, что понимает торжество демократии в самом буквальном и точном смысле слова — как подлинную победу народовластия.

«Мы не идеализируем того, — отмечалось в статье в журнале “Коммунист”, — что сделано и делается в нашей стране в этой области. У советской демократии были, есть и, надо полагать, еще будут трудности роста, обусловленные материальными воз-

возможностями общества, уровнем сознания масс, их политической культуры, да и тем, что наше общество развивается не в типичных условиях, не в изоляции от враждебного нам мира, а под холодными ветрами развязанной империализмом “психологической войны”».

Для развития демократии Андропов ставил задачу устранения всего, что глушит, подрывает инициативу масс, сковывает творческую мысль, живое дело трудящихся. Предоставление самостоятельности трудовым коллективам города и деревни он рассматривал, как одно из основных направлений развития производственной демократии, которая давала бы мощный стимул для развития демократии в других областях жизнедеятельности общества.

На июньском Пленуме в 1983 году Юрий Владимирович заявил, что назрела необходимость дальнейшей демократизации порядка принятия решений по крупным вопросам государственной и общественной жизни. Для этого, по его мнению, следовало разворачивать все более широкое обсуждение проектов таких решений в трудовых коллективах; обязательный учет мнений профсоюзных, комсомольских, женских организаций; максимально внимательный подход к предложениям трудящихся. Он говорил, что приблизить деятельность партийных и государственных органов к нуждам и интересам народа может «большая гласность в работе», регулярная отчетность руководящих работников перед населением. И поход за такую гласность генсек начал с введения публикаций в «Правде» информации о заседаниях Политбюро.

Андропов решительно выступал против бюрократизма и формализма, выхолащивающих живую душу из демократических норм. «Велика ли польза, — говорил он, — от таких собраний, где все идет по заранее подготовленному сценарию, где нет заинтересованного и откровенного разговора, где инициатива и критика приглушаются». Он считал, что немногого стоит профорганизация, которая не осмеливается поднять голос в защиту интересов трудящихся против беспорядков на производстве, или деятельность народных контролеров, если по их сигналам не принимаются необходимые меры.

Чтобы лучше осознать смысл того, как Андропов понимал демократию, не нужно особых усилий. Достаточно взглянуть на сегодняшнюю действительность. Где это активное участие масс в решении важнейших государственных дел, в решении каких-либо вообще вопросов, касающихся зарплаты или условий труда на приватизированных предприятиях? И не потому ли Россия вязнет в сложнейших экономических и социальных проблемах, болезненно сказывающихся на подавляющем большинстве народа, не потому ли страна никак не может найти свою национальную идею, стать действительно единой, что обнищавшие трудящиеся массы оказались отстраненными от участия в выработке основных направлений политической, экономической и социальной политики, от реализации этой политики на практике?!

* * *

Начав работу по обновлению социализма, Андропов хорошо понимал, что эту огромную по масштабам и значению работу невозможно выполнить без подготовленных кадров. Еще работая заведующим отделом ЦК, Юрий Владимирович собирал вокруг себя людей, способных широко и самостоятельно мыслить, творчески подходить к решению поставленных задач. Опираясь на своих заместителей, руководителей секторами. По его инициативе была создана группа консультантов, в которую вошли Арбатов, Бовин, Бурлацкий, Богомолов, Делюсин. Ныне их называют не иначе, как «группой интеллектуалов», которые могли выдвигать профессиональные для своего времени идеи, оказывали влияние на формирование позиции Андропова. Во-первых, интересно и полезно для страны то, что Андропов не только замечал интеллектуалов, но и воспринимал многие их идеи. Как говорили мне не раз они сами, существовало железное правило: при обсуждении можно было высказывать любые идеи, но когда решение принималось, оно должно было становиться обязательным для всех участников обсуждения.

Во-вторых, и это тоже признают члены «группы», по интеллектуальному уровню Юрий Владимирович был на голову выше

каждого из них. Он умел творчески перерабатывать высказываемые нестандартные, передовые для того времени идеи, развивать их, поднимая до уровня государственного мышления. Он рос сам в такой атмосфере горячих и свободных дискуссий, и в тоже время поднимал на новый уровень мышление людей из своего окружения, прежде всего тех же консультантов. Здесь, выражаясь точным языком летчиков-истребителей, он был не ведомым, а подлинным ведущим.

Что выделяло Андропова среди других партийных и государственных деятелей того времени, что поражало и восхищало нас, людей, которым посчастливилось работать рядом с ним? Конечно, это прежде всего его большой политический кругозор, глубокий аналитический ум, государственный подход к решению всех задач. Он знал марксизм не по цитатам, а по глубокому изучению этой науки. Видел сильные и слабые стороны социализма, жизни советского общества.

Юрий Владимирович отличался в жизни каким-то своим аскетизмом. Был нетребовательным в быту, бескорыстным и честным. Недаром, видимо, одним из его самым любимых образов был Дон Кихот: небольшая скульптура стояла у него дома. Попав с очередными срочными бумагами первый раз в квартиру на Кутузовском проспекте в доме 26, я был приятно удивлен, что Юрий Владимирович вполне удовлетворялся четырьмя комнатами. Он попросил свою жену Татьяну Филипповну принести какую-то, понадобившуюся ему книгу. Сказал, обращаясь к ней: «Ну вот, говорят, что квартира наша мала. Уйду на пенсию, буду тут под твоим руководством с пылесосом трудиться, так что четырех комнат как раз хватит».

Андропов был нетерпим к стяжательству, коррупции, бюрократизму. Когда ему, как руководителю КГБ, поручили заняться борьбой с этими негативными явлениями, воспринял это поручение со всей ответственностью. Не раз напоминал нам, что Запад, его спецслужбы хотят с помощью подобных явлений подорвать доверие людей к социализму, советской власти, расшатать строй. Поэтому боролся с ними решительно и последовательно и тогда, когда стал генсеком.

Сегодня коррупция тормозит прогресс во всех делах, деморализует общество, больно бьет по простым людям, нуждающимся в улучшении жилищных условий, в лечении и обеспечении надлежащего образования и работы их детям, подрывает авторитет России в мире, не позволяет привлекать в страну займы и капиталовложения в российскую экономику. Дальнейшее существование коррупции в ее нынешних масштабах грозит немалыми бедами народу, может поставить под угрозу будущее страны. Она расшатывает единство страны, естественные межрегиональное и межнациональное сотрудничество, интеграционные процессы в стране. О пагубности коррупции, о необходимости борьбы с ней лидеры России говорят немало. Но осязаемых результатов что-то пока не видно. Коррупция – это та сфера, где сегодня особенно важно помнить о призыве Андропова к сосредоточению внимания и сил на конкретных делах.

Получив высшее образование, Юрий Владимирович, никогда не прекращал заниматься самообразованием, – это тот редкий дар, которым обладают вдумчивые, талантливые люди. Он прекрасно знал русскую и всемирную литературу, поэзию. Сам писал лирические, посвященные жене стихи, и стихи философские, политические, где говорилось о том, что подчас не только власть портит человека, но и человек портит власть, что является еще большей напастью. Любил музыку, особенно ценил Свиридова. Знал песни Высоцкого. В комсомольские годы, обладая музыкальным слухом и хорошим голосом, сам пел под гитару.

И это далеко не полный перечень того, что составляло подлинный интеллектуальный потенциал Андропова.

Придя на руководство КГБ, Юрий Владимирович и там создал группу консультантов. Он призывал нас к активной работе над его речами, докладами, с которыми выступал по поручению Политбюро.

Обычно Андропов, собрав нас, объяснял, что нужно от того или иного материала. После этого мы работали, предлагали ему варианты. Бывало он читает и говорит: «Что вы тут пишете, это же совсем не то, что нужно».

«Юрий Владимирович, — отвечаем мы, — так это же вы сами прошлый раз говорили».

«Я говорил? — удивляется Андропов. — А что, разве мне нельзя не то сказать, не совсем правильно сформулировать? Вы — мои помощники. Поддакивать и хвалить меня многие смогут, а вам надо говорить то, что думаете, в чем убеждены. Если убедите меня — приму. Если мои аргументы сильнее — принимайте вы. Каждый новый вариант текста — это новая ступенька вверх, это и наш рост. Так что работайте смелее, дерзайте».

Коль скоро речь зашла о том, как Юрий Владимирович работал со своей командой, вспоминается подготовка доклада о 60-летию СССР. Было это в декабре 1982 года, когда новый генсек еще только нащупывал пути и методы обновления всех сторон жизни страны. Мы, исходя из действовавших тогда установок, написали в проекте этого выступления, что национальный вопрос в стране решен полностью и окончательно. Читаю текст, как обычно, вслух. Андропов останавливает на этом месте, размышляет: «Решен-то он решен, а в чем именно? Если говорить о национальной эксплуатации, об отсталости окраин, об экономическом и культурном неравенстве, то здесь мы вопрос действительно решили. Но как объяснить тогда националистические проявления, вплоть до насилия в ряде регионов Среднеазиатских республик, националистических проявлений на Кавказе, живучести ряда националистических предрассудков на той же Украине? Словом, надо еще подумать».

Сели опять за стол. Думали, спорили. Предлагали варианты Юрию Владимировичу. Он их браковал. Говорил: «Не вымучивайте фразы, думайте о существе вопроса, а не о форме его подачи».

Наконец что-то стало вырисовываться. Андропов вносит очередную правку, делает упор на то, что «национальный вопрос в том виде, в каком он был оставлен нам эксплуататорским строем, успешно решен...». После такого поворота в теме естественными стали и выводы о том, что из жизни вовсе не исчезли проблемы, которые рождаются в рамках многонационального государства, имеющего множество национальных особен-

ностей, множество наций и народностей, что проблемы национальных отношений не снимаются с повестки дня и требуют «особой заботы, постоянного внимания».

И еще один пример из работы над этим же докладом. Юрий Владимирович предложил сказать в нем о роли транспорта. Мы усердно прорабатывали эту роль в плане интеграционных процессов.

Читаю подготовленный кусок текста. Андропов останавливает, говорит: «Мы вообще-то не День железнодорожника отмечаем, а говорим о межнациональных связях, развитие которых в масштабах страны немыслимо без ускоренного развития транспорта. Вот и переведите вашу экономическую стрелку на нужный национальный путь».

И опять мы соглашаемся с доводами Юрия Владимировича. В раздел о транспорте более четко были вписаны положения о соединении экономических возможностей и усилий всех республик, об обеспечении повседневных человеческих контактов многонациональной страны. Примечательно, что положения о роли транспорта, высказанные тогда Андроповым, созвучны во многом высказываниям на эту же тему в Послании Федеральному собранию РФ бывшего президента России Путина.

Такой творческий, заинтересованный, по настоящему принципиальный стиль работы Юрий Владимирович сохранил и на посту генсека. Он понимал, что для решения больших дел, обновления страны, нужны кадровые перемены. Но в то же время в разговорах с нами не раз подчеркивал, что работать надо прежде всего с теми, кто сегодня есть, а уже в процессе работы подтягивать новых людей, отсеивать нежелающих или неумеющих решать новые задачи.

Состав Политбюро был сложным. В него входили не только руководители, поддерживавшие Андропова в поиске новых путей, но и те, кто думал обойтись без перемен, кто хотел сам занять пост генсека. Их вполне устраивала застойная обстановка, когда надолго было обеспечено пребывание в высшем эшелоне власти, когда не надо было выдвигать новых идей, которых, к тому же, зачастую у них и не было. Они призывали Юрия Вла-

димировича «воспринять брежневский стиль руководства». С первых же дней Андропов предложил всему руководству включиться в общую работу. Его активно поддерживали Устинов, Громыко, Горбачев. Для проработки важнейших экономических вопросов был привлечен Рыжков, которого избрали секретарем ЦК, назначили руководителем только что созданного экономического отдела ЦК.

В своих воспоминаниях о том периоде Николай Иванович Рыжков, с огромным уважением и доверием относившийся к Андропову, ставшим одним из его ближайших соратников в реформировании экономики, описывает, как ему предлагали работу в ЦК. Приглашенный Андроповым на беседу, он сначала отказывался, ссылаясь на отсутствие опыта партийной работы, на то, что до мозга костей является производственным, экономистом. Юрий Владимирович подошел к этим доводам по-своему, сказал, что именно такой человек и нужен. «У вас, – говорил он, – другой опыт есть, школа, кругозор. Сами же перечисляли: завод, затем министерство, то есть вся отрасль, дальше – Госплан, то есть все народное хозяйство... Если вам безразлична судьба страны, народного хозяйства – а, судя по нашему разговору, безразлична, – соглашайтесь. Где еще вы сможете воплотить ваши замыслы в реальность?».

Неравнодушие к судьбе страны, стремление сделать жизнь лучше – такие критерии предъявлял Андропов при подборе кадров. Всегда ли он верно определял возможности и подлинные достоинства людей? Как правило, – да. Но бывали здесь и неудачи. Если Юрий Владимирович видел, что человек «не тянет», или ведет дело не в ту сторону, он плавно отодвигал его. По-другому, решительно и круто подходил к тем, кто проявлял шатания в отношении принципов социализма, интересов Советского Союза.

Для ускорения проработки экономических вопросов Андропов создает группу. Уже через месяц после того как стал генсеком, он объединяет усилия Горбачева и Рыжкова, подключает к ним Долгих, занимавшегося вопросами тяжелой промышленности. Он видел в них тогда главное – стремление к новому, к обновлению социализма.

Настораживали Андропова некоторые стороны экономических познаний Горбачева, который курировал в Политбюро сельское хозяйство. За большими цифрами планов подъема сельскохозяйственного производства не видно было новых подходов, способных по-настоящему стимулировать крестьянский труд, стремления осмыслить, почему в равных условиях отдельные хозяйства добивались более весомых результатов, чем их соседи. Горбачев в своих воспоминаниях косвенно признает это. Он писал, что Юрий Владимирович, сталкиваясь с проблемой ежегодных массовых закупок зерна за рубежом, нередко реагировал очень остро: «Ох уж эта твоя Продовольственная программа», — говорил он в таких случаях. «Наша, наша, — отвечал Горбачев, — меры, заложенные в ней, еще не заработали, рано... Думаете, мне не хочется быстрее увидеть результаты? Четвертый год занимаюсь этим делом, а обстановка никак не улучшается...»

О Рыжкове в этих же воспоминаниях Горбачева говорится, что он при определенной склонности к технократическим решениям способен заглядывать за горизонт, восприимчив к новым идеям.

Рыжков, вспоминая о том периоде, в свою очередь отмечал, что работать тогда с Горбачевым было интересно, что он тянулся знать больше, лез в малоизвестные ему аспекты, а самоуверенный характер не позволял признаться, что он многого не знал или не понимал в народном хозяйстве.

И все же Андропову удалось создать ударный кулак, способный пробивать новые идеи, вытекающие из стремления реформировать экономику. Он советовал этой тройке работать с деятелями науки, с практиками, с теми, кто накапливал передовой опыт труда. Еще он просил их работать дружно, по-товарищески. Внимательно прислушивался к их выводам и предложениям, рос сам в понимании проблем и задач, постоянно подталкивал к такому росту и их, всех, с кем ему тогда приходилось работать.

В последние годы появилось немало разговоров о том, что Андропов готовил Горбачева себе на смену. Так, в ноябре 2002 года, в газете «Московский комсомолец» были напечатаны воспоминания А.И.Вольского, работавшего помощником Юрия

Владимировича. Он рассказал, что перед декабрьским (1983 г.) Пленумом ЦК генсек сделал приписку в тексте готовившегося своего выступления. В ней говорилось, что заседания Секретариата ЦК должен вести Горбачев. Из этого Вольский сделал вывод, что «Андропов хотел, чтобы полномочия второго лица перешли от Черненко к Горбачеву». Но этой поправки в зачитанном Черненко выступлении Андропова не оказалось.

В этой связи возникает немало вопросов. Горбачев в своих воспоминаниях пишет, что узнал о вставке генсека в доклад лишь спустя несколько лет из тех же публикаций Вольского. Не знали тогда о такой вставке и другие помощники Андропова. Но зато хорошо знали, что Юрий Владимирович умел добиваться намеченного. У него хватило бы сил и воли решить и задачу с назначением Горбачева. Но он об этом ничего не говорил нам и после Пленума. Не предпринимал он шагов по дальнейшему продвижению Михаила Сергеевича. На то, видимо, были свои причины. Во всяком случае, в репликах, брошенных в разговоре с нами после бесед с Горбачевым, Юрий Владимирович нередко замечал: «С ним еще надо работать и работать...».

На декабрь 1983 года был намечен Пленум, который должен был подвести итоги работы за год после принятия курса на обновление. Андропов серьезно готовился к нему, готовился, несмотря на навалившуюся на него тяжелую болезнь. Помощники привозили в больницу материалы. Юрий Владимирович прочитывал их, тут же давал поручения, указывал, кому и что надо было сделать. Ясный ум и твердая воля давали ему возможность работать. Но он, буквально на глазах таял. Пошли разговоры о возможности переноса Пленума, чтобы дождаться выступления генсека. Так бывало прежде. Но Юрий Владимирович думал об этом по-другому. Он исходил из того, что нельзя терять набранных темпов работы. Проект подготовленного выступления был передан в ЦК и зачитан перед участниками Пленума.

В этом выступлении отмечалось, что меры по совершенствованию управления хозяйством, повышению дисциплины, развитию демократии позволили поправить положение на некоторых участках экономики, повысить инициативу, поднять активность

масс. «В общем, — подчеркивал Андропов, — наметился положительный сдвиг в народном хозяйстве. Все это подтверждает правильность выработанной линии, реальность и обоснованность поставленной партии задач по развитию экономики, преодолению имеющихся трудностей».

А результаты этой работы действительно были налицо. Производство промышленной продукции выросло на 4%, а производительности труда — на 3,5%. Это были наивысшие показатели за последние несколько лет. После четырехлетних неурожаяев и спадов оживлялось сельскохозяйственное производство. Наметился заметный прирост в производстве мяса и молока. В 1984 году экономический эксперимент продолжался, хотя уже и не с тем напором. И опять результаты были позитивными, опять производство росло хорошими темпами. Это подтверждало правильность пути, выбранного Андроповым.

Можно напомнить, что задуманные Андроповым преобразования в экономике продолжали давать позитивные результаты в последовавшие годы. Сегодня с тревогой приходится констатировать, что в годы нынешних реформ экономика страны потеряла половину своего потенциала, то есть больше, чем во время Великой Отечественной войны. И сейчас Россия все еще заметно отстает от того уровня, который был в конце 80-х и начале 90-х годов.

К сожалению, судьба не дала Юрию Владимировичу в полной мере осуществить его задумки по совершенствованию всего социалистического общества. Он не оставил какого-то законченного и утвержденного плана, но поставил надежные вехи, по которым могли прокладываться пути дальнейшего преобразования страны. Не трудно понять, что страна приобрела бы другой облик, если бы продолжилась реализация задуманного им реформирования управления экономикой, укрепления дисциплины и наведения порядка, развития демократии.

Есть, правда, и такие критики Андропова, которые считают, что он бы не смог пойти по пути радикальных преобразований. Некоторые утверждают, что из его попыток обновления социализма все равно ничего бы не вышло, и это, дескать, до-

казывают результаты перестройки. И те, и другие явно лукавят. Одни — потому, что под радикальными преобразованиями понимают лишь отказ от социализма и переход на рельсы капитализма. Таким путем он действительно не собирался идти. Но к рыночным процессам в Венгрии и в Китае внимательно присматривался. Об этом он, в частности, говорил после встречи с Яношем Кадаром в Будапеште накануне перехода на работу из КГБ в Центральный Комитет партии. Об этом он говорил мне, ознакомившись с запиской Александра Бовина после поездки в Китай. А другие лукавят потому, что перестройка при Горбачеве пошла совсем иначе, чем задумывалось Андроповым совершенствование всех сторон жизни Советского Союза. Именно поэтому она разрушила то, что должна была укреплять — социализм.

Горбачев сам считает, что политический курс, получивший название «перестройка», был начат с его выступлений на мартовском и апрельском Пленумах ЦК в 1985 году. Если посмотреть на тексты тех выступлений, то можно увидеть, что в них повторялись основные идеи, высказанные Андроповым. Говорилось, что необходимы совершенствование системы управления, укрепление социалистической собственности, расширение самостоятельности предприятий, совершенствование демократии, усиление дисциплины, наведение порядка, расширение гласности в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций. При этом Горбачев ссылается на преемственность курса, начатого в 1983 году Андроповым.

Впоследствии звонкое слово «перестройка» Горбачев стал использовать как флаг проводимой им политики, заявляя, что она призвана дать больше социализма, больше демократии. С трибуны мартовского Пленума 1985 года он говорил: «Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу». А в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», изданной в 1987 году, писал: «Мы будем идти к лучшему социализму, а не в сторону от него. Мы говорим это честно, не лукавим ни перед своим народом, ни перед заграни-

цей. Ожидать, что мы начнем создавать какое-то другое, несоциалистическое общество, перейдем в другой лагерь, — дело бесперспективное и нереалистичное».

Партия, общество поверили этим словам, этим клятвам. Поверили потому, что хотели совершенствования социализма, которое наметил Андропов. На первых порах еще продолжались начатые им преобразования. Происходили демократические перемены. Совершенствовалась выборная система. Расширялась свобода печати. Намеченные преобразования требовали упорного труда и времени. А творцам новой перестройки хотелось сиюминутных результатов. Тогда ее «архитекторы» и «прорабы» в соответствии с законами строительных работ начали все ломать. Но жизнь — не стройплощадка. Она не терпит пустоты. На смену разрушенному пришли другие идеалы и другие силы. Началось создание какого-то другого, «несоциалистического общества», от которого еще недавно отрецивался Горбачев.

Демократические преобразования, ставшие возможными на базе социализма, были повернуты против него. Вместо укрепления общественной собственности, составлявшей фундамент существования социализма и являвшейся главным источником его прогресса, был взят курс на первоначальное накопление частного капитала через кооперацию. Именно этот капитал стал ударной силой, пробивавшей реставрацию капитализма. Гласность использовалась для того, чтобы открыть шлюзы, через которые хлынул поток антисоветизма, национализма.

Не берусь сейчас сказать, кто действовал тогда, не ведая, что творит, а кто сознательно вел борьбу против советской власти. История еще вынесет свое суждение обо всем этом. Но и сейчас ясно, что именно со стороны группы лиц в высшем руководстве наносился основной удар по социализму. Это дезорганизовало партию, советскую власть, все общество. Перестройка, нацеленная на обновление социализма, привела совсем к иным результатам. Под ее прикрытием были подготовлены условия для слома социализма в Советском Союзе.

Но ни тогда, ни сейчас не была сломлена убежденность людей в том, что многие принципы социализма по-прежнему во-

площают в себе самые высокие, демократические ценности, выработанные человечеством. Люди оглядываются на то хорошее, что принес социализм. Делают выводы и о том, как не повторить того негативного, мрачного, что также было в практике осуществления социалистических преобразований. Но выводы делают и о том, что привело к подрыву экономики нынешней России, к обнищанию большинства населения, к утрате людьми веры в справедливость, в свое будущее.

Чтобы разобраться во всем этом, не ошибиться, они вновь и вновь обращаются к Андропову.

Н.В.Губернаторов

Обновление и подготовка кадров органов КГБ при Ю.В.Андропове

Особые чувства любви и благоговейного уважения к Ю.В.Андропову — этому необыкновенному человеку хранят те, кто близко его знал, работая с ним вместе. Посчастливилось и мне поработать рядом с Юрием Владимировичем.

Умелый организатор, наделенный мудростью ума, духовно-нравственной силой характера, Ю.В.Андропов сумел за годы своего руководства органами государственной безопасности не только излечить КГБ от прошлых болезней, но и сделать его профессиональным, четко действующим механизмом, по эффективности не имевшим себе равных в истории спецслужб всех стран мира.

Не будет преувеличением сказать, что, прежде всего, Ю.В.Андропов совершил для этого настоящую кадровую революцию во всей структуре органов госбезопасности. При этом неоднократно подчеркивал, что «для современных чекистов одного профессионального образования без соответствующего воспитания — недостаточно». Потребовалось коренным образом изменить подбор, подготовку и воспитание кадров, основываясь на принципах гуманности и законности.

С учетом сформулированных задач Ю.В.Андропов приступил к масштабному обновлению чекистских кадров путем их всесторонней подготовки и переподготовки. В Высшей школе КГБ СССР по его инициативе были созданы два новых факультета — вечерний и заочный, для преподавания были приглашены выдающиеся ученые и специалисты. Кроме того, там же были открыты аспирантура и докторантура, а с целью единой подготовки руководящих кадров для спецслужб стран соцсодружества образован специальный факультет.

При самой активной поддержке Ю.В.Андропова прошло организационное оформление Курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС) КГБ, их укомплектование талантливыми преподавателями. Работа КУОС курировалась внешней раз-

ведкой, первыми начальниками этих курсов стали Х.И.Болотов (в 1966–1969 гг.), Г.И.Бояринов (в 1969–1979 гг.), Э.Г.Козлов (в 1980–1981 гг.), которые подготовили для страны ведущих офицеров таких знаменитых спецподразделений, как «Зенит», «Каскад», «Альфа» и «Вымпел».

Преобразования коснулись и периферии. Начиная с 70-х годов в Минске, Киеве, Тбилиси, Ташкенте, Свердловске, Новосибирске и Ленинграде создаются Высшие курсы подготовки оперативного состава КГБ с годичным сроком обучения. В результате через 15 лет все периферийные органы КГБ СССР оказались укомплектованы высококвалифицированными и тщательно подобранными кадровыми сотрудниками.

Вторым безусловным, на мой взгляд, достижением Ю.В.Андропова были существенные изменения, которые ему удалось внести в психологию штатных работников государственной безопасности. Благодаря Ю.В.Андропову в КГБ возобладало внимательное, бережное отношение к людям – будь то собственные сотрудники Комитета, его добровольные помощники или же подозреваемые и подследственные. Я хорошо помню, как Юрий Владимирович однажды с полной серьезностью сказал мне, что, по его глубокому убеждению, высокая мораль и духовность исторически свойственны нашему народу, составляют его нравственную сущность, а, следовательно, данные качества должны отличать и тех, кто обеспечивает безопасность и саму государственность этого народа.

Наконец, третье важное обстоятельство, которое должно быть поставлено в заслугу Ю.В.Андропову как Председателю КГБ, заключается в том, что он смог поставить на значительно более высокий уровень, чем все его предшественники, медицинское обеспечение и улучшение жилищно-бытовых условий жизни сотрудников и ветеранов органов государственной безопасности страны.

Ю.В.Андропов понял, что без исправления укоренившихся недостатков путем обучения и духовно-нравственного воспитания чекистов не обойтись. Как очевидно всем было и то, что в одночасье этого достичь невозможно.

Юрий Владимирович был сориентирован и в том, что в системе органов КГБ было еще одно весьма уязвимое место. Речь идет о зданиях и помещениях, занимаемых различными подразделениями Комитета. Никто этим вопросом не занимался. В результате в этой сфере сложилось критическое положение.

В крайне тяжелом положении находились наши учебные заведения. Высшая школа КГБ размещалась в непригодном старом здании и поэтому не в состоянии была расширить набор и подготовку кадров, а Высшая разведывательная школа ПТУ сиротливо ютилась в ветхих деревянных бараках за городом в лесу. Не лучшее положение с помещениями сложилось и на периферии. Подразделения КГБ размещались, где придется: в зданиях местных органов власти, на производственных предприятиях, в милиции и даже в караульном помещении пожарных. Особенно страдали пограничные войска. Заставы в Карелии и на Дальнем Востоке были ветхими, малопригодными для размещения личного состава. По инициативе Ю.В.Андропова в погранокругах были созданы строительные отделы.

Большое внимание уделил Ю.В.Андропов состоянию дел Секретариата КГБ, работе которого он придавал исключительное значение. Вновь назначенный начальник Секретариата доложил ему, что его поражает большой объем документооборота и обрабатываемой в Секретариате разнообразной информации. Все его отделы перегружены работой, а сотрудников не хватает. Даже шифротелеграммы из резидентур разведки, шифровки из МИДа, также из периферийных органов в первом отделе обрабатываются с запаздыванием. Документы центрального аппарата, особенно проекты приказов и указаний, не рецензируются, юридически не обосновываются и не визируются. Было внесено предложение создавать юридическое бюро с набором туда квалифицированных – по профильным отраслям права – специалистов. Обсуждая этот вопрос, Ю.В.Андропов сказал: «Для КГБ вопрос соблюдения законности, повышения правосознания и правовой культуры должен стать сейчас самой главной, самой неотложной заботой».

Изучив и настроив работу своего штабного подразделения — Секретариата, уточнив задачи и функции его основных отделов, Юрий Владимирович приступил к ознакомлению с деятельностью структур разведки, контрразведки, оперативно-технических служб, пограничных войск.

Первым он принял начальника внешней разведки генерал-полковника А.М.Сахаровского. Ознакомительная беседа с этим заслуженным разведчиком и умным руководителем длилась целый день. Ю.В.Андропов узнал из нее много нового, а в заключение изложил следующие суждения. «Из всех прочитанных мною шифротелеграмм, полученных за последние два дня, — сказал он, — я не нашел ни одного сообщения о положении и обстановке в странах социалистического содружества. Ситуация, которая складывается там, требует пристального внимания. Между тем наши представители в этих странах молчат. А что касается мидовских телеграмм из посольств этих стран, то они информативно бедноваты, в них нет ни глубокого анализа обстановки, ни прогноза развития событий.

Далее, мы не должны снижать и, тем более, терять способность знать, понимать и адекватно оценивать окружающий мир, особенно — политико-стратегические и социальные аспекты его изменений. Радикально быстрые изменения внешнего мира делают его гораздо более опасным, чем раньше — во время относительно стабильного противостояния. Советский Союз все в большей и большей степени зависит от мира, от происходящих в нем изменений, и наше запоздалое понимание этих изменений делает нас более уязвимыми. Уязвимость же, как Вы знаете, это основной критерий государственной безопасности. Кроме того, падающая способность отслеживать и понимать перемены в глобальном масштабе лишает нас возможности внешнеполитической инициативы и способности вырабатывать долгосрочную внешнюю политику, ее стратегию, увязанную с общей стратегией развития нашей страны.

Ситуация с изучением и адекватным пониманием мира продолжает ухудшаться. Академические институты, обслуживающие внешнюю политику, вынуждены опираться исключительно

на иностранные источники, то есть — видеть мир не советскими, а европейскими или американскими глазами. Поэтому прийти к своим собственным выводам без помощи внешней разведки в ЦК и Политбюро становится все труднее.

В связи со всем сказанным и, зная Вас лично с положительной стороны, я хотел бы услышать от Вас, что следует сделать по линии разведки для активизации и повышения эффективности нашей внешней политики».

СосвоейсторонынапоставленныевопросыА.М.Сахаровский ответил так: «Товарищ Председатель, умом и сердцем согласен с Вами, понимаю наши нужды, вижу и заботу со стороны ЦК КПСС. Но, к сожалению, внешняя разведка до сих пор не оправилась от чисток и потрясений, имевших место после ареста Берии и его приближенных.

Были арестованы крупные руководители, видные мастера-аналитики в области разведки. Нет у нас достаточно зрелых глубоких аналитиков, способных обобщать, предвидеть и оптимально прогнозировать развитие событий. Я и мои заместители намерены сформировать при руководителе Главка специальную аналитическую группу, чтобы с ее помощью можно было не только фильтровать, но обобщать и анализировать всю поступающую к нам информацию, а также давать соответствующие оценки и делать прогнозы».

Уже на первой встрече с руководителем разведки были приняты решения о создании ряда новых подразделений, в том числе научно-исследовательского института, в принципе было решено строить для внешней разведки отдельное новое здание и здание для высшего учебного заведения.

После А.М.Сахаровского новый Председатель продолжал принимать начальников других подразделений центрального аппарата, а также местных органов КГБ, знакомясь с тем, как у них обстоят дела. При встрече с начальником Второго главного управления (контрразведка) генералом Г.Ф.Григоренко он сказал: «Я ознакомился с отчетом вашего Главка за прошлый год. Откровенно скажу: впечатление двойственное. С одной стороны, вы с подъемом пишете о положительных результатах

в работе, разоблаченных агентах, и других достижениях. Но в то же время я не нашел в отчете сообщения о перспективах дальнейшей агентурной работы, ее совершенствования, повышения чекистского мастерства. В отчете не поставлена проблема взаимодействия и помощи местным органам КГБ со стороны центра. С моей точки зрения, вам пора переходить от пассивных, заградительных методов работы к более активным. Надеюсь, вы понимаете, что угроза нашей безопасности исходит извне, и при усилении подрывной деятельности противника надо переходить к наступательным методам борьбы. Активнее надо работать в жизненно важных местах, там, где есть государственные секреты, научные достижения или люди, привлекающие внимание противника, например, с целью их использования в качестве агентов влияния. По опыту войны могу утверждать, что контрразведка не должна плестись в хвосте у разведки противника. Надеюсь, у вас есть все возможности, чтобы действовать на опережение противника.

Как у вас с кадрами? Достаточно ли высока их квалификация, опыт, образованность? Поделитесь со мной своими заботами, проблемами. Чем я могу помочь Главку?».

Г.Ф.Григоренко, согласившись с суждениями и замечаниями Юрия Владимировича, сказал: «Что касается кадров оперативного состава, то после шелепинской чистки, опытных работников у нас осталось немного. Им на смену пришли новые работники — без опыта и чекистской подготовки. Я готов направлять их на учебу в нашу Высшую школу, но там нет ни вечернего, ни заочного факультета. Уровень их образованности, особенно по марксизму-ленинизму, советскому праву, а также по логике и психологии крайне низкий. Очевидно, что с такой подготовкой серьезный противник им просто не по зубам. Поэтому, к сожалению, мы нередко ему проигрываем».

«А каков уровень ваших руководящих кадров?» — спросил Андропов.

«Почти все асы контрразведки в нашем Главке, что называется, наперечет. В первую очередь это мои заместители — А.М.Горбатенко и Ф.Л.Щербак. Они здорово мне

помогли, когда меня перевели из ПТУ во 2-й Главк», — заметил Г.Ф. Григоренко.

В заключение беседы Ю.В. Андропов поделился своими соображениями относительно перспектив работы контрразведки. При постоянном наращивании подрывной деятельности противника КГБ пресекает не только его акции, направленные на подрыв государственной безопасности нашей страны, но и на безопасность и дестабилизацию нашего общества. Когда контрразведка разоблачает иностранного шпиона, то советские люди радуются и воздают вам должное. Но когда таковым оказывается советский гражданин, реакция у населения совсем иная. В сознании людей возникают вопросы: как так случилось, почему вовремя не оградили советского человека, дали возможность противнику склонить его на путь предательства? Значит, чекисты не умеют работать на опережение. Ведь вербовка советского гражданина — это растянутый во времени процесс. Где же были чекисты? Почему своевременно не предотвратили сползание в криминал соотечественника? Приблизительно так размышляют наши люди.

И здесь Ю.В. Андропов изложил очень важные для понимания сущности безопасности идеи: «Считаю, что нам давно пора расширить понятие государственной безопасности, в которое входит состояние неуязвимости не только советской власти, ее органов, ее режима, государства в целом, но и всего общества, его коллективов, наконец, каждой отдельной семьи и гражданина. Поэтому я рекомендовал бы контрразведке работать с опережением противника, а в отношении советских граждан ориентироваться, прежде всего, на предупреждение преступлений, а также на общую и персональную профилактику».

Наряду с текущими повседневными заботами в КГБ и в Политбюро Юрий Владимирович начал готовить создание Пятого управления КГБ по борьбе с идеологическими диверсиями противника и вскоре вынес этот вопрос на заседание Коллегии, где он выступил с кратким докладом.

На другой день после Коллегии Юрий Владимирович принял у себя в кабинете руководителей местных органов госбезопасности. Заслушав их доклады о положении дел и обстанов-

ке на местах, он поинтересовался их мнением о решениях, принятых накануне Коллегией КГБ, и был, как потом признавался, огорчен. Все присутствующие руководители в целом одобрили решения Коллегии, но в один голос заявили, что выполнять их будет очень трудно, а порой и просто невозможно.

— Почему? — поинтересовался Андропов.

— Потому, — было сказано ему в ответ, — что у нас не хватает людей, элементарно знающих чекистское дело. Раньше региональные органы госбезопасности регулярно пополнялись за счет выпускников высших чекистских курсов. Но сначала Шелепин существенно урезал в них набор и штат преподавателей, а затем Семичастный и вовсе ликвидировал курсы в Минске, Киеве, Тбилиси, Свердловске и Ленинграде. В результате подбор кадров в КГБ пошел стихийно, людей стали принимать без всякой подготовки. Сейчас мы берем так называемых «зеленых» сотрудников — из студентов гражданских вузов и техникумов и начинаем учить их азам чекистских знаний в процессе работы.

— А возможно ли восстановить эти курсы? — спросил Андропов.

— Не только возможно, но и необходимо сделать это как можно быстрее. Хорошо бы уже в сентябре начать занятия, — хором ответили его собеседники.

— А какова ситуация с условиями, есть ли соответствующие помещения, учебная литература, пособия, наконец, преподаватели?

— Мы почти все сохранили, вплоть до мебели. А чего будет не хватать из учебной литературы и по части программ, то Высшая школа КГБ поможет. Во всяком случае, раньше она нам всегда помогала.

— Я согласен, — констатировал Андропов, — будем решать эти назревшие вопросы.

Ликвидированные Высшие курсы контрразведки в короткое время были восстановлены. Наряду с этим в Высшей школе были созданы Курсы повышения квалификации руководящего состава, на которых прошли переподготовку многие начальники управлений, отделов и их заместители.

Вскоре в Высшей школе предстоял очередной выпуск слушателей. По сложившейся традиции это мероприятие всегда отмечалось торжественно с приглашением родителей выпускников и проведением собрания в актовом зале клуба школы. Юрий Владимирович дал согласие выступить перед выпускниками с поздравлением и напутственным словом.

Юрий Владимирович заблаговременно приехал на Ленинградский проспект, обошел все три этажа здания Высшей школы и посетовал на тесноту ее помещений. Затем в сопровождении своих заместителей и руководства школы прошел в зал клуба, который был забит до отказа преподавателями и слушателями. В приветственном выступлении он сказал: «Дорогие сыновья! От имени ваших родителей, членов Коллегии КГБ и себя лично сердечно поздравляю вас с окончанием Высшей школы КГБ. Упорным трудом вы достигли высшего образования и стали образованными чекистами. Теперь вы собираетесь на практике по долгу, совести и полученным знаниям служить своему Отечеству. Вы займете позиции на самых передовых рубежах по защите безопасности нашей Родины. Особенно вы нужны на этих передовых позициях сейчас, в условиях усиления подрывной деятельности противника против Советского Союза. Недавно Коллегия КГБ приняла решение о задачах борьбы с идеологическими диверсиями. Сейчас на нас обрушилась масштабная волна антисоветизма, настоящий вал враждебной устной и письменной антисоветской агитации. Все это дирижируется и направляется умелыми мастерами из спецслужб США, Англии, Германии и других капиталистических государств. Они стремятся разрушить коммунистическую идеологию, сознание советских людей, их веру в себя, в наши духовные ценности и идеалы. Цель — создать антисоветское подполье и оппозицию существующей власти, чтобы заменить советский строй на удобный им, якобы более свободный и демократический. Они делают ставку в основном на мировоззренчески малоустойчивых людей, стараясь вовлечь их в свои сети. Но иногда их жертвами оказываются и критически настроенные граждане, и так называемые диссиденты.

Задача органов госбезопасности состоит в том, чтобы обеспечить не только безопасность государства от враждебных посягательств, но защитить все советское общество и буквально каждого гражданина нашей страны. Органы КГБ не призваны пресекать инакомыслие или свободомыслие. В этом отношении наша забота заключается в том, чтобы не преследовать идейно слабых и сомневающихся соотечественников, а уберечь и оградить их от плена лживых речей и опасных сетей противника.

Вскоре вы разъедетесь по местам службы и приступите к выполнению своих обязанностей. И я, и ваши родители, и преподаватели желаем вам успеха.

Будьте в гуще народа, соблюдайте закон и справедливость, проявляйте доброту и милосердие, эти чувства рожают патриотизм. Пополняйте свои знания, приобщаясь к родному языку, литературе и духовной силе нашей истории. Ведь и сама наша идеология сложилась в процессе истории. И все мы сейчас живем, соблюдая кодекс строителей коммунизма, который вобрал в себя лучшие исторические духовно-нравственные нормы — от христианских заповедей до народной мудрости, ибо Россия всегда отличалась своей неодолимой духовной силой и всегда поднималась с колен, преодолевая все потрясения.

И последнее, что хотел бы посоветовать вам, — сказал, завершая свое выступление, Андропов. — Постарайтесь быстрее научиться жить и работать по-новому. Для этого необходимо осознать, что период шатаний и расслабления прошел. Пришла пора мобилизовать все силы, знания и энергию, все свои резервы и возможности. Нужно научиться ощущать себя органической частицей своей семьи, своего народа и своей страны. Только такой внутренний стержень будет для вас самым верным компасом в жизни».

После призывно-набатного тона речи Юрия Владимировича в зале на какое-то мгновение воцарилась тишина, которую разорвали шумные аплодисменты. Некоторые родители вставали с места, шли в президиум собрания, чтобы пожать Андропову руку и обнять его.

Я был сильно взволнован, пытаюсь понять, в чем сила проникновенного воздействия на людей этого человека и почему он так легко заморозил аудиторию. Кроме пронизательного ума, способности говорить грамотно, логично и убедительно, в нем безусловно присутствует какая-то незримая, мощно излучаемая энергия, какой-то древний природный замес. Помню, размышляя об этом, мне пришло на память «Житие Сергия Радонежского», вспомнились и другие духовные титаны нашей истории. Тогда я пришел к мысли, что Андропов также, как и они, обладает невероятной духовной силой, верой в правое дело и исключительной искренностью, генетически унаследованными от наших могучих предков-россиян, которые своей несокрушимой верой и душой нараспашку объединяли другие малые народы в великую имперскую Русь.

Вместе с тем, размышляя я, судя по сведениям из курса судебной психиатрии и психологии, не исключено, что Андропов обладает экстрасенсорными способностями. Внутренняя энергетика у таких людей выстраивается и фокусируется в виде энергетического луча, направляемого в область темени головы своего визави. Наиболее же чувствительным каналом восприятия человеком энергетических воздействий является зрительный нерв — самый лучший сенсор из всех, существующих в человеческом организме. Видимо поэтому, во время восприятия речи Андропова, сопровождаемой специфической мимикой, жестами, а, главное, завораживающе-лучистым взглядом его глаз, происходило явление синергии, то есть — соощущение или межчувственная связь между Юрием Владимировичем и его слушателями.

От почти физического ощущения этой связи, я, как, по-видимому, и все, кто был в зале, чувствовал себя совершенно комфортно, на высоком душевном подъеме. Именно тогда у меня зародилась мечта поработать вместе с таким одаренным и неординарным человеком, каким я впервые увидел Ю.В.Андропова.

Вскоре после того, как я защитил на Ученом совете Высшей школы КГБ свою кандидатскую диссертацию, моя мечта приблизилась — меня пригласил работать к себе помощником А.Н.Малыгин, заместитель Ю.В.Андропова.

Еще раньше, учась в аспирантуре, я дважды подменял его прежнего помощника В.Н.Андрианова, когда тот болел. Так что работа помощника была мне знакома, и я на ней был как бы «обкатан» Малыгиным.

По существу я попадал в орбиту деятельности личной команды Андропова, которая уже знала меня и встретила тепло и радушно.

В соответствии со своим стилем и методами работы Андропов часто использовал в деле, помимо собственной исполнительной команды, и такую управленческую структуру КГБ, как совещания своих зампредов, на которых он отрабатывал, обсуждал и решал крупные проблемы. Обычно эти совещания он проводил в столовой за обедом, где ровно в 13.30 собирались все пять его заместителей, если кто-то не был в командировке или в отпуске. Однажды после такой «обеденной летучки» Малыгин вызвал меня к себе и взволнованным голосом рассказал о прошедшем совещании. По его словам, Юрий Владимирович с удовлетворением отметил, что процесс обучения и воспитания кадров тронулся с места. Однако теперь, сказал он, настало время взяться за улучшение жилищных условий сотрудников. Все начальники управлений жалуются на кризис с жильем, оттого и работа страдает. От Моссовета мы получаем крохи, да и те — самого низкого качества.

В этой связи Андропов обратился к председателю Моссовета В.Ф.Промыслову. Владимир Федорович ответил, что строителями помочь не может и предлагает нам строить своими силами. Зато он готов оказывать нам всяческое содействие в плане подготовки архитектурных проектов и выделения под строительство зданий удобных земельных участков.

В течение года были возведены два многоэтажных дома. Многие сотрудники получили благоустроенные квартиры.

В 1971 году в Москве, в метро и на улице 25-го Октября (ныне — Никольская), были совершены террористические акты, которые сильно встревожили весь Комитет и особенно Ю.В.Андропова. Поэтому на очередном совещании со своими зампредами (когда еще проводились оперативно-розыскные мероприятия по поиску террористов) Андропов предложил создать

специальное боевое подразделение по борьбе с террором. Не ясно было только, как это лучше организовать, где и на базе какого управления. Одни предлагали – на базе разведки, другие – контрразведки или даже Пятого управления. Выслушав все мнения, Юрий Владимирович предложил сформировать анти-террористическую группу пока на основе Седьмого управления (наружная разведка).

Одной из постоянных забот Андропова был контроль над выездом в командировку за рубеж советских граждан, главным образом деятелей науки, культуры, руководителей предприятий, министерств и ведомств. Последней и главной инстанцией, дававшей разрешение на выезд или запрещавшей его, была комиссия ЦК КПСС по выездам за границу, заместителем председателя которой от КГБ был А.Н.Малыгин. Андропов неоднократно предостерегал его от необоснованных отказов, призывая быть демократичным и, как он выражался, «не свирепствовать». Помню, как-то в очередной четверг к нам поступил протокол комиссии, где в числе отказников значился популярный артист, бард и поэт В.С.Высоцкий. Ему отказывали в возможности поездки в Париж, к его жене Марине Влади. Обоснования причин отказа в протоколе не было. Была лишь краткая заметка: «УКГБ по г.Москве и области считает выезд нецелесообразным». Малыгин позвонил мне по домофону и велел принести из архива «выездное дело» В.С.Высоцкого. Взяв из архива дело, я изучил его и понес Малыгину. Я доложил, что отказ ничем не обоснован, сказал, что считаю Высоцкого патриотом и уверен, что он может выехать за границу.

Малыгин, сняв трубку домофона, доложил мое мнение Андропову.

В ответ Юрий Владимирович заметил: «Я тоже считаю Володю настоящим патриотом. И, если комиссия откажет ему в выезде, это будет грубая ошибка, позор на весь Союз. Так что ты, Ардалион Николаевич, завтра на комиссии костыми ложись, но добейся положительного решения».

«Хорошо, я так и сделаю», – пообещал Малыгин и получил-таки «добро» в ЦК. А В.С.Высоцкий съездил в Париж и вернул-

ся в Москву, выразив свои впечатления о Париже и всей этой истории в своих известных песнях.

Кроме пристального внимания к подготовке кадров, их образованию и воспитанию, улучшению жилищных условий сотрудников, Юрий Владимирович особо заботился о состоянии здоровья своих подчиненных. Он добился преобразования Медицинского отдела при ХОЗУ в самостоятельное Военно-медицинское управление.

На Малой Лубянке была построена стоматологическая поликлиника, оснащенная закупленным в ФРГ новейшим оборудованием по изготовлению металлокерамики.

На Волоколамском шоссе, в лесу, рядом со старым госпиталем началось строительство нового госпиталя. В Эссентуках, Ялте, Сочи, Геленджике открылись профильные санатории. На Азовском и Черном море, а также под Москвой было организовано пять пионерских лагерей («Маяк», «Чайка», «Огонек» и др.).

Большую радость у всех сотрудников Комитета вызвало решение Политбюро, принятия которого упорно добивался Андропов, о строительстве комплекса новых зданий Высшей школы КГБ. На это строительство было выделено 50 млн. рублей. Ведение работ возлагалось на «Моспромстрой» и было рассчитано на два года. Исполком Моссовета и сам В.Ф.Промыслов приняли этот подряд с воодушевлением и быстро выделили под строительство участок земли на улице Пельше, практически напротив нового Олимпийского комплекса, где будет можно заниматься физической подготовкой.

Исполнительная команда Андропова работала с напряжением, помогая ему устранять недостатки и совершенствовать систему управления КГБ. В 1971 году возглавлявший Секретариат В.А.Крючков был переведен на должность первого заместителя начальника ПТУ. Вместо него руководителем Секретариата Андропова был назначен Е.Д.Карпещенко, опытный администратор, кандидат юридических наук, пришедший в КГБ из ЦК КПСС вместе с Андроповым. По указанию Андропова, он создал дежурную службу КГБ, в состав которой были набраны специ-

алисты разного профиля — следователи, розыскники, взрывотехники и другие, и организовал их прочное взаимодействие с группой антитеррора «Альфа» на случай какого-либо чрезвычайного происшествия.

И все же в поле деятельности команды оставался важный, никем не прикрытый участок работы, связанный с обработкой писем, текущей корреспонденции и приемом граждан в Приемной КГБ на Кузнецком мосту. Поток писем посетителей постоянно возрастал, и существовавший в Секретариате отдел писем уже не мог справиться с таким объемом работы. Проблема усугублялась тем, что при обработке этой корреспонденции требовались разносторонние юридические знания. Ранее этот участок курировал Карпешенко, но с его перемещением образовался вакуум. И это при том, что Андропов уделял письмам и посетителям Приемной самое пристальное внимание. Кураторство Приемной и отделом писем он предложил возглавить мне. «Ты — юрист, кандидат наук, работу и людей в отделе, Приемной и Секретариате знаешь, — подытожил разговор Карпешенко. И еще поручаю тебе разработать Положение о юридическом статусе новой структуры под названием Управление делами КГБ СССР, которое должно заменить нынешний Секретариат. Мы уже давно переросли старую структуру, да и звания пора поднимать. Это предложение исходит от Юрия Владимировича, и я его проработку возлагаю на тебя и моего первого зама Андрея Сидоренко, он тоже юрист и кандидат наук».

Через два дня Карпешенко представил меня Председателю. Когда я вошел в кабинет и сел, Андропов заговорил первым, пристально глядя мне в глаза. Из криминалистики и своей следственной практики я знал, что через глаза собеседника можно воспринимать дополнительную информацию о нем. Именно по глазам мы судим в первую очередь о человеке, когда знакомимся с ним и составляем начальное суждение о его личности. По глазам мы можем узнать очень многое об их владельце, — эмоциональном складе его характера, открытости, о ментальных характеристиках — таких, как воля, доброта, злобность, трусость и т.д.

Неожиданно Андропов спросил меня:

– А вы на каких фронтах воевали? На Карельском случайно не довелось?

– Нет, – говорю, – я начал воевать на Сталинградском, затем продолжил на 4-м Украинском и закончил войну в составе 1-го Прибалтийского.

– А где было тяжелее всего?

– Пожалуй, особенно тяжело пришлось при форсировании Сиваша в ноябре 1943 (я тогда плавать не умел) и при штурме Сапун-горы при освобождении Севастополя. Там меня ранило и контузило.

– Вы когда-нибудь работали с письмами? – продолжал Андропов.

– Да, письмами граждан я занимался, когда работал военным прокурором в Главной военной прокуратуре.

– Значит, дело знакомое. Но у нас в КГБ есть своя специфика, ее придется осваивать. Главное – это чуткость, доброта, справедливость и как можно меньше необоснованных отказов в ответах. И, напротив, – побольше внимания, сердечности к нашим посетителям в Приемной.

– Ну что ж, – резюмировал, улыбаясь, Андропов. – Рад был познакомиться с фронтовиком. Желаю успешной работы в составе нашей команды.

Уходил я от Юрия Владимировича взволнованным и приступил к работе, заряженный его положительной энергетикой.

До 1982 года (когда мне поручили возглавить научно-исследовательский отдел Высшей школы КГБ) я и весь мой отдел писем трудились напряженно и старательно, стремясь не допускать промахов и ошибок. Мы исходили из того, что за каждой жалобой, каждым письменным обращением – особенно к Председателю – стоит личная боль и, возможно, судьба человека. Письма, адресованные лично Юрию Владимировичу, я обычно представлял ему с приложением краткой справки или пояснительной записки. Признаюсь, не всегда мои пояснения оказывались удачными. Тогда я краснел, а спина становилась влажной после выслушивания тактичных, но и едких замечаний Андропова.

Меня всегда удивляла, как мне казалось, чрезмерно скрупулезная внимательность Андропова к любому частному случаю, факту, обозначенному в той или иной жалобе или заявлении. Он же видел в этих частных случаях острые грани наболевших проблем для всего Комитета государственной безопасности.

Приведу небольшой пример. Весной 1980 года на имя Ю.В.Андропова пришло письмо от ветерана УКГБ по Ростовской области Ю.М.Карасева, которому в форме бездушной отписки отказали в выделении положенной ему путевки в санаторий.

После ознакомления с этим письмом и приложенной к нему моей докладной запиской Ю.В.Андропов не только распорядился оказать пенсионеру всяческую помощь, но и произвести в УКГБ по Ростовской области тщательную проверку на предмет выявления других случаев формального, равнодушного отношения к заслуженным ветеранам и действующим работникам органов госбезопасности.

Не менее острой была реакция Председателя и на другие письма.

Приведу еще два весьма показательных примера, связанных с обращениями на имя Андропова гг. Дарчиева и Асанова.

(1) СПРАВКА

Майор Асанов А.В., старший оперуполномоченный группы анализа и обобщения отдела УКГБ по Краснодарскому краю в г.Сочи, уволенный в апреле с.г. по возрасту в отставку, обратился в КГБ СССР с письмом (№ 415/6816 от 25.04.79), в котором указывал на ряд недостатков в практике подготовки и увольнения лиц офицерского состава и работе с пенсионерами, а также в воспитательной работе и вопросах награждения сотрудников орденами, знаками «Почетный сотрудник». Высказал свои соображения по исправлению этих недостатков.

Полковник Н.В.Губернаторов.

Письмо направлено тов. В.Я.Лежепекову, тов. Г.Е.Агееву с указанием:

«Я бы придал письму тов. Ассанова должное значение и не стал бы относиться к нему так, как делает автор справки – аннотации (Ассанов утверждает, что юбилейными значками 50 лет ВЧК-КГБ не награждены многие сотрудники, прослужившие 25 и более лет). Почему сразу такой недоброжелательный тон? А если и в самом деле где-то остались люди, которых в силу тех или иных причин не наградили? Разве письмо тов. Ассанова – не повод, чтобы проверить: так ли это? И снять вероятную обиду у людей.

Но самое главное в письме тов. Ассанова другое. Досадно не то, что приходится покинуть военную службу, на которой он провел 40 лет. Он (Ассанов) понимает, что срок пришел и уходить надо, но внутренне с этим он не согласен, и его справедливо обижает, что сидящие в зале молодые непочтительны к ветерану.

Но особенно справедливо пишет он, что “невнимание к старому солдату наводит на мысль о том, что и их ждет это же”. Справедливости ради скажем, что “это” ждет каждого из нас. Именно ввиду глобальности указанного вопроса мне кажется совершенно необходимым вникнуть в него с позиции людей, оставляющих военную службу. Тут возникает миллион вопросов, например:

1. Кто и по каким критериям решает судьбу чекистов? Почему один уходит на пенсию в 60 лет, другой работает дольше? (Я вовсе не против этого, но хочется быть уверенным, что здесь нет произвола, волюнтаризма).

2. Почему, несмотря на все наши решения, на пенсию и сейчас идут люди в 50 лет? Видимо, все еще действует принцип, перенесенный в КГБ механически из армии (хотя и в самой армии этот принцип пересматривается. Людей-то не хватает).

3. Возникает особый вопрос об отношении к товарищам, вышедшим на пенсию. Можно понять раздражение людей, которые после 30–40 лет напряженной работы в органах оказываются перед перспективой “спокойного житья на пенсионных харчах”. А ведь среди них немало людей еще практически здоровых, могущих быть привлеченными тем или иным образом

к полезной деятельности в КГБ или его подшефных организациях. Подумайте обо всем этом, соберите материалы. Может быть, следует этот вопрос обсудить специально.

Андропов.

30 апреля 1979 года.

(2) СПРАВКА

Тов. Андроповым Ю.В. рассмотрен ряд заявлений Дарчиева с жалобой на якобы необоснованное его увольнение из системы Минвнешторга по материалам органов госбезопасности.

На одном из заявлений тов. Андропов Ю.В. написал:

тт. Цвигуну С.К., Щербаку Ф.А., Лежепекову В.Я., Агееву Г.Е.
Товарищи!

На письме тов. Дарчиева я написал резолюцию: “либо попытаются оговорить нашего работника, тогда надо за него заступиться, либо наш работник неправ, и тогда нужно принимать меры”. Учиня такую резолюцию, я считал, что это задача непростая и поэтому назвал для ее решения очень авторитетные фамилии. А авторитетные товарищи написали справку и предлагают поручить объявить ее выводы скромному работнику Приемной (зам. нач. отдела). Но ведь разговор с Дарчиевым есть самая ответственная стадия работы с жалобой. Если истец (выражаясь судебным языком) не будет убежден, что его жалобу рассмотрели ответственные лица, он будет жаловаться снова и снова. Вот так и рождаются нежелательные для нас явления.

Поэтому будьте добры довести дело до конца (поскольку тов. Цвигун болен, прошу подключиться к этому делу тов. Пирожкова В.П.).

Андропов.

P.S. Если дело сложное и деликатное, не следует “финтить”, надо добираться до правды — она важнее всего.

Нет сомнения в том, что, находясь продолжительное время во главе КГБ, а затем возглавляя и все советское государство, Ю.В.Андропов был одним из самых информированных людей в мире. Он получал сведения из самых разных надежных источ-

ников, включая радиоперехваты и «прослушку» телефонных разговоров тех лиц, которые попадали в сферу пристального внимания КГБ, как в самом СССР, так и за рубежом. Если к этому добавить природный ум, высокую порядочность, исключительную тактичность Юрия Владимировича, с одной стороны, и его безграничную преданность своей Родине и идеалам социализма (не омраченным кровавыми преступлениями и коррупцией) — с другой, то читатель поймет, какими страшными дилеммами был озабочен этот человек. Ведь он, как никто другой, осознавал, откуда и какая опасность грозит самому существованию Советского Союза, социалистического содружества, понимал, что нужны глубокие, но не убийственно-шокирующие изменения в политике и экономике, искренне желая своим соратникам и согражданам добра, прогресса и процветания. Вот лишь пара цитат из его богатейшего идейного наследия, а какая в них концентрация мыслей, сопряженных не с прошлым, а с сегодняшним днем нашей великой страны!

«Почему от огромных капиталовложений мы сейчас не получаем должной отдачи, почему не удовлетворяющими нас темпами осваиваются в производстве достижения науки, техники? Причин, конечно, можно назвать немало. Нельзя прежде всего не видеть, что наша работа, направленная на совершенствование хозяйственного механизма, форм и методов управления, отстала от требований, предъявляемых достигнутым уровнем материально-технического, социального, духовного развития общества. Во главу угла выдвигается сегодня задача продумать и последовательно осуществить меры, способные дать больший простор действию колоссальных созидательных сил, заложенных в нашей экономике. Эти меры должны быть тщательно подготовленными, реалистическими...»

«...Нам надо трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед — значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом — значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется».

К сожалению, широкая общественность слишком мало пока знает правды о жизни и деятельности Ю.В.Андропова, о мучивших его мыслях и заботах.

Хотелось бы верить, что рано или поздно с образа этого замечательного человека, крупного государственного деятеля XX столетия спадет все еще искажающий его плотный слой досужих измышлений. А мысли и дела Юрия Владимировича станут не только предметом непредвзятого и открытого изучения, но и всяческого уважения соотечественников, которое он, безусловно, заслужил.

С.А.Кондрашев

Мои впечатления о Ю.В.Андропове

Приход Ю.В.Андропова в Комитет государственной безопасности ознаменовал наступление новой эпохи в органах КГБ в понимании каждым сотрудником своих задач и перспектив. Уже на первой встрече с руководящим составом КГБ Юрий Владимирович показал обширность задач стоящих перед оперативным составом Комитета в свете возросших проблем, а также перед страной и не находивших пока своего решения. Руководящий состав понял, что речь идет не о продолжении работы по заведенной схеме, а о поиске новых решений в создавшемся застое в народном хозяйстве, внутренней политике и международных отношениях.

Не забуду первую беседу с Юрием Владимировичем вскоре после прихода его в КГБ. Подчеркнув, что он надеется и рассчитывает в предстоящей работе использовать и полагаться на мой оперативный опыт и навыки работы с иностранными источниками, он просил прямо и откровенно ему докладывать в тех случаях, когда, по моему мнению, какие-то его высказывания или действия вызывают у меня вопросы или тем более критические замечания. В моей многолетней практике работы мне не приходилось встречать другого руководителя такого уровня с таким отношением к работе с подчиненным офицером. Чаще приходилось встречать руководителей, убежденных в том, что они знают любой вопрос лучше подчиненного офицера.

События, происходившие в Европе вскоре после прихода Ю.В.Андропова в КГБ, вызвали необходимость моей тесной работы с Ю.В.Андроповым.

Кризис нарастал постепенно. Народное недовольство развивалось в Чехословакии в период 60-х. Жесткое партийное и правительственное руководство Антонина Новотного оказалось в состоянии предложить только старые решения новым экономическим и социальным проблемам. Даже в партии раздавались голоса в пользу реформ — и среди них с растущим

влиянием голос Александра Дубчека. В конце 1967 он стал силой, с которой необходимо было считаться. Во второй половине мая 1968 года перед Москвой маячила опасность, угрожавшая существованию Варшавского пакта и мирового коммунистического движения. Она возникла в результате изменений, произведенных чехословацкими руководителями под руководством Александра Дубчека.

Весной 1968 произошли события, получившие название «Пражская весна». Выполняя поручения Андропова и готовя для него материалы, я оказался вовлеченным в работу высшего органа в Кремле по принятию решений во время крупного кризиса в отношении событий, которые повлияли на будущее Европы и всего мира.

Около 20-х чисел мая 1968 года Политбюро ЦК КПСС образовало «группу пяти» (пятерка) членов Политбюро и предоставило им право принятия решений. Под председательством Генерального секретаря Леонида Брежнева пятерка включала Юрия Андропова (председателя КГБ), Андрея Громыко (министра иностранных дел), Дмитрия Устинова (министра обороны) и Михаила Суслова, представлявшего руководство партии. Суслова иногда подменял представитель в лице Бориса Пономарева, Секретаря ЦК и руководителя Международного отдела ЦК КПСС. У других не было замены, и их никогда не заменяли подчиненные. Если кто-либо из них не мог присутствовать, совещание не проводилось.

Пятерка образовала рабочую группу (рабочая группа «пятерки» Политбюро по Чехословакии) из четырех представителей, по одному из КГБ, Министерства иностранных дел, Министерства обороны и ЦК партии. В задачи группы входило обеспечивать членов «пятерки» своевременной информацией о развитии обстановки в Чехословакии и других районах, помогать в подготовке указаний различным ведомствам, координировать полученную информацию и необходимые действия всех участников, вовлеченных в Чехословацкие события. Рабочая группа, состоявшая из четырех человек, включала вице-адмирала Леонида Константиновича Бекренева, заместителя

начальника военной разведки (ГРУ), представлявшего Министерство обороны и Генеральный штаб и помогавшего Устинову Анатолия Ивановича Блатова, опытного члена Коллегии Министерства иностранных дел, работавшего с А.А.Громыко. Международный отдел ЦК представлял Николай Константинович Шишлин, который в первую очередь помогал Суслову, работая в так называемом «Отделе Центрального Комитета», отвечавшего за развитие обстановки в правящих партиях стран народной демократии. Я был членом рабочей группы от КГБ, помогая Ю.В.Андропову. Хотя я только недавно был назначен заместителем начальника внешней разведки, Андропов видел меня, несомненно, как близко стоявшего к Чехословацким делам. В течение нескольких лет как руководитель Германского отдела я информировал советское руководство о возрастающей нестабильности в социалистических странах, соседних с ГДР.

Пятерка обычно собиралась дважды в неделю, как правило, утром в понедельник в 10.00 и затем снова в течение недели — иногда после обеда в четверг или в пятницу утром. Встречи могли занимать два или три часа.

Но члены пятерки могли изменять порядок, если обстоятельства требовали этого. В первые месяцы кризиса, двух встреч в неделю обычно было достаточно, но при нарастании событий в июле и августе пятерка встречалась почти ежедневно. Заседание созывалось, если один из членов получал информацию (обычно через одного из нас в Рабочей группе), которая требовала срочного рассмотрения и решения.

В дни заседаний пятерки я приходил в свой кабинет в КГБ раньше обычного, чтобы подготовить последние сведения для доклада Ю.В.Андропову перед его выходом в здание ЦК. Он был сторонником точности в определении событий, вне зависимости от быстроты их сменяемости. Он приезжал в свой кабинет пунктуально в 9.00, но уже с дороги звонил по телефону из машины двум-трем сотрудникам, занимающимся ключевыми проблемами, и таким образом сразу по прибытии он мог заниматься приоритетами. Во время Пражской весны не проходило дня без такого утреннего звонка, хотя накануне я мог быть дважды у него

в кабинете или даже звонил ему по телефону вечером на дачу или квартиру, что происходило достаточно часто. Таким образом, в течение всего периода развития событий в Чехословакии мне пришлось самым тесным образом работать с Ю.В.Андроповым.

Второй период работы с Ю.В.Андроповым, который мне хотелось бы отметить, относится к периоду с августа 1974 с перерывами до середины 1983 года, когда по его указанию я участвовал в подготовке Заключительного Акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятого 1 августа 1975 года в Хельсинки и в последующих мероприятиях, определенных этим Заключительным Актом. О процессе СБСЕ написано уже много. В порядке иллюстрации огромной роли, которую сыграл Юрий Владимирович в области прав человека и основных свобод, я хотел бы сослаться на статью американского посла Макса Кампельмана в газете «Вашингтон-Пост» за 10 июня 2004 года. В этой статье Макс Кампельман рассказывает, что Рональд Рейган, став президентом в 1982 году, встретился с проблемой затруднявшей улучшение отношений с Советским Союзом. В течение уже нескольких лет группа лиц религиозной секты «пятидесятников» устраивала демонстрации на Дальнем Востоке и в Москве, а семь человек этой группы прорвались в американское посольство в Москве. Они боялись выйти из посольства, опасаясь ареста, а американцы не могли их заставить покинуть посольство из тех же соображений. Попытки решить эту проблему дипломатическим путем результатов не дали.

Президент Рейган и Госсекретарь Шульц поручили Кампельману попытаться решить этот вопрос через советскую делегацию на Мадридской встрече СБСЕ. Кампельман обратился с этим вопросом ко мне, подчеркнув, что Рейган придает этому вопросу в начале своего президентства большое значение. Тогда я, посоветовавшись с И.А.Маркеловым, в то время начальником контрразведки, предложил Ю.В.Андропову сказать Кампельману о возможности организовать выезд из Союза в Израиль большой группы «пятидесятников», поскольку часть из них ставила вопрос о выезде в Израиль, но при условии, что вместе с ними выедут и те семь человек, которые находились в американском

посольстве. Юрий Владимирович утвердил мой план. Кампельман согласился и организовал выезд двух больших семей «пятидесятников» и благодарил нас за этот жест. Насколько помню, тогда выехало больше шестидесяти человек, включая и семерых, сидевших в посольстве.

В период работы на совещаниях и конференциях СБСЕ я имел возможность докладывать Юрию Владимировичу много непростых вопросов в области прав человека, основных свобод и других главных статей Заключительного Акта.

Я хотел бы сказать, что без активного участия и поддержки Юрия Владимировича Андропова разработка Заключительного Акта не была бы возможной. Все окончательные формулировки этого важнейшего документа современности согласовывались Юрием Владимировичем с членами Политбюро Громыко, Суловым и Устиновым. Принятие этого важного документа являлось одним из самых крупных событий в международных отношениях.

В.Г. Митяев
**Стиль работы Ю.В. Андропова
и его отношение к людям**

Воспоминания о Ю.В. Андропове могли бы написать многие десятки работников КГБ, поскольку руководство Комитетом он осуществлял не путем указаний и распоряжений через начальников управлений и лично подчиненных ему сотрудников, а привлекал к обсуждению всех важных вопросов начальников соответствующих отделов, резидентов и рядовых работников — специалистов по конкретным проблемам.

Личные впечатления сотрудников из его непосредственного окружения, работавших с ним повседневно, работников Секретариата КГБ, помощников Председателя Комитета, членов Группы консультантов Андропова о стиле его работы, его человеческих качествах, являются лишь частью того, что можно сказать об этом талантливом и выдающемся человеке.

Группа консультантов Председателя КГБ поначалу состояла из двух частей: в ряде случаев в нее на год-два направлялись заслуженные руководители управлений, на место которых назначались более молодые работники. Какое-то время эти члены Группы консультировали Председателя по проблемам своих управлений и затем уходили в полную отставку. В период моей работы в составе Группы консультантов там поочередно работали начальники ПГУ (Первое главное управление — разведка) Александр Михайлович Сахаровский и Федор Константинович Мортин, начальник Восьмого главного управления (разработка шифров и дешифровка) Георгий Артемьевич Усиков. Во вторую часть Группы входили постоянные работники, которых подбирал Юрий Владимирович из лично ему известных людей в КГБ, в ЦК КПСС, в посольстве в Венгрии. Им поручались постоянные направления деятельности и, кроме того, давались задания по самым различным вопросам.

Я впервые встретился с Юрием Владимировичем Андроповым в 1973 году, когда был заместителем начальника Ин-

формационной службы разведки. Ю.В.Андропов регулярно раз в неделю приезжал в Первое главное управление, где у него был постоянный кабинет. Там он беседовал с резидентами, начальниками отделов, проводил совещания по важным вопросам деятельности разведки. На одном таком совещании с участием руководства ПГУ и ряда начальников отделов обсуждались вопросы отношений с Соединенными Штатами и задачи ПГУ в этой связи. Я присутствовал там как американист. К этому времени я 20 лет (с момента прихода в разведку) занимался проблемами США. В ходе обсуждения один из участников совещания затронул вопрос о том, какова в США процедура принятия решения о ядерном ударе по Советскому Союзу. Я попросил слова, сказав, что выступавший не совсем правильно осветил этот вопрос и затем кратко изложил процесс принятия такого решения и осуществляемых при этом чрезвычайных мероприятий. На другой день начальник Информационной службы Андрей Семенович Смирнов, человек, которого все окружающие не только уважали как квалифицированного руководителя, но и любили как человека высоких душевных качеств, вызвал меня к себе и рассказал, что ему только что позвонил Юрий Владимирович в связи с рассматриваемым им информационным материалом, направляемым в ЦК КПСС, и в конце беседы заявил: «Я думал, что ваши заместители в основном управленцы, а вчерашнее выступление показало, что они специалисты, глубоко и конкретно знающие свои проблемы». Андрей Семенович, видимо, не пожалел хороших слов в мой адрес и добавил, что такими же квалифицированными специалистами являются и его заместители по другим направлениям.

После этого случая прошел год. Шли переговоры о заключении с США второго соглашения по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-2). В этой связи было принято решение о создании Комиссии руководителей страны по проблемам ОСВ, которая определяла бы позицию СССР на переговорах и следила за их развитием. В нее вошли министр обороны А.А.Гречко, курирующий вопросы оборонной промышленности в ЦК КПСС Д.Ф.Устинов, министр иностранных дел А.А.Громыко

и Ю.В.Андропов. Для подготовки наших конкретных позиций на переговорах, их развития, дополнений и, если потребуется, изменений в зависимости от хода переговоров при Министерстве Обороны была организована рабочая группа. Председателем группы был вначале заместитель начальника Генштаба Михаил Михайлович Козлов, а затем начальник Главного оперативного управления Генштаба Сергей Федорович Ахромеев. В нее вошли представители названных выше руководителей – начальник отдела США МИД Георгий Маркович Корниенко, а когда он стал заместителем министра, Виктор Георгиевич Комплектов, заместитель оборонного отдела ЦК КПСС Николай Николаевич Детинов, начальник отдела Военно-промышленной комиссии (ВПК) Краснослов Григорьевич Осадчиев. Потребовался и представитель от Юрия Владимировича Андропова.

Летом 1974 года Юрий Владимирович вызвал меня, предложив стать членом Группы консультантов и в качестве такового быть его представителем в рабочем органе по выработке позиций к переговорам по ОСВ-2. Меня приятно поразил тон беседы: предложение делалось не в приказном порядке, Андропов подчеркивал важность предлагаемой работы, говорил, что для меня это является значительным продвижением по службе. Я сразу же согласился: работа представлялась интересной, не говоря уже о личном удовлетворении доверием председателя КГБ.

С первого же заседания рабочей группы я убедился, что ее члены являются глубокими специалистами по проблемам ракетных сил СССР и США, в том числе по их техническим характеристикам. В последней области я знал очень мало, поэтому мне вначале часто было непонятно, по каким причинам мы отстаиваем те или иные позиции и конкретные формулировки на переговорах и твердо отвергаем американские предложения. Но я сразу же принял за правило задавать вопросы по всем не ясным для меня позициям. С чувством благодарности вспоминаю доброжелательность, с которой Ахромеев, Детинов, и Осадчиев разъясняли мне совершенно непонятные для любого, не знающего суть дела, формулировки. А впоследствии оказалось, что некоторые из моих вопросов вызывали дискуссии между членами группы

и что не все (в свое время оправданные) позиции в новых условиях были однозначно необходимы и даже выгодны для СССР. Это объяснялось тем, что с одной стороны, наши ракетные силы достигли высокой степени совершенства и не было необходимости (как ранее) скрывать ушедшие в прошлое их слабые стороны и, с другой стороны, тем, что космическая разведка сделала возможным (и для США, и для нас) не только точно определять места расположения и строительства ракетных баз, но и различать, какие типы ракет на них размещены.

В зависимости от задач, стоявших не переговорах, Рабочая группа работала над подготовкой наших позиций от недели до месяца с 10 часов утра и до 2–3 часов ночи. Когда же очередные позиции для переговоров утверждались и направлялись нашей делегации, такая интенсивная работа прерывалась, и мы лишь отслеживали и обсуждали ход переговоров, а иногда разрабатывали дополнительные указания.

О подготовке позиций по ОСВ я регулярно докладывал Юрию Владимировичу Андропову. Подробно останавливаться на докладах председателю КГБ по проблемам ОСВ в этом материале нет смысла. Но отдельные моменты, мне кажется, были бы интересны с точки зрения раскрытия стиля работы Ю.В.Андропова. Прежде всего я указывал в докладах на неприемлемые предложения США, которые давали им очевидные преимущества и должны были твердо отклоняться на переговорах, а также отмечал американские формулировки, которые члены Рабочей группы считали возможным включить в текст соглашения, полагая, что они не повредят нашей безопасности и дадут равные возможности для контроля над стратегическим потенциалом противника. Например, долгое время американская сторона настаивала, чтобы мощность боезарядов, помещенных в головной части ракеты, определялась по весу этой головной части, после отделения от нее всех несущих ступеней. Учитывая, что внешние стенки советских ракет были значительно толще и тяжелее американских, это давало бы американцам возможность преувеличивать нашу ядерную мощь и настаивать на необоснованных уступках. В результате твердой позиции советской

стороны по данному вопросу, США были вынуждены согласиться на зачет в качестве поражающей мощи ядерных сил двух сторон количество и вес боеголовок, размещенных на межконтинентальной баллистической ракете (МБР). Для каждого вида МБР это достаточно точно устанавливалось в ходе взаимного наблюдения за испытаниями ракет.

После моего доклада Юрий Владимирович читал разработанные инструкции целиком (обычно при мне), задавал в случае необходимости уточняющие вопросы и оставлял их у себя. Через день-два он сообщал мне по телефону, что согласен подписать документ. Члены рабочей группы в этот период перезванивались между собой и сообщали друг другу о реакции своих руководителей. Когда очередные указания для переговоров по ОСВ были изучены всеми участниками правительственной комиссии и согласие на их подписание было получено, я сообщал об этом Юрию Владимировичу. После этого в течение короткого времени документ утверждался и направлялся руководителю советской делегации на переговорах.

Каждая формулировка соглашения по ОСВ-2 обсуждалась в рабочей группе всесторонне и тщательно с учетом материалов Генштаба и мнения специалистов, непосредственно отвечающих за боеспособность и безопасность ядерных стратегических сил СССР. В конечном итоге вырабатывалось взвешенное совместное мнение всех участников рабочей группы, которое докладывалось членам Комиссии по ОСВ как общая позиция группы.

Докладывая Ю.В.Андропову этот проект, я отметил пункт, на который не было получено согласия представителя Министерства Обороны. Речь шла о предложении американцев засчитывать количество МБР определенного типа у каждой из сторон по числу шахтных пусковых установок (ПУ), в которых размещались эти ракеты. На практике определить точно, какая ракета установлена в ПУ космическими и иными средствами технической разведки было невозможно (за исключением случаев, когда из шахты производился испытательный пуск ракеты). В то же время каждому типу ракет соответствовали ПУ с определенными особенностями. Так, американцам было известно, что советская

ракета СС-18 (по терминологии США), способная при оснащении одним мощным боезарядом уничтожить любой крупный город США или нести в своей головной части до 10 ядерных боеголовок меньшей мощности, располагалась в шахтах больших размеров и ряд подсобных служб ее пусковой установки имели иную конфигурацию и размеры, чем шахты и службы более совершенной, но менее мощной советской ракеты СС-19, способной нести до 6-ти ядерных боеголовок. Специалисты (и американские, и наши) знали, что ракета СС-19 могла быть в принципе размещена и в ПУ СС-18. Но строить такие установки для меньшей ракеты было нецелесообразно. Решение о снятии с вооружения ракеты СС-18 было у нас уже принято. В то же время происходило развертывание СС-19. В этой связи министр обороны А.А.Гречко считал возможным размещать эти ракеты в шахтах, освобождающихся от ракет СС-18, и не строить новые шахты. Это вызвало решительные возражения американской стороны. Указывалось, что, если пусковые установки СС-18 не будут уничтожены, там могут быть размещены не ракеты СС-19, а вновь установлены ракеты СС-18. И никакими техническими средствами это не может быть обнаружено. Инспекция на месте для проверки договоренностей в тот период отвергалась. Принцип, — определенная ПУ содержит ракету определенного типа, — должен соблюдаться — заявляли американцы. Министр обороны настаивал, что поскольку СССР дал обязательства уничтожить ракеты СС-18, то американцы должны этому верить, а без взаимного доверия невозможно, мол, никакое соглашение. Я указал в докладе Ю.В.Андропову, что как отмечалось в рабочей группе, — эту точку зрения, возможно, был бы смысл отстаивать, если бы советская сторона не была заинтересована в американской формулировке. Дело в том, что состоящие на вооружении США МБР Минитмен-2 (однозарядные) и Минитмен-3 (несущие по 3 боеголовки) по своим габаритам мало отличались друг от друга. Минитмен-3 могла быть легко размещена в шахтах ракет Минитмен-2, которые, по американским планам, подлежали постепенному уничтожению. В этом случае, если бы их ПУ использовались для размещения ракет Минитмен-3, мы не могли

бы точно оценить реальную ядерную мощь США. Поэтому наши специалисты поддерживали предложение, что все ПУ уничтожаемых ракет должны быть демонтированы, а если хотя бы одна ПУ содержит ракету определенного типа, то все такие ПУ считаются оснащенными такими же ракетами.

Выслушав эти соображения, Юрий Владимирович спросил: «А как обосновывало свою позицию Министерство Обороны?». Я ответил, что основным и единственным доводом было сохранить ПУ СС-18 для размещения ракет СС-19 и не тратить средства для строительства новых шахт. «Сократить расходы таким образом было бы, конечно, неплохо. Но это не продвинет вперед договоренность по ОСВ, и в итоге может обойтись нам дороже», — заметил Ю.В.Андропов. Я добавил, что С.Ф.Ахромеев в ходе обсуждения на Рабочей группе неофициально заявлял, что лично он понимает целесообразность зачета числа ракет определенного типа по признакам предназначенных для них ПУ и что пытался убедить в этом своего министра. Однако, получив твердый приказ А.А.Гречко, он не может поддержать эту позицию на Рабочей группе. После этого, сообщил я Ю.В.Андропову, все члены рабочей группы (кроме Ахромеева) решили доложить о сложившейся ситуации своим руководителям и рекомендовать им включить соответствующую формулировку в готовящиеся инструкции для переговоров.

Выслушав доклад, Юрий Владимирович оставил документ у себя и сказал, что сообщит мне о своем решении. На следующий день он позвонил и сказал, что я могу уведомить всех членов Рабочей группы о согласии КГБ с мнением ее большинства. А.А.Громыко и Д.Ф.Устинов также поддержали это мнение, и очередные инструкции были утверждены правительственной комиссией по ОСВ.

Такая тщательная проработка деталей соглашения об ОСВ-2 высшими руководителями государства обеспечила полное равенство СССР и США в заключенном в мае 1979 года Соглашении по стратегическим вооружениям.

Выражая удовлетворение ходом переговоров по ОСВ, Ю.В.Андропов отметил, что США наконец-то осознали свое

бессилие в попытках превзойти СССР в военном отношении и одержать победу в войне и ведут диалог с нами, не пытаясь грубым давлением добиться преимущества в свою пользу. В этой связи я отметил, что такая полная переоценка соотношения сил началась сразу же после запуска первого советского спутника. Вскоре после этого Киссинджер, тогда еще рядовой гражданский профессор, считающий себя лучшим в США специалистом по проблемам ядерной войны, заявил: «Америка больше не недосыгаема, Америка больше не неуязвима». «Да, — заявил Ю.В. Андропов, — к настоящему времени, видимо, большая часть американской властной верхушки осознала эту истину».

Следует отметить, что одновременно две страны подтвердили договор о неразвертывании противоракетной обороны (ПРО). Этим США как бы давали Советскому Союзу определенные гарантии, что они не примут решения о внезапном первом ударе по его ракетным базам, — уничтожение всей ракетной ядерной мощи СССР при равном соотношении стратегических сил было ни практически, ни теоретически невозможным, а ответный удар даже небольшой сохранившейся частью МБР, по признанию американских специалистов, разрушил бы всю современную промышленность США, отбросил бы экономику страны более чем на век назад, не говоря уже об ужасающих для населения потерях и бедствиях. В этой связи мне хотелось бы особо подчеркнуть высказанную в ходе одного из моих докладов мысль Юрия Владимировича Андропова: «Намеченные в проекте Договора ограничения уровней вооружений для нас сейчас приемлемы, но вы (имелась в виду рабочая группа и привлекаемые к ее работе специалисты) не увлекайтесь и осторожно относитесь к дальнейшим сокращениям. Политика США и настроения их руководителей не являются неизменными. Мы должны всегда сохранять возможность нанести по противнику неприемлемый для его выживания ответный удар. Нет никаких гарантий, что в случае, если научно-техническое развитие даст США надежду уничтожить большую часть наших ракет первым ударом и создать эффективную защиту от слабого ответного удара, по-

литика руководителей Вашингтона может измениться и угроза для нашей страны резко возрастет».

На мой взгляд, эти высказывания весьма актуальны сейчас, когда количество стратегических вооружений по соглашению о СНВ-1 (1991 г.) и СНВ-2 (1993 г.) должно быть сокращено до опасно низкого уровня, особенно с учетом выхода США из Договора о ПРО.

Важной частью работы Группы консультантов председателя КГБ было участие членов Группы в подготовке докладов Ю.В.Андропова на ежегодных Всесоюзных совещаниях руководящего состава Комитета и других его выступлений в широких аудиториях. Тут необходимо сразу же подчеркнуть, что это были выступления именно самого Юрия Владимировича, а не зачитывание текстов с итогами работы и задачами Комитета, подготовленных в подразделениях КГБ, механически объединенных и отредактированных работниками из его окружения.

Начиналась работа над такими выступлениями с того, что Юрий Владимирович собирал сотрудников, которым поручалась подготовка проектов выступлений (5–6 человек) и подробно излагал свои мысли о том, какими должны быть главное направление и главные идеи данного доклада. При этом он давал анализ основных участков деятельности КГБ, отмечал положительные результаты, достигнутые в истекшем году, указывал на непреодоленные или проявившиеся в последний период недостатки в работе органов безопасности, ставил задачи, которые должны быть решены в ближайшее время. В результате намечалась целостная канва положений доклада, которые хотел выделить Председатель КГБ. На их основе необходимо было показать конкретику деятельности подразделений КГБ и изложить это, как требовал Юрий Владимирович, не казенным, а живым языком. Следует особо подчеркнуть, что разбор проектов у Ю.В.Андропова всегда проходил в доброжелательном тоне и оставлял у участников беседы чувство, что неудовлетворение председателя какими-то частями доклада вызвано не раздражением тем, что «подчиненные не смогли понять и ясно выразить мысли начальства», а желанием наиболее четко и убедительно

донести до слушателей задачи, стоящие перед Комитетом госбезопасности и направить их усилия на совершенствование деятельности КГБ.

Последние дни перед выступлением Ю.В. Андропов целиком посвящал личной работе над текстом доклада, отключаясь от текущей оперативной работы и решая лишь отдельные наиболее важные и срочные проблемы. Работа эта продолжалась практически до выхода Юрия Владимировича на трибуну клуба КГБ на ул. Дзержинского, где проходили наиболее важные и многочисленные мероприятия Комитета. Юрий Владимирович до последнего момента перед выступлением продолжал совершенствовать содержание и формулировки доклада.

Такая высокая требовательность к своим ответственным выступлениям приводила к тому, что они всегда слушались с напряженным вниманием и становились конкретной программой работы КГБ на предстоящий год. Могу с уверенностью утверждать, что таких ярких, насыщенных конкретикой и глубоких по профессиональному и политическому содержанию выступлений не мог бы подготовить ни один из действующих в тот период лидеров страны. Конечно, они становились известными только в рамках КГБ. Но примером высокого уровня докладов Ю.В. Андропова может послужить его речь 22 апреля 1982 года, посвященная дню рождения В.И. Ленина. Она была высоко оценена и населением в целом и специалистами, отмечавшими ее неординарность, конкретность в постановке проблем, деловой подход к стоящим перед страной проблемам.

Членам Группы консультантов поручалось также участвовать в подготовке решений Коллегии комитета по различным вопросам работы КГБ.

Так, летом 1979 года в связи с заключением Договора по ОСВ-2 готовилось решение о задачах Третьего управления (военная контрразведка) по обеспечению безопасности баз стратегического ядерного оружия в новой обстановке. Участвовать в этой работе было поручено мне. Текст решения составлялся в Третьем управлении, председателем комиссии по его подготовке был заместитель председателя КГБ Виктор Ми-

хайлович Чебриков. По моему мнению, все в представленном проекте решения было правильным, и мое участие выразилось лишь в нескольких стилистических замечаниях. Однако один вопрос в связи с решением у меня все же возник. С начала создания пусковых установок МБР места их расположения были государственной тайной, и Третье управление проводило соответствующие мероприятия и затрачивало определенные средства, чтобы маскировать ракетные базы, создавая у местного населения и людей, случайно оказавшихся в районах расположения баз, впечатление, что там находятся военные объекты (склады, предприятия, воинские подразделения), но не ракетные базы стратегического назначения. Эти меры были необходимы и действенны на первом этапе развертывания наших стратегических ракет, когда США располагали большим преимуществом в ракетном потенциале и не имели эффективной космической разведки, способной обнаружить места базирования ракет. В конце 70-х американцы точно знали не только места расположения наших МБР, но и количество, и типы ракет, размещенных на каждой из них. Исходя из этого, передавая свои замечания по тексту решения, я внес предложение, чтобы в разрабатываемом решении было предусмотрено снятие секретности со сведений о местах расположения и количестве наших МБР. В очередной встрече с Ю.В. Андроповым, упомянув о своем участии в работе комиссии В.М. Чебрикова, я сказал об этом предложении. Реакция Юрия Владимировича отразила одну из его характерных черт при подходе к рассмотрению новых проблем и предложений: — взвешенность и осторожность. Не высказав ни положительного, ни отрицательного мнения, он сказал, что этот вопрос должен быть внимательно рассмотрен специалистами, связанными с проблемами обеспечения безопасности ракетных баз. В итоге предложение было отвергнуто.

В тот период я был уверен в правильности своей точки зрения. Зачем делать секрет из того, о чем хорошо знает противник и о чем пишется в зарубежной прессе? Однако сейчас я бы в этой позиции усомнился.

В период, когда в стране жестко пресекались преступления с применением оружия и бандитизм, а террористические акции были крайне редкими, отсутствовала основа для потенциальных провокаций в отношении ракетных баз. В настоящее же время, при повторяющихся крупномасштабных террористических действиях на территории России, наличии организованной преступности, располагающей хорошо вооруженными бандитскими группировками, исключать полностью возможность провокационных акций в отношении российских баз МБР нельзя. Конечно, надежная охрана баз не даст провокаторам шанса проникнуть на их территорию и тем более захватить пусковые установки. Но сам факт подобной провокации нанес бы удар по международному престижу России и дал бы возможность антироссийским кругам Запада требовать «международного контроля» над нашими базами МБР, развернуть кампанию о «ядерной опасности со стороны нестабильной России» и на этой основе еще более ущемить суверенитет РФ. Нельзя исключать, что провокационные акции в отношении российских ракетных баз могли бы в определенной обстановке провоцироваться антироссийскими силами извне. В таких условиях широкая и подробная информация в наших СМИ о местах расположения баз МБР была бы на руку провокаторам.

Иногда Председатель КГБ давал мне необычные, никак не связанные с основным направлением работы, поручения. Так, после утверждения очередных инструкций по ОСВ, он вызвал меня и сказал: «Недели две—три у тебя, Митяев, напряженной работы не будет. Разберись-ка за это время в одной проблеме, вызывающей у наших специалистов и у большинства ученых серьезные сомнения или полное неприятие. На мое имя поступило письмо от одной убежденной сторонницы активного влияния на реальную жизнь паранормальных явлений. Она утверждает, в частности, что американцы широко используют в разведке против нас экстрасенсов, которые якобы могут на большом расстоянии воспринимать, какие вопросы обсуждаются в наших руководящих органах, какое оружие разрабатывается в научных центрах и производится на военных заводах и т.д. Она заявляет,

что на изучение этой проблемы в США тратятся миллионы долларов и что на основе паранормальных явлений вскоре может появиться оружие массового применения, способное воздействовать на психику людей, снижать боеспособность Вооруженных сил СССР, отрицательно влиять на эффективность органов управления нашей страны. В письме предлагается создать в рамках КГБ лабораторию для изучения людей, обладающих паранормальными способностями и возможности их использования в разведывательных и военных целях». «Наше Оперативно-техническое управление, — сказал Ю.В. Андропов, — на всякий случай собирает публикации по этому вопросу. Изучите их и доложите мне свое мнение». Мне было передано несколько томов подборок материалов из газет и журналов, касающихся паранормальных явлений. Надо сказать, я с большим интересом изучил их. Изложение здесь многих весьма необычных и подтвержденных серьезными свидетельствами случаев в этой области было бы любопытным, но отвлекло бы от главной темы — моих впечатлений от общения с Юрием Владимировичем Андроповым. Самое важное я представил ему в своем сообщении. Я доложил, что наличие небольшого количества людей с необычными способностями, которые не могут быть объяснены с позиций современной науки, является неоспоримым фактом, хотя в данной области подвизается много шарлатанов. Высокой степенью правдоподобности отличались отдельные случаи излечения экстрасенсами некоторых тяжелых болезней, когда перед этим болезни фиксировались опытными врачами и специальными исследованиями. Правда, в этом случае я высказал мнение, что это может объясняться психологическим воздействием на пациента, которое мобилизовало все его внутренние ресурсы на борьбу с болезнью. Целитель при этом, возможно, обладал не паранормальным даром, а сильной способностью к внушению (что тоже не часто встречается). Но самой любопытной областью паранормальных явлений, отраженной в изученной мной литературе, была способность некоторых людей «читать» мысли другого человека и «передавать» ему свои мысли, побуждая к определенным действиям (это было не гипнозом, явлением до-

статочно хорошо изученным медициной, когда человек вводился в состояние транса). В этом плане меня особенно привлекла статья в журнале «Юность» «фокусника-иллюзиониста» (как его представляла пресса и руководство Госконцерта) Вольфа Мессинга, широко известного в нашей стране в 40-е — 50-е годы XX века. Он обладал несомненным паранормальным даром, используя который сумел вырваться из гитлеровской тюрьмы в Варшаве и затем в потоке беженцев ушел в СССР. Мессинг всеми силами пытался доказать, что он не фокусник и, исполняя на концертах свои номера (например, находя спрятанные зрителями в зале или на сцене вещи), он не использовал «помощников», а мысленно внушал зрителям или человеку, спрятавшим какую-то вещь: «Внимательно думайте о том, куда вы ее спрятали, где она находится». Эти мысли он «читал» и в результате находил спрятанное. Мессинг указывал, что он неоднократно обращался к ученым-психологам и в научные учреждения с предложением исследовать его психику и необычные способности. Однако его просьбы отвергались на той основе, что «этого не может быть».

Единственным учреждением, которое однажды заинтересовалось Вольфом Мессингом были органы госбезопасности (это было задолго до прихода Ю.В.Андропова на пост Председателя КГБ). С его участием был проведен следующий эксперимент. В сопровождении двух сотрудников госбезопасности он зашел в сберкассу, протянул в окно по оформлению выдачи денег чистый лист бумаги и попросил выдать по «этому документу» 10 тысяч рублей. Работник сберкассы, «изучив» чистый лист, проделал необходимые для выдачи денег операции и вручил В.Мессингу названную последним сумму. Он сразу же передал деньги сопровождавшим его сотрудникам, которые обратились к работнику сберкассы и попросили проверить, на основании чего выданы эти деньги. Последний посмотрел на документы о выдаче денег, потом на чистый лист бумаги («основание» для выдачи) и в ужасе схватился за голову. Его, как могли, успокоили, вернули деньги, сказали, что вины его тут нет, поскольку проводился под контролем эксперимент по гипнотическому внуше-

нию. Прочитав об этом случае в статье В.Мессинга, я решил проверить достоверность изложенных фактов. В Группе консультантов работал Алексей Михайлович Горбатенко, бывший заместитель начальника Второго главного управления (контрразведка). Он подтвердил, что такой случай действительно имел место. Однако в дальнейшем контакты с Вольфом Мессингом прекратились. Выяснять научные основы его способностей не являлось делом госбезопасности. Что же касается их использования для каких-то разведывательных или оборонных целей, то таких способностей у экстрасенсов просто не было. Даже В.Мессинг с его выдающимся даром читать и внушать мысли на значительном расстоянии не мог, и в близком общении он мог воспринимать или внушать лишь какую-либо одну простую и ясную мысль, и тем более он не мог воздействовать одновременно на большое количество людей.

Мое сообщение Ю.В.Андропову заняло, наверно, меньше времени, чем чтение изложенной проблемы в данной статье, поскольку Председатель имел о ней достаточно полное представление и интересовался только отдельными фактами. Вывод свой я сформулировал так: следует продолжать отслеживание появляющихся по этому вопросу материалов, однако тратить средства на создание специальной лаборатории в рамках КГБ нецелесообразно. Юрий Владимирович высказал такое же мнение.

Говоря о форме общения Юрия Владимировича с людьми в ходе деловых встреч, хотелось бы рассказать об одном частном эпизоде, который, тем не менее, как мне представляется, характеризует присущее Ю.В.Андропову уважительное и доброжелательное отношение к его собеседникам в целом, независимо от их ранга в служебной иерархии. В 70-х годах имел место случай измены нашего летчика, который, вылетев с Камчатки, приземлился на японском аэродроме на острове Хоккайдо. Этот случай, естественно, обсуждался и в высших военных кругах, и в руководстве страны. Ю.В.Андропов захотел лично услышать об обстоятельствах перелета от компетентного военного специалиста. Мне позвонили из Генштаба и сообщили, что в КГБ выезжает полковник авиации, который может подро-

но ответить на интересующие вопросы, просили принять его и договориться с председателем о точном времени встречи. Я позвонил Ю.В.Андропову и доложил об этом. «Когда он придет, позвони», — сказал он. Встретив и пригласив полковника Генштаба к себе, я так и сделал. Мы сразу же были приглашены в кабинет Председателя. Представившись, полковник начал с обычной формулы: «Разрешите доложить». Но Юрий Владимирович прервал его: «Сейчас вы, не спеша и объективно, нам все расскажете, а пока присаживайтесь». Мы сели. Юрий Владимирович сказал, что его интересует один главный вопрос: в первые часы после инцидента высказывались различные мнения, в том числе и такое, что летчик мог потерять ориентацию и сесть на японский аэродром случайно.

— Выскажите ваше собственное мнение. Могли ли сложиться обстоятельства, которые вынудили пилота совершить посадку на Хоккайдо? Вероятно ли это? — спросил он. Полковник начал говорить, вставая со стула, но председатель жестом остановил его.

— Такой вариант просто невозможен, товарищ генерал, — твердо заявил полковник. — Я служил на Камчатке и не различно облетал восточное побережье СССР. При ясной погоде под самолетом как бы развертывается географическая карта. Направо — Сахалин и побережье материка, видны Курильские острова, а впереди четко просматриваются очертания Хоккайдо и его берега. Спутать это никак нельзя. День во время угона самолета был ясный, горючего более чем достаточно для возвращения на базу. Это очевидная измена.

— Теперь мне картина ясна, — сказал Ю.В.Андропов. — Вот что значит свидетельство лично знающего обстановку человека и мнение компетентного специалиста. Больше у меня вопросов нет. Спасибо.

Когда мы вышли из кабинета председателя, полковник Генштаба был заметно взволнован. «Скажите, — обратился он ко мне, — Андропов всегда предлагает при докладах сесть? Или он сделал это из гостеприимства?». Я ответил, что в Комитете это обычная форма доклада Председателю и его бесед со всеми

сотрудниками. «Для военных это, естественно, необычно, — сказал полковник. — Но главное, что оставляет удовлетворение, — это очевидная заинтересованность в собственных суждениях собеседника по докладываемому вопросу. Я редко встречал у начальства такое внимание к моему личному мнению. Обычно ограничиваются выслушиванием обстоятельств дела».

Хотелось бы отметить общую атмосферу удовлетворения от работы в окружении Ю.В.Андропова, желание всех сотрудников делать свою работу хорошо, в соответствии с высокими требованиями Председателя. Сам Юрий Владимирович работал ежедневно до 8—9 часов вечера, нередко и позже. Однако никто, кроме двух помощников Председателя, начальника Секретариата и отдельных сотрудников Секретариата не был обязан сидеть на работе до его ухода. Для большинства рабочий день заканчивался в 6 часов. Конечно, это не касалось тех случаев, когда у работника было срочное задание. Тогда со временем не считались. В субботу Ю.В.Андропов работал большей частью полный рабочий день, вызывая только тех сотрудников из своего окружения и подразделений Комитета, которые ему были нужны для решения конкретных вопросов. В воскресенье он работал обычно до 4 часов.

Однажды при моем очередном докладе, который пришелся на утро субботы, Юрий Владимирович, как бы с вызовом себе, заявил:

— А вот завтра я на работу не пойду, впервые за этот год. Как ты думаешь, имею я на это право?

— Юрий Владимирович, вы не только имеете право, но и не должны появляться на работе в воскресенье. Вы должны давать себе хотя бы один день отдыха в неделю, — ответил я.

— Не получается, — устало сказал он, — вот завтра не приду. А ты иди, отдыхай.

Отношение Юрия Владимировича к работе, к выполнению своего долга передавалось всем работникам Комитета, имеющим с ним непосредственный контакт. Это создавало в КГБ деловую и спокойную обстановку и способствовало решению задач по поддержанию стабильности в стране.

Вспоминая о Юрии Владимировиче Андропове, его таланте руководителя, высокой эрудиции, уважении к людям, личной скромности, преданности делу укрепления Советского Союза, приходится лишь сожалеть, что он стал во главе КПСС и государства, когда здоровье его было подорвано, и за недолгое время пребывания на этом посту он не успел осуществить меры, необходимые для спасения СССР. Все, кто работал с ним и знал его близко, уверены, что Юрий Владимирович с его широкой осведомленностью о состоянии дел в стране, понимании тех задач, которые было необходимо осуществить в ее экономической и политической жизни для дальнейшего успешного развития СССР, при его всестороннем и взвешенном подходе к рассмотрению выдвигаемых жизнью задач, с его осторожностью и стремлением учесть все последствия принимаемых решений, не допустил бы верхушечного антисоветского переворота и развала Советского Союза.

И. Ю. Андропов

Ю. В. Андропов в должности посла во время венгерских событий

Венгерские события октября 1956 года уже сорок с лишним лет являются предметом самого пристального изучения, как в самой Венгрии, так и за ее пределами. Все эти годы идут острые дискуссии по вопросу об истоках, причинах и характере мощного социального взрыва, потрясшего до самого основания венгерское общество, от которого со временем побежали все более различные трещины по всей системе социализма. Наиболее основательной на сегодняшний день выступает характеристика венгерских событий как народного восстания, которая, однако, грешит тем, что оставляет в тени вопрос о его социальной природе, движущих силах и конечных целях, а они, как свидетельствуют те же исследования и мемуарная литература, противоречивы и многообразны.

Однако все это — предмет для фундаментального академического исследования, углубленного поиска, широких обобщений и выводов. Цель этого очерка — ответить на поставленный мне вопрос о месте моего отца, в то время посла в Венгрии, в событиях 1956 года и какова его роль в связи с решениями советского руководства ввести советские войска в Будапешт 24 октября и 4 ноября 1956 года.

По сути, такая постановка вопроса сама по себе обходит те аспекты, которые связаны с компетенцией посла вообще — проще говоря, что может, а чего не может делать посол. Ведь давно признана аксиома: посол, как показывает практика международных отношений, не может произвольно, по своему усмотрению определять внешнеполитический курс своей страны. Даже Бисмарк, не обремененный принципами в проведении в жизнь своего великого замысла, обладавший исключительными знаниями, мощью интеллекта и чувством меры, вынужден был до конца жизни доказывать «берлинским консерваторам» свою правоту и доказал ее, благодаря редкому дару в водоворо-

те сиюминутных событий рассмотреть долгосрочные интересы собственной страны.

Но это участь гения и его великой эпохи, а в дипломатических буднях, как правило, определение долгосрочных интересов государства выкристаллизовывается в тесном взаимодействии аналитической работы Центра и посольств. Однако в ситуациях, подобных той, которую нам предстоит рассмотреть, воздействие аналитической работы посольства на выработку внешнеполитической линии своего правительства может возрасти в той степени, в какой динамика политических событий в отдельной стране не стыкуется с возможностями политического предвидения процессов в столице, опрокидывает сложившиеся стереотипы и разрушает инерцию его привычных представлений. Неординарный вызов, брошенный советскому руководству мятежом в Венгрии, потребовал такого экстраординарного решения как военное вмешательство Советского Союза. Решения, которое могло осуществиться советскими властями только при глобальной оценке ситуации всеми вовлеченными внешнеполитическими службами и ведомствами (при инициативной роли посольства и посла лично). При этом личная ответственность посла возрастала беспредельно, что требовало от него незаурядного политического мужества.

Характер и специфика отношений между социалистическими странами с начала 50-х годов предъявляли все более нетрадиционные, весьма жесткие требования к кандидатурам послов в этих странах. Этим, видимо, можно объяснить тот факт, что в середине 50-х годов во всех без исключения социалистических странах Восточной Европы должности послов занимали не карьерные дипломаты, способные успешно решать проблемы в духе традиционной, хрестоматийной дипломатии, а партийные или государственные работники, призванные осмыслить новые социальные процессы в этих странах. Многое в такой практике было порочным, но если этим «эмиссарам» удавалось избавиться в отношениях с лидерами социалистических государств от стереотипов партийной опеки, давления, менторства, а то и прямого вмешательства, то ре-

зультаты, как правило, были неплохими. При всех критических замечаниях современных исследователей венгерских событий 1956 года никто не может бросить упрек послу Андропову в том, что он преступал грань партнерского равноправного сотрудничества.

Между тем, события, происходившие в Венгрии в 1954–1956 годах, не раз подводили его к той черте, где, казалось бы, требовалось активное участие Москвы, взявшей на себя роль своего рода гаранта в процессах социалистических преобразований в странах Восточного блока.

Похоже, после смерти Сталина в 1953 году Москва не имела проработанной комплексной внешнеполитической концепции. За год до смерти, в марте 1952 года, Сталин адресовал Западу так называемую «мирную ноту», истинное значение которой так во всей полноте и осталось неразгаданным, но где Западу ясно давалось понять, что в «холодной войне» возможна длительная пауза на основе признания за СССР и США сфер влияния в Восточной и Западной Европе соответственно, и создания объединенной, вооруженной и нейтральной Германии. В перспективе многоплановый характер этого советского предложения позволил не только запустить долгосрочные дебаты по германскому урегулированию, но, параллельно с многотрудными переговорами по европейскому строительству, укрепить военно-политическое единство стран Варшавского пакта. Для Советского Союза, осваивавшего после победоносной войны новые геополитические преимущества в мире, разъединенном противоборствующими идеологиями, Восточная Европа представляла своего рода сплав социалистических ценностей и геополитической необходимости. Обе великие державы – СССР и США – по-своему были уверены в универсальности собственных идей. Если американцы верили, что историю можно переделать по образу и подобию принципов Декларации независимости, то в Москве были уверены в объективном, то есть неизбежном характере поступательного движения истории к социализму, для которого, по мере сил, необходимо создать новые возможности и предпосылки.

Если к середине 50-х Вашингтон признал за Москвой геополитические преимущества в Восточной Европе, то в области идеологической борьбы не было, естественно, ни уступок, ни компромиссов.

По мнению моего отца, в силу исторического, политического, социального и даже культурного развития, не все страны соцсодружества были в одинаковой степени восприимчивы к социалистическим идеям. Венгрия, — рассуждал позднее отец, — еще до XX съезда была едва ли не самым уязвимым звеном в социалистическом содружестве. Ракоши 16 лет был изолирован в тюрьме, всю войну проработал в Москве, и сам признавал, что с 1925 года венгерские реалии были для него за семью печатями. Тем не менее, именно он возглавил в 1947 году Венгерскую Партию Трудящихся.

По горькой иронии венгерский социализм делался буквально под копирку с советской модели, включая его драматические аспекты. Демократическое наследие венгерской революции 1948 года, зачатки жизни, развитое самоуправление и т.д. были практически уничтожены. Вдобавок, по преимуществу сельскохозяйственная страна должна была пережить все тяготы принудительной индустриализации. Мощное недовольство породило массовые репрессии 1948–1951 годов: в одиннадцатимиллионной стране 200 тысяч политзаключенных томились в тюрьмах. Так называемый процесс над Ласло Райком унес жизни 11 влиятельных членов партии. Ракоши сетовал: «Вы, товарищ Андропов, должны помнить, что в Венгрии нет Сибири, и все, кто вышел из тюрьмы во время вашей оттепели после 1954 года, находятся прямо здесь, рядом с нами, на улицах и площадях, на заводах и в кооперативах».

Все это находилось в вопиющем противоречии с историческими и национальными традициями. Между тем феномен венгерского национализма, о котором написаны сотни статей и десятки книг, и в самом деле достоин самого глубокого осмысления в контексте политического развития событий, предшествующих октябрю 1956 года. Сформировавшийся на крутых поворотах венгерской истории, в которой венграм не раз при-

ходилось утверждать себя, свой язык и культуру в губительной мясорубке средневековых войн, турецкого владычества, многовекового господства Габсбургов, а затем в легендарной борьбе венгров в 1848 году за независимость от австрийской монархии. В цепи исторических переплетений и случайностей, увенчавшихся, наконец, созданием двуединой монархии, венгерский национализм самым невероятным образом впитал в себя как элементы патриотизма и свободолюбия веками угнетаемой нации, так и весьма стойкие ростки нации господствующей по отношению к словакам, хорватам, трансильванцам и т.д. У венгерского национализма было как бы два лица: неукротимое стремление к политической свободе, и готовность подавлять соседние маленькие зависимые нации.

Таким образом, в разные периоды истории острие венгерского национализма, подобно стрелке компаса в поле магнитной аномалии, показывало самые различные направления по всем азимутам. Восточное направление этой стрелки определялось смертельными ранами, нанесенными венгерской революции 1848 года царским генералом Паскевичем, разгромившим наголову освободительную войну, связанную со священными для венгров именами Кошута, Петёфи, Гёргея. К тому же, отмечал отец, после Первой, и особенно после Второй мировой войны накопилась критическая масса огнеопасного материала в отношениях между нашими странами, который и воспламенился в социальной атмосфере октября 1956 года. Таким образом, в 1955–1956 годах компас венгерского национализма устойчиво показывал в сторону СССР.

Всплеск «венгерского эгоизма», продукта националистической идеологии, имел под собой всерасширяющуюся социальную базу. Тем не менее, отец говорил, что в 1956 году «мы недооценили потенциала венгерского национализма». Такое же мнение позднее я слышал от участника октябрьских событий в Венгрии, известного советского политического деятеля В.А.Крючкова.

В стране стремительно формировалась оппозиция, обострялась борьба в руководстве ВПТ и правительстве. В 1955 году был смещен с поста Председателя Совета Министров Имре Надь.

Весьма скромные, по более поздним критериям, проекты реформ в политике и экономике Венгрии тогда встретили в Москве более чем настороженно. После нормализации отношений с И.Тито, Н.С.Хрущев явно опасался критики со стороны оппозиции в руководстве КПСС и обвинений в поощрении любых проявлений ревизионизма.

М.Ракоши мастерски использовал навязчивый ревизионистский синдром в руководстве КПСС и умело разыгрывал карту венгерского национализма. Такое поведение первого секретаря ЦК ВПТ не только дискредитировало И.Надя в глазах московского руководства, но и отводило от него самого подозрения в национализме и ревизионизме (которыми, кстати, он никак не грешил), продлеvalo его в общем-то завершенную политическую судьбу. В этих условиях маловероятно, чтобы посольство в Будапеште могло дать в центр объективную оценку политическим инновациям И.Надя, ибо инициативы премьера сильно отдавали характерными симптомами того самого «венгерского эгоизма», который все активнее пускал корни в ВПТ и в обществе.

Тем временем И.Надь был исключен из партии, что, по мнению моего отца, было большой ошибкой, так как лишало руководство ВПТ последних рычагов влияния на бывшего премьера.

В феврале 1956 года над мировым коммунистическим движением, подобно цунами, прокатились грозные волны XX съезда КПСС. М.Ракоши с кругозором бывалого коминтерновца и опытного политика прекрасно понял, что означают решения съезда не только для руководства ВПТ и его лично, но и для модели социализма, внедренной Сталиным в странах Восточной Европы. Он присутствовал на съезде. В Москве он молчал, но свои развернутые характеристики решений съезда, не стесняясь в определениях, пытался передать в Москву через совпосла. «Юрий Владимирович, — наставительно выговаривал он, — вы еще очень молодой человек и застанете то время, когда сами убедитесь, какой ценой придется заплатить вам и нам за этот съезд. Так не делается. Это катастрофа...»

На слух предсказания преданного сталиниста воспринимаются пророчески, но это не так: в этих словах сквозило отчаяние коммуниста старой формации, привыкшего видеть социализм лишь под углом догматической и противоречивой сталинской конструкции.

То был достаточно редкий в дипломатической практике случай, когда оценка, данная авторитетным лидером другой страны, прямо вклинивалась бы в острейшие дебаты, проходившие в советском руководстве, поскольку они были необыкновенно схожи с теми аргументами, которыми оперировала после съезда оппозиция Маленкова, Кагановича, Молотова и других против Н.С.Хрущева.

С весны 1956 года советское посольство в Будапеште в многочисленных аналитических документах подчеркивало, что брожение в партии и обществе усиливается, растут националистические и антисоветские настроения, стремительно падает авторитет ВПТ и ее руководства, в особенности самого Ракоши. Для этого периода, по оценке совпосольства, были характерны массовые дискуссии, в том числе политические выступления в кружке Петёфи, в которые были вовлечены тысячи деятелей интеллигенции. Той же весной, под давлением венгерской общественности, начинается процесс массовой реабилитации политзаключенных, которые подключаются к антипартийным и националистическим выступлениям. В первых числах июля посол Андропов предупреждает Центр, что венгерское руководство не предпринимает должных мер по укреплению партии, и подчеркивает, что политический кризис в Венгрии углубляется. Между тем венгерские друзья так неуверенно держат власть, что если сформируется сила, способная перехватить ее, они власть выпустят.

Что касается личности И.Надя, популярность которого весной и летом неуклонно росла, то у посла, в отличие от представителей КГБ, не было иллюзий. В это время информация совпосольства и сведения представителей спецслужбы явно не стыковались в Центре, а к концу лета вступили в прямое противоречие. Контраст в оценках ситуации в Венгрии нарастал:

посольство во второй половине лета шлет в Москву все более тревожные упреждающие сигналы; представители же КГБ подчеркивают, что дестабилизирующие процессы в обществе носят поверхностный характер, а, главное, контролируются руководством страны.

В июне – июле преобладающее влияние на Н.С.Хрущева имела точка зрения близкого к нему председателя КГБ И.Серова. Свидетели того времени утверждают, что телеграммы посла из Будапешта неделями лежали невостребованными в приемной первого секретаря. В июле заместитель министра иностранных дел А.А.Громыко бросил в разговоре с отцом по ВЧ многозначительную фразу: «Здесь, в Москве, создается впечатление, что вы слишком много пишете». Это был не первый намек Андропову, что его активность назойлива, а в ситуации, когда главное внимание советских лидеров было обращено к Польше, просто неуместна. Еще до кризиса для выяснения обстановки на месте, в Будапешт все чаще стали приезжать высокие советские эмиссары – А.И.Микоян и М.А.Сулов, что при всех прочих плюсах таких визитов означало: тревожные сигналы, посылаемые в Москву совпосольством, руководство не воспринимало. Оно искало дополнительных подтверждений правильности собственного курса.

Перед июльским Пленумом ЦК ВПТ, на котором, наконец, дал согласие на свою отставку М.Ракоши, в Будапешт прибыл А.И.Микоян. На место М.Ракоши был избран Э.Герё, что в обстановке нарастающего кризиса в стране означало лишь одно: взрыв, который был подготовлен всем ходом политического развития последних месяцев, лишь отсрочен, да и то на весьма непродолжительное время. Пленум не изменил общей ситуации в стране и не приостановил тенденции к дальнейшему обострению противоречий, хотя в Политбюро после пятилетнего перерыва вернулся Я.Кадар. Но более существенным фактором, породившим впоследствии в Москве новые иллюзии, было возвращение в ряды ВПТ и на политическую арену И.Надя.

Во второй половине июля в советском руководстве стала брезжить кошмарная перспектива того, что в Польше и Венгрии

может возникнуть ситуация, при которой применение советских вооруженных сил окажется неизбежным. И хотя в этот момент внимание западных держав было преимущественно занято тем, что привело в октябре к Суэцкому кризису, перспектива военной конфронтации сразу с двумя странами Варшавского блока не вписывалась, казалось бы, в геостратегические возможности СССР и реально грозила тем, что США нарушат «правила игры» и выступят на стороне Венгрии и Польши, хотя реальных возможностей у Запада в этом случае не было.

Хрущев по-своему понимал проблему геополитического соперничества и правила игры, которых следует придерживаться и которыми, в крайнем случае, можно и пренебречь. Он напоминал любителя-шахматиста, ошарашившего профессионального партнера тем, что начинает игру в дебюте, вопреки всем описанным в учебниках правилам. Сталин никогда не включал в свои расчеты страны колониального мира, полагая, что они не вписываются напрямую ни в идеологические построения (поскольку в них нет исторического материала для продвижения к социализму), ни в плоскость текущей политики, так как он не видел в национально-освободительных движениях союзников, которые нуждаются в его поддержке.

Другое дело Хрущев. Он инстинктивно чувствовал, что «социализм» начинается там, где кончается колониализм, а советское влияние в условиях глобального противостояния берет начало там, где нарастают антиамериканские тенденции. У Хрущева в его суэцком предприятии было то, чего не было у американцев в их подходе к проблемам Польши и Венгрии — способности рисковать.

Так или иначе, в Москве летом 1956 года пытались решить многоплановую задачу, в которой суэцкий аспект вызывал мучительные раздумья и в то же время, по мнению Н.С.Хрущева, мог отвлечь внимание западных стран, особенно Англии и Франции, от назревающего конфликта в Восточной Европе. Во многом успех зависел от того, до какой степени удастся увязать геополитические и идеологические аспекты суэцкого кризиса, с одной стороны, с аналогичными проблемами в Вос-

точном блоке. США, по существу осудив колониальную политику Англии и Франции, до определенного времени рассчитывали, что бывшие колонии отнесутся к идеалам американской демократии с энтузиазмом и доверием, и потому воспрепятствуют проникновению советского влияния, и даже сыграют, как замечает по этому поводу Г.Киссинджер, свою роль в американской стратегии «сдерживания». Однако советские аналитики быстрее разгадали природу национально-освободительных движений вообще и арабского национализма в частности. Советский Союз был неизмеримо слабее США в геостратегическом отношении, но, исходя из антиимпериалистической идеологии Насера, смог идти на рассчитанный риск, опираясь на политический вес Египта. В Восточной Европе была совсем иная картина: влияние социалистических идей здесь таяло, но геостратегические позиции в глазах американских политиков были незыблемы, и это, в общем, понимали и в Москве. Такими в июле – августе были нелегкие заботы советского руководства.

В этой неблагоприятной ситуации Ю.В.Андропов делает неординарную попытку вновь привлечь внимание советского руководства к венгерским проблемам. В середине августа он приезжает для консультаций в Москву и убеждается в том, что венгерские реалии отражаются в сознании руководства, будто в кривом зеркале. В Москве считают, что в Венгрии после смещения М.Ракоши не наблюдается отрицательной динамики, что кризис, по крайней мере, не расширяется, что руководство ВПТ не исчерпало своих возможностей и в принципе контролирует ситуацию. Не вполне поддержали в Москве и опасения посла относительно консолидации правых сил в руководстве ВПТ и роста влияния среди них личности И.Надя. Аргументы относительно активизации националистических сил и подъема национализма до уровня господствующей идеологии в обществе не воспринимались, как говорится, с порога: везде, мол, есть свой национализм – и у поляков, и у венгров, и у арабов, – где его нет? Главное, конечно, что явно недооценивали в Москве, это весьма вероятную надвигающуюся опасность окончательной

и бесповоротной утраты власти венгерскими друзьями. Вообще, вспоминал отец, создавалось впечатление: несмотря на то, что польские беспорядки в Познани и нарастание напряженности в Будапеште, хоть и рассматривались параллельно, но в центре внимания все-таки была Польша. Вопрос о возможности применения советских войск обозначился более рельефно, но было ясно и другое — вести войну в двух странах одновременно советское руководство не может.

Неожиданное решение Э.Герё в самый разгар политической борьбы уехать на полтора месяца из страны на отдых в Крым возымело в Москве успокаивающий эффект. Кто, мол, покинет страну, находящуюся на грани взрыва? В первых числах сентября Н.С.Хрущев, принимая Э.Герё, показал ему телеграммы совпосла об обстановке в Венгрии, что, по мнению советского руководителя, было жестом, означавшим беспредельное доверие к венгерскому собеседнику (точно так же Хрущев поступит два месяца спустя, показав Я.Кадару аналитические шифротелеграммы, содержащие персональные характеристики, не испытывая при этом никакой этической неловкости). Э.Герё внимательно прочитал материалы и как отрезал: «Ваш посол нервничает».

Расхождение мнений первого секретаря правящей партии и советского посла в оценке принципиального, жизненно важного вопроса, касающегося судьбы социалистической Венгрии, а стало быть, и смысла советско-венгерских отношений, могло для посла означать лишь одно — отставку. Вспомним здесь, что реплика Э.Герё вполне совпадала с линией на «умиротворение», которая под влиянием ряда объективных и субъективных факторов прорастала в сознании советского руководства. Вопрос о замене посла был предreshен. В конце сентября наша семья уже сидела на чемоданах, в кармане были билеты на поезд, когда из Москвы грянул «отбой». Мы отказывались в это верить: история с отставкой превращалась в недоразумение, так как в МИДе отца ждала новая работа, были нанесены необходимые по протоколу прощальные визиты. Тем не менее, через несколько дней последовало подтверждение: послу Андропову предписывалось

продолжать исполнять свои обязанности. Позднее выяснилось, что Э.Герё, услышав об отзыве совпосла, немедленно связался по прямой связи с Н.С.Хрушевым и попросил его в виду сложности обстановки в стране оставить «товарища Андропова в Будапеште».

Подобно другим лидерам, предпочитающим передохнуть посреди схватки, Э.Герё вернулся после отпуска в страну, в корне отличную от той, которую оставил: тенденции, отмеченные отцом во время его августовских консультаций в Москве, определились предельно четко. Ни Э.Герё, ни другие члены венгерского руководства больше не контролировали ситуацию, в руководстве царил раскол — партия, по существу, была обезглавлена; экстремистские националистические настроения охватили не только интеллигенцию, но и широкие массы трудящихся. Но, что было хуже всего, в самой партии, вокруг того же И.Надя, стал оформляться центр политической оппозиции, которая под лозунгами обновления социализма бросила открытый вызов руководству ВПТ. Э.Герё, Я.Кадар, Ф.Мюнних, А.Апро, А.Хегедюш и другие были готовы при определенных условиях пойти на компромисс с И.Надем. Цена такого компромисса была чрезмерной, как с точки зрения консервативного крыла в партии, так и с точки зрения умеренного центра. И.Надь требовал своей полной политической реабилитации, что, по существу, означало капитуляцию почти всего старого руководства. По мере того, как менялся социальный формат событий, национально-демократическое народное движение, направленное на реформу социализма, на глазах перерождалось в массовое движение, острие которого было направлено против социализма и СССР. На фоне такой трансформации фигура И.Надя, как лидера, способного объединить прогрессивные силы, породила новые иллюзии не только в Москве, но и в соседних социалистических странах, например, в Польше и Югославии. Как отмечает в своих мемуарах Хрушев, в президиуме ЦК КПСС, который непрерывно заседал с 20 октября, начали склоняться к мирному решению конфликта как в Польше, так и в Венгрии.

Советское посольство в Будапеште еще 6 октября предупредило Центр, что если события пойдут и дальше на самотек, «вопросы социализма в Венгрии будут решаться на улицах». (К удивлению нынешних исследователей резидентура КГБ в Будапеште по-прежнему посылала в Москву «убаюкивающие» депеши). Даже когда, вернувшись из отпуска, Э.Герё признал, что обстановка в стране резко ухудшилась, И.А.Серова убеждали, что в городе нет, де, признаков политического возбуждения. Серов, несомненно, оказывал «умиротворяющее» влияние на Н.С.Хрущева и А.И.Микояна. Но главное было в другом: Н.С.Хрущев, опираясь на мнение большинства в руководстве, готовился к поиску компромисса с новым польским партийным лидером В.Гомулкой, который и был достигнут 20–22 октября. Сама атмосфера этих дней располагала к поиску политического решения в Венгрии – Н.С.Хрущев искренне гордился своими дипломатическими успехами.

Однако события в Будапеште 23 октября, начавшиеся с митинга студентов и интеллигенции в Буде на площади Бема в знак солидарности с Польшей, должны были показать московским оптимистам, что ситуация в Венгрии пересекла ту черту, до которой был возможен компромисс с новым венгерским руководством наподобие того, что достигнут в Варшаве. Распространенный представителями студенчества список требований шел значительно дальше реформ, осуществленных в Польше. В него входили: свобода слова, суд над Ракоши, вывод советских войск, возвращение к власти И.Надя и т.д. Так началась напряженная динамика событий этого дня.

После митинга в Буде толпа его участников, быстро разрастаясь по ходу шествия, двинулась как демонстрация через мост Маргит в Пешт, а потом по главной магистрали города – проспекту Сталина мимо здания посольства СССР, расположенного в двух кварталах от площади Героев. По другим прилегающим к этой площади улицам подтягивались колонны молодежи. К концу дня на примыкающей к ней парадной площади, тоже носившей имя Сталина, собирается толпа, достигающая 150 – 200 тысяч человек. В нее уже входили внушительные группы ин-

теллигенции, молодежи, служащих и рабочих. На этой площади началось, но не сразу увенчалось успехом низвержение памятника Сталину.

В этот же вечер, в центре города и других его частях фактически началось восстание, а возле радиокомитета прозвучали первые выстрелы. Около полуночи огромная толпа подошла к посольству СССР, сопровождая грузовик, волочивший статую Сталина, и с полчаса простояла там, прежде чем продолжить движение по проспекту к бульварному кольцу.

Под давлением драматических событий в Будапеште в муках принималось решение о вводе в город особого корпуса советских войск. Такая устная просьба была передана самим Э.Герё по телефону в Москву уже около 18 часов, но Н.С.Хрущев попросил посла получить от законного правительства письменное обращение к правительству СССР. Такое обращение подписал потом А.Хегедюш, датировав его 23 октября, но посольство получило его лишь два—три дня спустя. Дело в том, что И.Надь 23 октября еще не возражал против обращения Э.Герё в Москву о военной помощи, но после того, как в ночь на 24 октября возглавил правительство, отказался его подписать. Послу пришлось не один день «выбивать» его у венгерского руководства. Кремль получил его лишь 26 октября.

«От имени Совета Министров Венгерской Народной Республики, — говорилось в нем, — прошу правительство Советского Союза прислать на помощь советские войска в Будапешт для ликвидации возникших в городе беспорядков, для быстрого восстановления порядка и создания условий для мирного созидательного труда.

Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики А.Хегедюш.

Будапешт, 23 октября 1956 г.». Текст послания не требует пристального юридического анализа, чтобы заключить, что он был составлен в крайней спешке, косноязычно и без экспертной проработки.

23 октября уже в 20.00 командующий особым корпусом генерал Лашенко получил команду из Генштаба о приведе-

нии корпуса в боевую готовность. Четыре часа спустя, перед восставшими выступил И.Надь. В ночь на 24 октября собрался экстренный Пленум ЦК ВПТ и, в то же время, а точнее — в 24.00, из разных концов Венгрии соединения особого корпуса выступили в направлении Будапешта. С 4 до 5 часов утра механизированные части советской армии вступили в Будапешт — началась операция под кодовым названием «Компас». К этому времени повстанцы овладели военными арсеналами: в городе начались уличные бои, а потом и переход на сторону восставших солдат и офицеров парализованной венгерской армии.

Утром 24-го на аэродроме в Секешфехерваре, в 80 километрах от Будапешта, с разницей в 8 часов, поочередно приземлились два самолета. В первом находились А.И.Микоян, И.Серов и генерал армии М.Малинин, во втором — М.А.Суслов. Это был мощный десант из Москвы. Оценка ситуации высокими партийными, государственными и военными авторитетами во многом могла решить как судьбу народной Венгрии, так и исход политической борьбы. От принятых в первые же часы решений зависела и тактика боевых действий наших войск в Будапеште.

Поздно ночью отец и два сотрудника посольства выехали по дороге на Секешфехервар для встречи высоких московских гостей, но в десяти километрах от Будапешта, в маленьком селении, неподалеку от памятника советскому парламентарии Остапенко, машина посла была остановлена толпой и обстреляна. Утром 24 октября я видел эту машину в гараже посольства: ветровые стекла «ЗИМа» были выбиты, по лобовому стеклу от удара пули по касательной паутиной рассыпались трещины, бампер и правое крыло были помяты. Дипломаты и водитель вышли из машины и были окружены возбужденной толпой человек в 50–70. «Первым на моем пути, — вспоминал отец, — оказался молодой подвыпивший паренек, с непонятно откуда взявшимся огромным портфелем в руке. Я шагнул в его сторону, и парень инстинктивно сделал шаг влево; толпа за ним расступилась, и мы по очень узкому коридору вышли из кольца».

Несколько часов, минуя Буду кружным путем, вчетвером они пешком пробирались к посольству. Машину чуть позднее на буксире к посольству доставили военные.

А.И.Микоян и М.А.Суслов остановились на том же проспекте Сталина, где предыдущим днем бушевали демонстранты, в правительственной резиденции, названной с давних послевоенных времен «домом Ворошилова». Еще на аэродроме в Секешфехерваре, В.А.Крючков, тогда третий секретарь посольства, слышал, как И.А.Серов докладывал А.И.Микояну, что, мол, посол по молодости преувеличивает опасность — ничего серьезного в городе не происходит.

Сразу по возвращении в город отец направился в «дом Ворошилова». А.И.Микоян встретил отца холодно, сдержанно поприветствовал его и попросил И.Серова вновь доложить обстановку. Смысл сказанного И.Серовым сводился к тому, что обстановка в городе сложная, но преувеличивать сложности было бы неверно, и главные очаги повстанцев подавлены; наиболее опасным центром повстанцев, где, по данным, было сосредоточено около 5 тысяч человек, оставался радиоцентр. А.И.Микоян, между тем, с порога заявил Андропову, что посольство сгущает тучи, явно преувеличивает силы повстанцев и сложность обстановки. Поскольку это были его первые слова, то выглядело это как мнение Москвы.

Драматизм ситуации граничил с комичной нелепостью: эта мизансцена происходила под аккомпанемент пулеметной стрельбы, что заметно смущало А.И.Микояна.

В тот же день послу Андропову, второй раз за неполные два месяца, довелось услышать, в тоне плохо скрываемого раздражения, вердикт о своей отставке: отправляясь вместе с М.А.Сусловым на встречу с И.Надем, А.И.Микоян в дверях бросил: «А вы, Юрий Владимирович, оставайтесь. С Надем мы договоримся без вас». Ближе к вечеру, когда Микоян и Суслов надиктовывали телеграмму в Москву, которая, по существу, принципиально отличалась от тревожных «мобилизующих» сообщений посольства от 22 и 23 октября, в кабинете возникла напряженная дискуссия, в завершение которой А.И.Микоян

высказался еще определеннее, отчеканив: «Юрий Владимирович, вам надо отойти в сторону».

Однако политическая судьба Андропова опять повернулась неожиданным образом. 25–26 октября в Будапеште действительно наступило относительное затишье, но лишь затем, чтобы на следующий день очертились контуры той пропасти, куда отныне устремится политическая лавина, увлекая все классы, слои, объединения и группировки венгерского общества.

Верил ли А.И.Микоян в возможность мирного исхода, в перспективу договоренности с И.Надем? Теперь, многие десятилетия спустя, можно с большей степенью уверенности ответить отрицательно. Анализируя факты в совокупности, следует отметить, что внутривнутриполитическая обстановка не давала Микояну сколько-нибудь серьезных оснований для таких надежд. Отчитав Ю.Андропова и по существу отстранив его от дел, А.И.Микоян скорее отдавал дань надежде, которая теплилась в Москве, укрепив, как ему казалось, веру в то, что формула компромисса с И.Надем может быть вот-вот найдена. Разумеется, в такой позиции был далекий политический расчет. А.И.Микоян и М.А.Суслов поддерживали внутривнутриполитические позиции Н.С.Хрущева, который демонстрировал потенциальной оппозиции, в лице Молотова, Маленкова и Кагановича, возможности достижения внушительных договоренностей с теми лидерами, которые вели курс к утверждению национальных моделей социализма, возможности их сосуществования. Это была правильная и дальновидная линия, подсказанная Н.С.Хрущеву не только грозными послесъездовскими событиями, но и линией на преодоление сталинизма, и, в конце концов, логикой борьбы за власть. Потенциальная оппозиция Хрущеву, и особенно В.Молотов, были против диалога с югославскими ревизионистами и ревниво следили за тем, как выработывался компромисс с Польшей. Н.С.Хрущев сделал их свидетелями трудной победы своего курса в Варшаве. Ему позарез нужен был успех переговоров в Будапеште. Беда заключалась только в том, что именно Венгрия оказалась неподходящим полигоном для подтверждения такой политики.

А.И.Микоян, разумеется, не мог не видеть, что слова, которыми его увещевал И.Надь, и дела его разительны несхожи: премьер, например, говорил об обновлении социализма, и в то же время вольно или невольно освобождал дорогу антисоциалистическим силам, уверял московского гостя в приверженности дружбе с Советским Союзом, верности союзническим обязательствам, и прямо поощрял националистические силы, вещал о необходимости наведения порядка, и поощрял разгул реакции в стране. По существу, Надь с каждым часом утрачивал влияние на обстановку в стране и обществе. Он, подобно другим самовлюбленным реформаторам, не понимал, что все более становится похож на капитана корабля, потерявшего управление. Вцепившись в штурвал обеими руками, он был уверен, что судно все еще послушно его воле, на самом деле оно уже находится на самом гребне девятого вала, который с 27—28 октября неумолимо нес его к кровопролитной гражданской войне, к столкновению с советской военной мощью, ибо такой ход событий не только грозил крушением социалистических порядков, но и напрямую затрагивал интересы СССР в этой части Европы.

Что сделал в эти дни Надь? Он, по существу, 28 октября выпустил армию и органы госбезопасности, отменил введенный ранее комендантский час, выпустил из тюрем заключенных, разрешил в кризисных условиях многопартийную систему, отменил согласованные ранее с советскими военными операции по ликвидации главных узлов сопротивления (о которых как о свершившемся факте сообщал в Москву А.Микоян).

Но самое главное, в тот же день в выступлении на Пленуме ЦК ВПТ он призвал партию «встать во главе тех мощных народных сил, которые пришли в движение». Это был радикальный поворот навстречу повстанцам.

Масла в огонь антисоветской истерии подливала радиостанция «Свободная Европа», которая хоть и финансировалась американским правительством, но официально управлялась независимым советом директоров. Этот нюанс явно не воспринимался советским руководством, сбивал его с толку. Под-

стрекательские призывы к ускорению темпов революции, искоренению всего, что еще оставалось от народной Венгрии, вооруженной борьбе с советским присутствием, — все акции «Свободной Европы» носили наглый, подстрекательский характер, на шаг опережали в своих прогнозах темпы разгула реакции и хаоса, нараставшие в стране. Именно деятельности «Свободной Европы» обязано венгерское восстание тем, что за ним прочно закрепилась репутация «империалистического заговора», как характеризовал его в своих публичных выступлениях и посол Андропов, отлично понимая, что возможностей для прямого военного вмешательства в венгерскую ситуацию у Запада нет. Этому способствовала и воинственная риторика государственного секретаря Дж. Даллеса, который, к примеру, заявил 26 октября, что любая страна, которая порвет с Москвой, может рассчитывать на помощь Америки. При этом госсекретарь намекал, что вопрос о том, в каком блоке будет находиться Венгрия, зависит от Вашингтона.

Такое положение дел не могло не беспокоить Москву, поскольку в бурном водовороте событий тех дней действительно было трудно понять, где кончается политическая риторика, а где начинаются прямые угрозы. И хотя советское руководство знало почти наверняка, что США чтят принципы геополитического размежевания и не оспаривают пока прав СССР в Восточной Европе, да к тому же не имеют реальных возможностей для вмешательства (ядерная война, естественно, исключалась), на душе у Н.С.Хрущева было беспокойно. В это время, как мы помним, он вел наступательную линию в Египте, демонстрировал жесткий подход в борьбе с империализмом, а проще говоря, готовился в свойственном ему разнузданном стиле заявить претензии на роль великой мировой державы, не постеснявшись намекнуть даже на возможность мировой войны. Он искренне не хотел осложнений в Европе, о чем тоже знал А.И.Микоян. Беспокойство относительно возможного косвенного вмешательства не утихало в Москве до тех пор, пока 31 октября президент Эйзенхауэр не выступил с более чем сдержанной речью, в которой буквально успокоил советское руководство, офи-

циально обозначив отказ США от применения силы. «Мы, — заявил президент, — конечно, не можем осуществлять политику такого рода (политику освобождения стран Восточной Европы и т.д.), при помощи силы». Только после этого заявления Хрущев мог чувствовать себя уверенно. Но это произойдет только через четыре дня, а пока Микоян вынужден был маневрировать, отыскивая в поведении И.Надя малейшие намеки на возможный компромисс, оснований для которого с каждым часом становилось все меньше.

С 25 по 27 октября отец, номинально оставаясь послом, был фактически не у дел, влияние его было незначительным.

Между тем в Будапеште прямо перед особняком на проспекте Сталина, где остановились А.И.Микоян и М.А.Суслов, разворачивалась картина уличных военных столкновений. Можно сказать, что высокие советские эмиссары, в прямом смысле слова, услышали там то, что на протяжении многих недель и, по большому счету, даже месяцев не сумели прочитать в Москве в отчетах советского посольства: массовые выступления венгерской общественности, поощряемые предательской политикой правых и националистических сил, переродились в антисоциалистическое и антисоветское вооруженное восстание.

Все, что лишь вчера было скрыто флером деклараций и фраз о демократии, суверенитете, национальной независимости, на глазах стало кровавой реальностью. Окончательная точка была поставлена 28 октября в выступлении по радио И.Надя, который заявил, что движение, охватившее страну, является общенародным, опирается на широкую базу и потому не может быть подавлено с помощью штыков и танков.

Это был не только прямой призыв к эскалации восстания под открыто националистическими лозунгами, к вооруженному массовому сопротивлению, но и обращение к международному общественному мнению, к ООН. Был здесь и скрытый расчет воздействовать на умонастроение советского народа, деморализовать личный состав советских войск, сражавшихся в Будапеште или, по крайней мере, на его офицерский корпус, расчет, который в психологической атмосфере военных дей-

ствий просто не мог оправдаться. На деле выступление И.Надя, прежде всего, раскололо ВПТ, укрепив позиции тех членов партии и ее руководства, во главе с новым лидером Я.Кадаром, которые в сложнейших перипетиях борьбы не утратили политической перспективы и понимали, что это начало острого вооруженного гражданского столкновения, гражданской войны.

В этих условиях, убедившись, что политическое решение конфликта в Венгрии практически становится невозможным, что Надя не может быть союзником и что радикально-отрицательная позиция советского посольства по отношению к характеру венгерских социально-политических процессов и силам, стоящим за И.Надем, оправдывается, А.И.Микоян «снял карантин» с советского посла. Он сделал это в той неподражаемой восточной манере, которая не требовала длинных объяснений. «Юрий Владимирович, ты что нас сторонисься? Обиделся? Ну, разве можно сердиться на старого армянина, — так вот сказал вечером 27 октября Микоян, — давай работать!» Посол Андропов продолжал оценивать выступление И.Надя как предательское и провокационное; вооруженные выступления, по их характеру и направленности — контрреволюционными, объективно вредными не только для дела социализма, но и противоречащими интересам широких трудящихся масс в Венгрии. Впрочем, посол понимал, что на данной стадии разворота событий, их антисоциалистический характер тем теснее будет сказываться в Москве с их антисоветской направленностью, чем громче в Будапеште будут раздаваться антисоветские и националистические лозунги, которые к этому времени перекочевали с улицы в официальные заявления венгерского правительства, тем острее в Москве воспримут угрозу Восточному блоку. Но теперь, казалось бы, это стало и внутренним убеждением А.Микояна. Во всяком случае еще 29 октября и А.И.Микоян и М.А.Суслов считали, что обстановка в Венгрии ухудшается и военная помощь должна быть усилена. Страшные подтверждения такого подхода стали обрастать фактами подобно снежному кому.

В ночь на 29 октября, по причинам, которые и сегодня не ясны до конца, советские войска получили приказ прекратить огонь. И.Надь, к тому времени оценивший позитивные и негативные аспекты своей линии на поддержку массового восстания, решил опереться на международно-правовую базу. 30 октября он, от имени правительства, потребовал незамедлительного вывода советских войск, что значительно усложнило положение, так как была аннулирована и без того небезупречная правовая основа пребывания советского Особого корпуса в Будапеште. Это решение вызвало серьезные разногласия в советском руководстве и явилось свидетельством того, что с тактической точки зрения выступление И.Надя возымело свое действие. В Будапеште против вывода войск решительно выступил Ю.В.Андропов, его поддержал М.А.Суслов. В Москве – Г.Жуков. Аргументы отца были предельно просты: войска можно вывести, но это не остановит кровопролития, а с точки зрения советских стратегических интересов будет непоправимым просчетом, так как в дальнейшем приведет к столкновению, во много крат более жесткому и кровавому.

А.И.Микоян, как вспоминает Н.С.Хрущев, считал необходимым вывести войска, угрожая даже своей отставкой. Такая позиция А.И.Микояна не может иметь иного объяснения, кроме того, что искушенный политик, вопреки логике и фактам, поддержал линию Хрущева на еще один виток поисков компромисса.

Н.Хрущев не мог или не хотел понять, что главным лозунгом венгерских событий были не реформы социализма, как требовали поляки, а его полный демонтаж. Колебания Хрущева выглядят более объяснимо и оправданно: он еще не знал, что по-другому, путем дальнейшего увещевания И.Надя, Венгрию сохранить в рядах союзников нельзя. Микоян же отлично понимал, что Н.С.Хрущев и советское руководство не пойдут на утрату Венгрии, и за пять дней пребывания в Будапеште мог убедиться: с уходом советских войск Венгрия для СССР и соц-содружества будет потеряна, и, тем не менее, ратовал за вывод войск.

К 30 октября внутривосточные события в Венгрии также благоприятствовали тому, чтобы не рисковать реальной ситуацией ради сохранения лица: 31 октября на развалинах ВПТ была создана новая Венгерская Социалистическая Рабочая Партия, лидер которой Я.Кадар, еще за день до этого, просил поддержки советских войск. Остается непонятным, почему А.Микоян не учел и этот немаловажный по тем условиям фактор.

Вывод войск начался в ночь с 30 на 31 октября. В стране начался кровавый пир победителей. Началось массовое уничтожение работников органов безопасности. Когда, 31 октября, семьи советских дипломатов, минуя 3-й и 4-й блокпосты повстанцев, выезжали из Будапешта в аэропорт Тёкеле, я своими глазами видел трупы людей в серой форме сотрудников госбезопасности и в синей милицмейской, повешенные на фонарях, деревьях и даже в пролетах мостов. Детям пытались прикрыть глаза, но не видеть этого было нельзя. Вслед за нашим автобусом в аэропорт прорвалась группа сотрудников венгерской госбезопасности, их было человек 150.

30 октября вооруженная толпа захватила Будапештский горком партии и зверски уничтожила всех, кто там был.

1 ноября — знаменательный день в кровавой венгерской драме. В этот день в «Правде» было опубликовано весьма странное, с точки зрения западных аналитиков, заявление советского правительства, в котором говорилось, что размещение иностранных войск в братской коммунистической стране, требует одобрения самой страны и всех членов Варшавского пакта. Советское правительство выражало уверенность в том, что народы социалистических стран не позволят реакционным силам за рубежом и внутри страны расшатать основы народно-демократического строя.

Стремление Н.С.Хрущева заручиться консенсусом среди стран Варшавского блока было понятно, но просматривалось в этом заявлении и другое: с какой стати нужно было оговаривать условия ввода войск в Венгрию (страну Варшавского договора), если бы такой ввод не планировался. Дело было в другом. 31 октября завершились в пользу вторжения жаркие споры в со-

ветском руководстве, последовавшие после требования И.Надя вывести советские войска. А.И.Микоян под влиянием кровавой вакханалии, развернувшейся в Будапеште 30 октября, поддержал такое решение, третий раз за два дня изменив свою позицию. Утром того же дня началась подготовка операции по вводу в Венгрию советских войск, под кодовым названием «Вихрь».

И.Надь не мог знать ничего достоверного об этой операции, но в отличие от американской администрации, которая не усмотрела или не хотела видеть весьма прозрачного подтекста в заявлении советского правительства, И.Надь интерпретировал советское заявление вполне адекватно его достоинству. Кроме этого к нему, естественно, стекались косвенные свидетельства того, что крупные соединения советских войск пересекают венгерскую границу, предпринимаются попытки изоляции Будапешта от провинций, захвата аэродромов и т.д. Надь требовал от Андропова объяснений, посол, не имевший никаких указаний, не мог пойти далее версий и гипотез. Режим И.Надя с 28 октября исподволь продумывал долгосрочные акции с целью вывести Венгрию за рамки обязательств, которыми она была связана с СССР как член Варшавского договора. Такую ситуацию прогнозировало советское посольство и военные еще во время пребывания А.И.Микояна и М.А.Суслова в Будапеште, но было трудно предсказать время, которое Надь сочтет наиболее подходящим для такого хода.

Заявление советского правительства было призвано придать предстоящей акции по возможности легитимный, «респектабельный» характер, оно ни в коей мере не дезинформировало общественное мнение, подтверждало принципы равноправного сотрудничества со странами Варшавского договора. Демонстративно отвергая сталинские методы диктата, заявление вызвало понимание со стороны китайского руководства. Но оно, несомненно, насторожило Надя. К тому же было похоже на то, что оговоренные в заявлении условия для введения войск, складывалось вполне реально. Еще 30 октября стала вырисовываться вполне приемлемая позиция Я.Кадара к вопросу советской

военной помощи, а за ним теперь стояла ВСРП, сила, конечно, пока больше символическая, но способная в решающий момент сказать свое слово.

Н.С.Хрущев в это время совершал вместе с Г.М.Маленковым перелеты по маршруту Брест, Бухарест и Бриони, в ходе которых он не без труда достиг понимания с В.Гомулкой, Г.Георгиу Дежем и И.Броз Тито по вопросу о советской военной помощи Венгрии. Еще раньше была получена поддержка других стран Восточного блока. Так что ожидать хоть какой-нибудь поддержки со стороны социалистических лидеров Надь не мог. Он не знал о факте этих консультаций (о них не знал и Андропов), но анализ обстановки по линии венгерского МИДа не оставлял ему никаких надежд.

Итак, подталкиваемый к роковой черте крайне настроенными националистическими силами повстанцев, во главе с Белой Кираем и другими, Надь объективно оказался в западне между повстанцами, и силами национального социалистического возрождения во главе с Я.Кадаром и Ф.Мюннихом. Лично Надь, социальная база которого уплывала из под ног, мог мечтать о том, что удастся найти такой правовой статус, который, подобно Австрии, стал бы спасательным для нищей Венгрии, но это, конечно, было чистой воды политической галлюцинацией. Те же, кто стоял у него за спиной, силы реакции и крайнего национализма, рассчитывали на большую кровь.

1 ноября И.Надь в присутствии кабинета министров, среди которых уже не было Я.Кадара и Ф.Мюнниха, объявил советскому послу о выходе Венгрии из Варшавского договора и объявил о нейтралитете Венгерской Народной Республики.

Надь читал текст по бумажке — он явно нервничал, движения его были суетливыми, как будто он никак не мог удобно устроиться в кресле, глаза его беспокойно перебегали с одного лица на другое. Он избегал встречаться взглядом с советским послом, который неестественно прямо смотрел в середину лба премьера. Все присутствующие молча выслушали короткое выступление И.Надя. Андропов медленно обвел всех взглядом, и начал говорить неестественно громким, но притом выверенно-спокойным

голосом, чеканя слова и обозначая предложения паузами, как он всегда говорил в минуты крайнего напряжения. Сопровождавший его третий секретарь посольства В.А.Крючков, быстро делал заметки в блокноте.

«Господин премьер-министр», — начал Андропов подчеркнуто холодно. Посол впервые назвал премьера так: раньше они звались «товарищами».

В.Н.Каземиров

Во время контрреволюционного путча в октябре 1956 года в Будапеште

Моя первая встреча с Юрием Владимировичем произошла в январе 1954 года, когда я, недавний выпускник МГИМО прибыл в Будапешт для работы в одном из консульских учреждений. Советник Андропов, бывший тогда вторым человеком в посольстве, решил побеседовать с молодым специалистом.

В памяти эта встреча отложилась только теплым, благожелательным отношением, лишенным сановнического чванства по отношению к молодому человеку, делающему первые шаги на профессиональном поприще. Когда позднее Андропов стал послом, он ввел в практику работы проведение еженедельных совещаний, на которых присутствовали обычно все сотрудники посольства — около 30 человек. В ходе таких совещаний, Андропов давал оценку обстановки, обозначал общие задачи коллектива, давал конкретные поручения и рекомендации по их выполнению. Эта метода была крайне полезна для становления сотрудником дипмиссии и в информационном, и в профессиональном плане.

Однажды на таком совещании произошел трагикомичный эпизод, который вполне мог бы у другого руководителя стать карьерной точкой для молодого стажера посольства: я позволил себе, как я понимаю это сегодня, довольно нетактичное замечание в адрес посла. По изумленным взглядам присутствующих, я понял, что ждать ничего хорошего мне не приходится.

Однако Андропов, спокойно выслушав замечание, перешел без всяких комментариев к следующему вопросу. Конечно, на следующий день я был приглашен к послу, но вместо ожидавшегося «разноса», состоялся спокойный продолжительный разговор, в ходе которого Юрий Владимирович хотел решить для себя вопрос: а что представляет из себя этот парень? Конечно, послу ничего не стоило избавиться от неучтивого стажера, однако вместо этого он предложил продолжать спокойно работать. И драматические события осени я встречал уже в дипломатическом ранге атташе.

Контрреволюционный мятеж в Венгрии, развязанный в октябре 1956 года внутренней реакцией при поддержке извне, явился серьезным испытанием для коллектива посольства СССР в Будапеште.

Организаторы мятежа, добиваясь свержения народной власти и реставрации буржуазных порядков, не без оснований видели в Советском Союзе и в венгерско-советской дружбе одно из главных препятствий на пути реализации своих замыслов. Стремясь придать развитию событий в Венгрии антисоветскую направленность, враждебная пропаганда внутри страны и извне всемерно разжигала националистические и шовинистические настроения среди ее граждан, иногда грубо, а порой и утонченно клеветала на Советский Союз, на советско-венгерские отношения, сеяла неприязнь ко всему советскому.

Следует напомнить современным читателям последовательность событий, приведших к вооруженному мятежу в Венгрии.

Хотя 27 июня 1941 года Венгрия, вслед за Германией, объявила войну СССР и ее армия участвовала в боях на германо-советском фронте, понеся многочисленные потери (только в 1944 году погибли более 350 тысяч солдат, оказывавших по приказу своих командиров отчаянное, но бессмысленное сопротивление; 514 тысяч попали в плен), однако большинство мадьяр не считало свое правительство виновным во втягивании страны в войну на стороне Германии.

В 1954–1955 годах из СССР в Венгрию вернулись более 200 тысяч бывших военнопленных (остальные были освобождены ранее), представлявших наиболее реакционную и шовинистически настроенную часть офицерского корпуса. И именно эти люди сыграли далеко не последнюю роль в кровавых событиях октября–ноября 1956 года.

Согласно договору об образовании Организации Варшавского договора от 14 мая 1955 года, Советский Союз имел не территории Венгрии войска, сведенные в Особый корпус.

На развитии политической обстановки в стране сказалось также разоблачение на XX съезде КПСС преступлений периода культа личности Сталина, а также все громче заучавшие летом

1956 года обвинения в адрес собственного руководства во главе с Матиашем Ракоши в «перегибах социалистического строительства».

Еще 9 июля советский посол Ю.В.Андропов информировал МИД о нарастании общественно-политической напряженности в венгерском обществе. Однако, несмотря на предпринимавшиеся правительством меры, эскалацию политического кризиса предотвратить не удалось, хотя, как оказалось впоследствии, направлявшаяся Андроповым в Москву информация была объективной, обоснованной и упреждавшей о возможном дальнейшем негативном развитии обстановки.

Стремительное развитие событий началось с демонстрации 23 октября на центральной улице Будапешта Сталин Ут, участие в которой приняли до 200 тысяч жителей столицы и других городов Венгрии.

Утром 23 октября, распоряжением посла Ю.В.Андропова, во избежание инцидентов и провокаций, всем советским гражданам было запрещено появляться на улицах и приближаться к демонстрантам. Всем, кроме небольшой группы товарищей, которым было специально поручено наблюдать за ходом демонстраций и информировать посольство о развитии событий в Будапеште. Работники военного атташата, а также третьи секретари посольства В.А.Крючков и В.А.Черников, автор этих строк, другие товарищи провели немало напряженных часов в рядах крайне возбужденных демонстрантов, что было уже совсем небезопасным занятием.

Демонстрация, в которой первоначально доминировали студенты, началась под лозунгами национальной независимости, демократизации, исправления ошибок «ракошистского» руководства, привлечения к ответственности виновных в репрессиях 1949–1953 годов. Среди требований манифестантов фигурировали также немедленный созыв партийного съезда, назначение Имре Надя премьер-министром, вывод советских войск из Венгрии, снос памятника Сталину на центральной площади Будапешта.

В ходе демонстрации, ставшей прелюдией к возникновению сначала массовых беспорядков, а затем и кровопролитных воору-

женных столкновений, было хорошо видно, что с каждым часом тон все сильнее стали задавать антисоветские элементы. Если вначале выдвигался лозунг «установления советско-венгерской дружбы на новых основах», то потом появилось требование выхода из Варшавского договора. Специально подобранные группы школьников, разезжая на грузовиках, уже скандировали по наущению провокаторов «не будем учить русский язык!». А к вечеру некоторые демонстранты уже кощунственно поносили имя Ленина.

Для взвинчивания антисоветских настроений контрреволюционные элементы искусно использовали призыв снести монумент Сталина на центральной площади города. Была собрана многотысячная толпа. Один за другим ораторы обрабатывали ее во враждебном СССР духе, а затем были пущены в ход тягачи, подъемные краны, стальные тросы, чтобы свалить статую с пьедестала. Лишь через несколько часов, после того, как было подрезано автогенном основание монумента, тягачам удалось опрокинуть ее.

Падение статуи вызвало иступленные крики толпы. Глумление над поверженным монументом продолжалось несколько часов — на нем прыгали и плясали, отбивали куски металла, а затем, прицепив к двум тягачам, поволокли по главному проспекту. За поверженным символом следовала огромная толпа, изображавшая похоронную процессию.

Перед зданием советского посольства процессия остановилась на несколько минут, раздались призывы завезти статую во двор посольства, но затем шествие двинулось дальше.

Вдохновители мятежа уже в значительной мере добились своего: начав разглагольствования у монумента с обличениями «культы личности», они за несколько часов подготовили сотни экзальгированных юношей к тому, чтобы переворачивать и поджигать автомашины советских марок, хватать раздобытые для них винтовки и вести стрельбу по охране Радиокomiteта, швырять бутылки с горючей смесью в танки и бронетранспортеры, введенные ночью в город с категорическим приказом не открывать огня!..

Власти были в растерянности. По мере роста числа манифестантов и их столкновений с силами охраны порядка, характер происходившего на улицах и площадях начал меняться, появились антиправительственные лозунги. Первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся Э.Герё просил ЦК КПСС ввести в Будапешт советские войска, дислоцировавшиеся в Венгрии, а в радиообращении к народу квалифицировал происходившее как контрреволюцию, и в стране было объявлено чрезвычайное положение, что, однако не остановило демонстрантов от дальнейшего выражения недовольства и перехода к столкновениям с полицией и «алашистами» (От «Алаши веделем» – государственная безопасность).

Присутствовавший в ночь на 24 октября на заседании ЦК ВПТ вновь ставший премьер-министром Имре Надь не возражал против приглашения советских войск для поддержания порядка, однако на следующий день отклонил просьбу посла Андропова подписать соответствующее письмо, с тем чтобы снять остроту момента.

23 октября в 23 часа начальник Генерального штаба советских войск маршал В.Д.Соколовский отдал приказ командиру Особого корпуса П.Л.Лашенко направить части в Будапешт «для оказания помощи правительству ВНР в связи с возникшими в стране политическими беспорядками».

Тем не менее, в ночь на 24 октября мятежники захватили в столице несколько ключевых пунктов и важных объектов и начали бои против правительственных войск, которые не проявляли особой активности в подавлении мятежников, а подчас и переходили на их сторону.

Утром посол Ю.В.Андропов, военный атташе посольства полковник П.М.Цапенко и другие сотрудники посольства, направляясь на четырех «ЗИМах» в аэропорт, на площади Белы Бартока в Буде были остановлены гневной толпой манифестантов... Толпа, состоявшая в основном из студентов и молодежи, бросала в посольские автомашины камни, доски, подкатывала бочки, а затем открыла стрельбу. Машинам удалось развернуться, однако в одном из переулков дорогу им преградила бар-

рикада. Повернуть назад было невозможно, так как разъярившаяся толпа продолжала преследование загнанной в западню кавалькады.

Тогда Ю.В.Андропов с несколькими сотрудниками, оставив автомашины, двинулся навстречу преследователям. Растерявшись от этой «психической атаки», распоясавшиеся демонстранты, онемев от неожиданности, словно загипнотизированные дерзостью советских дипломатов, хмуро расступились...

Посол и сопровождавшие его «официальные лица» молча проследовали сквозь расступившийся строй и пешком возвратилась через мост в Пешт. (Позднее шоферам удалось освободить свои машины и относительно благополучно вернуться в посольство. Относительно потому, что стекла в автомобилях были разбиты, а дверь одного из них была прострелена).

24 октября в Будапешт прибыли члены Президиума ЦК КПСС А.И.Микоян и М.А.Сулов — именно они вели переговоры с правительством Имре Надя, отстранив от них советского посла. Сами переговоры шли в расположенном недалеко от посольства «Ворошиловском особняке». В Будапешт прибыли председатель КГБ И.А.Серов и заместитель начальника Генерального штаба Советской Армии генерал армии М.С.Малинин.

В тоже время события в Будапеште тенденциозно-подстрекательски освещались в передачах на венгерском языке радиостанций «Голос Америки», Би-Би-Си и «Свободная Европа».

В атмосфере антисоветской истерии, в обстановке отступления и дезорганизованности венгерских коммунистов, в условиях нараставшего морально-психологического прессинга, ожесточенных уличных перестрелок и настоящих боев протекала в дни мятежа работа советского посольства.

Отстраненный от переговоров Андропов занимался вопросами информационного обеспечения советской делегации, а также безопасности персонала дипмиссии и членов их семей. При этом он практически постоянно находился в служебном кабинете, куда прибывали с сообщениями и за указаниями сотрудники посольства, а также за справками и с предписаниями

члены московской правительственной делегации, которая постоянно подпитывалась информацией из посольства.

В посольство СССР обращались за разъяснениями, поддержкой многие общественные и государственные деятели Венгрии, дезориентированные разгулом реакции и антисоветской истерии. Некоторым из них мы, в том числе и автор этих строк, помогали добираться до Тёкеля, где на аэродроме расположился штаб Особого корпуса П.Н.Лашенко.

Разумеется, все эти контакты осуществлялись с разрешения посла и ему же докладывалась информация о происходящем в городе.

Так, 29 октября мне от одного «старого» — с 1919 года! — члена ВПТ стало известно о разрыве многих членов партии с правительством Надя и стремлении сформировать альтернативное правительство. Это была крайне важная информация о переломе настроений среди членов партии. В тот же день, 29 октября, советские части, принимавшие участие в подавлении очагов вооруженного сопротивления, получили приказ о прекращении огня, и после требования Надя, 31 октября были выведены на удаление 15–20 километров от Будапешта.

Вывод советских войск вызвал небывалый всплеск реваншистских настроений, приведший к многочисленным кровавым расправам на улицах с «нелояльными» лицами, включая коммунистов, известных общественных деятелей, «алашистов» (сотрудников органов безопасности, в том числе рядовых солдат-призывников частей МВД и пограничных войск Венгерской Народной Республики), а также мародерству, погромам и грабежам.

Квартиры многих сотрудников посольства были захвачены, вещи похищены. Мятежники захватили также здание клуба при посольстве и вывесили у подъезда объявление о том, что отныне оно принадлежит только что созданному «Союзу политических заключенных».

31 октября перед зданием посольства была организована антисоветская демонстрация. Большинство демонстрантов было облачено в траурные одежды. Организаторы манифестации пы-

тались экзальтировать толпу, возбудить у родных и близких погибших в уличных столкновениях жажду мести и направить их против советских представителей. Распространялись провокационные слухи о том, что многие видные венгерские коммунисты и сотрудники госбезопасности укрылись в посольстве СССР. Опасность захвата и разгрома посольства потребовала эвакуации членов семей дипломатов. 1 ноября поступило указание эвакуировать жен и детей сотрудников в Союз. Во второй половине дня к посольству прибыла колонна грузовиков под охраной группы советских солдат. Мятежники, плотной стеной обступив посольство, устроили шумное глумление над женщинами и детьми при посадке их в грузовики, «напутствовав» отъезжающих членов наших семей издевательскими выкриками и улюлюканьем.

Следует отметить, что после вывода советских войск из Будапешта, посольство осталось без охраны: венгерские полицейские сами укрылись в нем от обстрелов и налетов мятежников. Один из полицейских, рискнувший появиться на улице в форме, был обстрелян и ему едва удалось скрыться от преследователей. Остальные, попрятав свою форму, разбрелись из посольства.

Некоторым сотрудникам посольства в эти дни довелось побывать и под обстрелом. Да и само здание посольства не раз обстреливалось мятежниками. Их группы неоднократно появлялись на улице, на которую выходили окна кабинета посла.

Однажды прямо во время «летучки» в кабинете Андропова, где находились человек семь, влетела крупнокалиберная зажигательная пуля. Отрикошетив от противоположной стены, она кружилась по кабинету, пока с шипением не упала на ковер. Когда мы проследили по оставленным отметинам траекторию ее полета, то были поражены, что все присутствующие остались невредимы. Пострадал лишь ковер посла (в углу кабинета я придавил еще разбрасывавшую искры пулю краем ковра). Вопреки дипломатическому протоколу, ввиду отсутствия возражений присутствующих, я забрал эту пулю себе, пока об этом эпизоде не вспомнил В.А.Крючков. Как-то летом, поинтересовавшись, остался ли у меня этот своеобразный «сувенир», он попросил

пулю в качестве подарка Юрию Владимировичу от коллег на день рождения.

Для выполнения отдельных заданий посла сотрудникам посольства приходилось выезжать в город, причем иногда на весьма необычных средствах транспорта. Как о курьезе истории дипломатической службы упомяну, что Декларация советского правительства от 30 октября 1956 года доставлялась в парламент, где расположилось правительство Имре Надя, на броневике. А одну ноту посольства пришлось доставлять в МИД Венгрии даже на танке.

Посол Андропов уведомил правительство Венгерской республики об обстановке, сложившейся вокруг посольства, и поставил вопрос об обеспечении необходимых условий для его деятельности. В это время в городе уже всюю хозяйничала так называемая «национальная гвардия», организованная мятежниками, и официально призванная правительством выполнять полицейские функции. Ее возглавил бывший хортистский генерал Бела Кирай. На следующий день он лично прибыл в посольство для переговоров и попытался заверить Андропова в том, что «новые власти» обеспечат надлежащую охрану здания (мне довелось выступать переводчиком посла при этой встрече).

Еще через день жилой дом во дворе посольства был занят батальоном «национальных гвардейцев» под командованием яро шовинистически настроенного майора. Вскоре, однако, стало ясно, что перед батальоном поставлены совершенно иные задачи: он практически блокировал посольство, «гвардейцы» задерживали венгров, пытавшихся посетить посольство, и не выпускали наружу наших сотрудников. Как выяснилось позднее, батальон фактически готовился, в «случае необходимости», к захвату посольства и превращению его коллектива в заложники.

Однако, выполняя свои дипломатическо-представительские функции, сотрудники посольства должны были встречаться с гражданами, обращавшимися в советское посольство за помощью, разъяснениями, с просьбами. Разумеется, это были не «разведывательные контакты», а встречи с друзьями нашей

страны, посольства, которые тяжело переживали происходящее или хотели узнать мнение советских представителей.

1 ноября Имре Надь заявил о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора и потребовал немедленного вывода всех советских войск с территории Венгрии, пытался поставить «венгерский вопрос» в ООН, ввел в свое правительство представителей старых буржуазных партий.

Тогда-то здоровыми демократическими силами Венгерской партии трудящихся и было начато формирование Временного рабоче-крестьянского правительства во главе с членом ЦК партии Яношем Кадаром, которое и обратилось к делегации советского правительства 3 ноября с просьбой оказать военную помощь в подавлении вооруженной контрреволюции.

Важным был и тот факт, что вечером 2 ноября один из старейших венгерских коммунистов Шандор Ногради, сообщил, что большая группа коммунистов порывает с Имре Надем, расчистившим дорогу контрреволюции. Он сказал, что вслед за Яношем Кадаром и Ференцем Мюннихом отказываются от сотрудничества с Надем председатель Президиума ВНР Иштван Доби, председатель Государственного собрания Шандор Ронаи, другие авторитетнейшие государственные и политические деятели Венгрии.

Эта информация самым серьезным образом заинтересовала советского посла Андропова.

Утро 4 ноября – самый критический момент в положении посольства.

4 ноября в 6 часов утра войска Особого корпуса по приказу министра обороны СССР маршала Г.К.Жукова начали вновь входить в Будапешт и другие крупные города.

Когда отдаленная канонада сотрясла тишину, все сотрудники посольства были подняты по тревоге. Пока советские части входили в город, подавляя очаги сопротивления мятежников на окраинах, посольство фактически оставалось в осадном кольце штурмового батальона во главе с майором-шовинистом, подчинявшимся правительству И.Надя, и следовало быть готовым к любым неожиданностям.

Время проходит в напряженном ожидании. Через некоторое время раздается стук в дверь. Это пришел капитан, заместитель командира батальона, учившийся в Советском Союзе и немного говоривший по-русски. Ранее он неоднократно беседовал с сотрудниками посольства и с тревогой говорил о том, что не понимает происходящего в стране. Чувствовалось, что это честный человек, сбитый с толку оголтелой антисоветской и антисоциалистической пропагандой и потерявший ориентацию в вихре событий. На этот раз, узнав об образовании правительства Яноша Кадара и выступлении советских войск против сил контрреволюции, он был в радостном возбуждении и пришел поделиться своими переживаниями. «Это то, что надо!» – повторял он.

Заместитель командира батальона рассказал также, что среди солдат батальона царят разброд и смятение, и что майор-шовинисту уже не удастся удерживать батальон под своим контролем.

Тогда с разрешения Ю.В.Андропова в соседний дом, где было расквартировано большинство солдат батальона, направился В.А.Крючков и вскоре убедил их, во избежание кровопролития, разоружиться до прихода советских войск. Что и было произведено, а солдаты оставили территорию посольства.

К 9 часам утра к зданию посольства подошли первые советские танки, взявшие его под охрану (один танк расположился прямо под окнами кабинета посла), а к полудню наши части заняли в городе важнейшие пункты, изолировав несколько очагов сопротивления, где оказывалось ожесточенное сопротивление.

Через несколько дней в посольстве стали раздаваться телефонные звонки – это главари некоторых мятежных групп хотели оговорить условия своей капитуляции.

7 ноября, когда еще в ряде районов Будапешта шла стрельба, на скромный ужин в посольство прибыли А.И.Микоян и М.А.Суслов.

Однако полностью очаги сопротивления в городе были подавлены лишь к 10 ноября. А спустя несколько дней в посольство из Москвы прибыла большая группа специалистов для ока-

зания помощи венгерским товарищам в налаживании работы промышленности, снабжения, транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Еще через два месяца в Венгрии с триумфом прошли гастроль Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени Б.А.Александрова.

Хочется, не ради красивых слов, а действительно по сути дела, сказать о том, как всем нам помогала в тех экстремальных условиях исключительно товарищеская обстановка в коллективе посольства и взаимная выручка, сформированные главой дипмиссии.

И, конечно, основная тяжесть в организации слаженной работы коллектива лежала на Юрии Владимировиче Андропове, отличавшемся умением не только направлять работу каждого сотрудника, но и «зажигать» людей, пробуждать в них инициативу, изобретательность, творческий подход к делу.

О.М.Хлобустов

О творческом наследии Ю.В.Андропова

18 мая 1967 года (здесь и далее курсив мой. – О.Х.) решением Политбюро ЦК КПСС новым руководителем Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР был назначен Секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов. Он стал не только самым многолетним, но и самым авторитетным руководителем советской госбезопасности.

Норман Полмар и Томас Аллен, авторы широко известной в мире «Энциклопедии шпионажа», подчеркивали, что «в годы председательства Ю.Андропова КГБ завоевал себе относительно прочную репутацию мощного спецведомства».

Андропов, которому к моменту назначения на эту должность было 52 года, был не только старше всех своих предшественников на этом посту по возрасту, но и имел солидную школу дипломатической и партийно-государственной работы.

Это назначение, вспоминал генерал-майор КГБ Ю.И.Дроздов, встретили с надеждой на реорганизацию спецслужб: «Ждали, что станет больше порядка, организованности, меньше волюнтаризма, злоупотребления, нарушений законности». И эти надежды оправдались.

Подчеркнем то чрезвычайно важное обстоятельство, что многие авторы, писавшие как о КГБ, так и о Ю.В.Андропове, как бы выводили за скобки, оставляли вне своего и своих читателей рассмотрения *реальную разведывательно-подрывную деятельность спецслужб иностранных государств против СССР*. Это объективно лишало их возможности понять и раскрыть сложную *диалектику политико-дипломатического и разведывательного противоборства в геополитическом соперничестве двух сверхдержав и представляемых ими блоков*.

Прежде чем говорить о деятельности Ю.В.Андропова на посту председателя КГБ СССР, следует остановиться на чрезвычайно важном вопросе о *механизме выработки и реализации политики обеспечения государственной безопасности* в Советском Союзе.

К выработке подобного механизма на общесоюзном уровне Андропов имел самое непосредственное отношение и как председатель КГБ СССР, и став сначала кандидатом — с 27 июня 1967 года, а затем — с 24 апреля 1973 года — и членом Политбюро ЦК КПСС.

В целом понятно, что *содержание политики обеспечения безопасности* определяется приоритетными целями и задачами развития страны, а также формами и методами их реализации. Ибо *политика обеспечения государственной безопасности является лишь производной, одним из аспектов государственной политики*, искусственно выделяемым в целях осуществления более углубленного предметного анализа.

Понятно, что цели и задачи политики, определяемые высшим государственным (политическим) руководством страны, имеют различные конкретно-исторические и содержательные характеристики.

Структуры силового блока и правоохранительные органы, в первую очередь отвечавшие за реализацию политики обеспечения госбезопасности СССР, находились под контролем и руководством Политбюро ЦК КПСС.

Непосредственно информируя членов Политбюро ЦК на его еженедельных заседаниях об изменениях обстановки в стране и мире, докладывая о результатах работы органов КГБ СССР, Ю.В.Андропов, естественно, оказывал самое непосредственное влияние на выработку и формулирование целей, задач и методов реализации государственной политики, в том числе в сфере обеспечения безопасности государства и общества.

Интересно отношение Андропова к историческому опыту обеспечения государственной безопасности. Он подчеркивал, — и это по-прежнему справедливо и актуально сегодня, — что этот «опыт мы должны высоко ценить, настойчиво и творчески обогащать. На его основе мы должны и обязаны неизменно владеть инициативой в противодействии с противником на всех направлениях, навязывать ему свою волю и условия борьбы, активно воздействовать на негативные процессы в выгодном для нас плане. Здесь важен учет требований текущего момента, средств

и методов, использующихся противником, и конкретных задач, решаемых органами госбезопасности».

20 декабря 1967 года на торжественном собрании в Кремлевском дворце съездов, посвященном 50-летию образования ВЧК, состоялось первое *публичное выступление председателя КГБ и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Ю.В.Андропова*. (21 декабря доклад Андропова был опубликован в «Правде», а впоследствии был издан отдельной брошюрой, в связи с чем его содержание стало широко известно в обществе, создало у граждан конкретное представление как о самом Андропове, так и о задачах деятельности возглавляемого им ведомства госбезопасности).

Председатель КГБ заявил, что важнейшими для деятельности чекистских органов должны оставаться принципы *беззаветной преданности делу революции, тесной связи с народом, непоколебимой верности партии и советской власти, твердость в борьбе с классовыми врагами и высокий пролетарский гуманизм*.

«Но, — продолжал Андропов, — мы не вправе забывать и то время, когда политические авантюристы, оказавшиеся у руководства НКВД, пытались вывести органы госбезопасности из-под контроля партии, изолировать их от народа, допускали беззаконие, что *нанесло серьезный ущерб интересам нашего государства, советских людей и самих органов безопасности*.

За последние годы наша партия провела огромную работу по укреплению социалистической законности. Были ликвидированы извращения и в работе чекистских органов, *установлен повседневный партийный, государственный контроль за их деятельностью, созданы надежные политические и правовые гарантии социалистического правопорядка*.

Таким образом, наша партия ясно показала: *нет и не может быть возврата к каким бы то ни было нарушениям социалистической законности*. Органы государственной безопасности стоят и будут стоять на страже интересов советского государства, на страже интересов советских людей».*

* 50 лет на страже безопасности Советской Родины. // Ю.В.Андропов. Избранные речи и статьи. М., 1983, сс. 85–95.

«Вследствие происходящих изменений в мире, — отмечал председатель КГБ, — *меняются масштабы и границы разведывательной и подрывной деятельности империалистов.* Разведывательные центры некоторых западных государств, и прежде всего США, *оказывают значительное влияние на внешнюю политику своих государств. Им отводится большая роль в осуществлении активных акций и подрывных действий.* Сегодня острие этой деятельности разведок направлено уже не против вооруженных сил, военной и иной промышленности социалистических и иных миролюбивых государств. *Подрывные операции все шире осуществляются империалистами в самых различных сферах общественной жизни...»*

Понятно, что кое-кто из современных читателей, скептически усмехнувшись, может задать вопрос: а зачем повторять забытые постулаты «коммунистической пропаганды»?

Но обращение к прошлому и предполагает стремление к установлению реальных событий и фактов, а не их высокомерное игнорирование!

А правда истории как раз такова, что через 7 лет, в 1974 году, уже комиссии Палаты представителей и Сената США под руководством, соответственно, конгрессмена Отиса Пайка и сенатора Фрэнка Черча *установят обоснованность и справедливость* приводимых здесь Андроповым характеристик задач и деятельности американских спецслужб!

О чем, впрочем, *не принято вспоминать* сегодня.

Что касается отдельных личностей, подчеркивал Андропов, «время от времени попадающих в сети ЦРУ и других подрывных центров, то такие отщепенцы никак не отражают настроения советских людей. Конечно, даже в период формирования новых, коммунистических отношений *можно отыскать отдельные экземпляры людей, которые в силу тех или иных причин личного порядка или под влиянием враждебной пропаганды из-за рубежа оказываются благоприятным объектом для вражеских разведок.* Но мы знаем и другое. Ни один из таких людей не смог и не сможет получить сколько-нибудь серьезной поддержки...

Иначе и быть не может. Наше государство – социалистическое, общенародное. Защита и охрана его безопасности являются делом, отвечающим интересам всего народа».

Слушатели и читатели доклада Андропова не могли не обратить внимания и на следующие его слова о том, что «в соответствии с лучшими чекистскими традициями органы государственной безопасности ведут большую работу по предупреждению преступлений, убеждению и воспитанию тех, кто допускает политически вредные проступки. Это помогает устранять причины, могущие породить антигосударственные преступления».

Весьма прозорливыми, обращенными в весьма отдаленное будущее оказались и следующие слова из доклада Ю.В.Андропова: «Только наши враги, имеющие все основания бояться и ненавидеть чекистов, изображают советскую службу безопасности как некую “тайную полицию”. На самом деле служба безопасности создана самим обществом для своей самозащиты от происков империалистических разведок и действий враждебных элементов. Она строит свою работу на принципах социалистической демократии, она находится под постоянным контролем народа, его партии и правительства».

В то же время Андропов обращал внимание не только своих подчиненных, но и всех руководителей и граждан страны на необходимость общего предупреждения преступлений: «Борьба партии и советского государства с фактами нарушения законных прав трудящихся, с пренебрежением к их нуждам, с бюрократизмом, а также воспитание людей в духе патриотизма, честного выполнения своих гражданских обязанностей способствуют устранению почвы для антиобщественных поступков. Этому способствует и повышение благосостояния трудящихся, дальнейшее развитие советской демократии, рост уровня культуры и сознательности масс в нашей стране».

27 апреля 1973 года на Пленуме ЦК КПСС Ю.В.Андропов был избран членом Политбюро ЦК КПСС, что однозначно свидетельствует о признании его авторитета, компетентности, а также роста его влияния в вопросах выработки и реализации политики Советского Союза.

Л.И.Брежнев, представляя кандидатуру Андропова участникам Пленума, заметил: «Мне хотелось бы особо сказать два слова о Комитете госбезопасности, чтобы положить конец представлениям, я имею в виду не членов ЦК, а отдельных товарищей вне этого зала, будто Комитет государственной безопасности только тем и занимается, что “хватает и сажает людей”. Ничего подобного. КГБ под руководством Юрия Владимировича оказывает огромную помощь Политбюро во внешней политике. КГБ – это, прежде всего, огромная и опасная заграничная работа. И надо обладать способностями и характером. Не каждый может не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так, чтобы... с чистенькими ручками. Тут надо большое мужество и большая преданность. На Комитете госбезопасности лежат большие задачи. От имени Политбюро скажу, что он нам очень помогает».

Приведем несколько отрывков из доклада Андропова на Пленуме. Сделать это необходимо по целому ряду соображений. Во-первых, поскольку текст выступления Ю.В.Андропова *является историческим фактом и источником для постижения непростой истории нашей страны*. Во-вторых, оно показательным тем, что дает представление о том, *как и о чем* информировался председателем КГБ высший орган политического руководства СССР.

В своем выступлении Андропов, в частности, отмечал: «Никогда раньше внешняя политика советского государства не была такой действенной, не давала таких значительных результатов за столь короткие сроки. Речь идет не о частных вопросах международной жизни, а о кардинальных явлениях, которые знаменуют существенный положительный сдвиг во всей системе международных отношений. Такой сдвиг, который показывает наше растущее воздействие на весь ход мирового развития.

Сила внешней политики нашей партии заключается в том, что она учитывает объективные условия, складывающиеся в мире. Эти новые условия связаны прежде всего с изменившимся соотношением сил. Империализм, несмотря на всю его хищническую природу, вынужден считаться с возросшей оборонной

и экономической мощью нашей страны и всего социалистического содружества...

Внешнеполитический курс нашей партии по праву называют мирным наступлением. Оно действительно мирное, поскольку осуществляется в интересах мира и ведется мирным, невоенным путем...

Условия разрядки диктуют свои формы, свои методы, свои приемы борьбы, которыми нужно овладеть как можно лучше и быстрее. В этом видят свой долг и чекисты, работники советской разведки и контрразведки...

Отличительной чертой работы Политбюро, как это хорошо знают все члены ЦК, является вдумчивый, глубокий подход к планируемым политическим акциям. Такой подход требует точного и своевременного анализа в сдвигах, происходящих и намечающихся в политике империалистических держав. В решении этой задачи принимает участие и наша разведка. Она в меру своих возможностей помогает отвечать на те или иные вопросы, участвует в осуществлении отдельных внешнеполитических акций, нацеленных на разрядку напряженности.

Центральный Комитет нашей партии поставил перед разведкой и другую задачу — вовремя предупреждать о тех или иных нежелательных поворотах в политике империалистических государств, а они, как было подчеркнуто в докладе т. Брежнева, отнюдь не исключены. Поэтому ЦК справедливо требует от нас высокой бдительности, чтобы никакой поворот в обстановке, никакое важное для интересов нашей страны событие не застали нас врасплох.

Политический авторитет нашей страны, рост ее экономической и военной мощи, общее усиление позиций социализма заставили империалистов отказаться от попыток сломить социализм путем “лобовой атаки”. Эти перемены, безусловно, отвечают нашим интересам. Вместе с тем нельзя не видеть того, что противник не отказался от своих целей. Теперь, особенно в условиях разрядки, он ищет и будет искать иные средства борьбы против социалистических стран, пытаясь вызывать в них “эрозию”, негативные процессы, которые бы размягчали, а в конечном счете — ослабляли социалистическое общество.

В этом плане немалые надежды возлагаются империалистическими силами на подрывную деятельность, которую империалистические заправилы осуществляют через свои специальные службы. В одной из секретных инструкций американских спецслужб в этой связи прямо говорится: *“В конечном счете мы должны не только проповедывать антисоветизм и антикоммунизм, но заботиться о конструктивных изменениях в странах социализма”*. О каких же “конструктивных изменениях” идет речь?

Ответом на этот вопрос может служить заявление сотрудника американской разведки, одного из руководителей Комитета радио “Свобода”. Не так давно в беседе с нашим источником этот человек заявил: *“Мы не в состоянии захватить Кремль, но мы можем воспитать людей, которые могут это сделать, и подготовить условия, при которых это станет возможным”*.

И еще он сказал так: *“Зачем мы изучаем Советский Союз и положение в этой стране? Для чистой науки? Она ни в чем нам не поможет. Одной наукой освободиться от коммунизма невозможно, нужны действия. Значит, за нами должны быть силы, которые в состоянии действовать”*.

Империалисты весьма огорчены тем, что у нас в стране нет оппозиции, поэтому различные подрывные и пропагандистские центры на Западе всеми способами стараются ее создать.

Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки разработало даже специальный план в этом направлении. На первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в “организацию сопротивления”, то есть в действующую оппозицию.

Иной раз может вызывать удивление, почему такие лица, как Солженицын, или совсем безвестные субъекты вроде Амальрика, Якира, Чалидзе, Марченко и другие, поднимаются на щит буржуазной прессой, различными политическими деятелями и даже сенаторами Соединенных Штатов. Некоторые буржуаз-

ные газеты называют этих лиц даже представителями “демократического движения” в Советском Союзе.

На самом деле на Западе знают, что эти люди, как бы громко о них не кричали, погоды не делают и не сделают. Но поскольку у западных идеологов нет ничего лучшего, они вынуждены возиться и с этим отребьем.

Недавно некий Аллен фон Шарк в книге, посвященной борьбе против нашего государства, писал: “Если государство (то есть Советский Союз), предпримет какие-либо шаги против подобного рода отщепенцев (обратите внимание, — подчеркивал Ю.В.Андропов, — он сам называет их отщепенцами), необходимо как можно шире афишировать эти меры, как несправедливые, чтобы вызвать, с одной стороны, сочувствие к ним, к отщепенцам, а, с другой стороны, недовольство коммунистической системой”. Вот, собственно, и вся мораль.

Империалистическим разведкам неважно, что люди, которых они поднимают на щит, отщепенцы, важно, что это дает им повод лишний раз выступить с нападками на нашу систему, бросить тень на нашу партию, а в этом и состоит их главная цель.

Особенно серьезную ставку делает противник на разжигание национализма, который в ряде случаев смыкается с антисоветизмом.

В последнее время органами КГБ проведены профилактические мероприятия в отношении ряда лиц, вынашивавших враждебные политические намерения в форме злейшего национализма. На Украине, в Литве, в Латвии, в Армении ряд националистов привлечены к уголовной ответственности за откровенную антисоветскую деятельность. Почти во всех этих случаях, как теперь признают сами виновные и профилактируемые нами лица, их деятельность инспирировалась подрывными центрами, находящимися на Западе.

Органы государственной безопасности все чаще сталкиваются с враждебной деятельностью эмиссаров различных антисоветских организаций, прибывающих из-за границы под видом туристов. Только в 2009 году была выявлена и пресечена деятельность свыше 200 таких эмиссаров, направленных в Совет-

ский Союз для передачи своим подопечным инструкций, денег, средств тайнописи и печатной техники.

Зарубежные подрывные центры делают немалую ставку на использование в антисоветских целях сионизма. Различного рода сионистские организации стремятся организовать на нашей территории враждебные вылазки, возбуждать антипатриотические настроения среди лиц еврейской национальности. И тут, разумеется, дело не столько в эмиграции евреев в Израиль, размеры которой не так уж велики, сколько в попытках создать так называемый “еврейский вопрос” — для того, чтобы опять-таки использовать его для дискредитации советского строя.

Можно было бы привести и другие факты из этой специфической области борьбы, которая получила наименование идеологических диверсий.

Идеологические диверсии осуществляются в самых различных формах: от попыток создания антисоветских подпольных групп и прямых призывов к свержению советской власти (есть еще и такие) до подрывных действий, которые проводятся под флагом “улучшения социализма”, так сказать, “на грани закона”.

Комитет госбезопасности осуществляет целый комплекс чекистских мер по пресечению различных форм идеологической диверсии, по разложению зарубежных идеологических центров и их компрометации. Мы видим свою задачу в том, чтобы и впредь не ослаблять свою деятельность на этом участке, но это требует от нас, коммунистов, повышения бдительности к любым идеологическим враждебным проявлениям, а также ко всякого рода колебаниям и шатаниям в любой сфере идеологии и политики, которые так или иначе помогают нашему противнику в его попытках ослабить прочность советского общества.

Хотелось бы сказать, что и в условиях разрядки борьба на так называемых “тайных фронтах” не прекращается. Импералистические разведки продолжают охотиться за сведениями, составляющими государственную и военную тайну, прежде всего относящимися к нашему оборонному потенциалу.

Они пытаются использовать в этих целях расширение контактов в экономической и научно-технической областях. Только за 2009 год мы вынуждены были выдворить из Советского Союза более 100 различного рода агентов, эмиссаров, других иностранцев, занимавшихся, как принято выражаться у дипломатов, недозволенной деятельностью. Нам известно, что многие лица в дипломатических, торговых и других официальных представительствах западных стран в Москве, в том числе имеющие дипломатические паспорта, являются кадровыми разведчиками и пребывают тут, конечно, не зря. В отношении их Комитетом госбезопасности ведется необходимая работа. В последнее время органами государственной безопасности арестовано несколько агентов империалистических разведок. Они лезли к самым сокровенным секретам нашего государства и действовали с применением всех средств классического шпионажа...

Работники органов понимают свою роль, свою обязанность способствовать успешному осуществлению внешнеполитических мероприятий, намеченных Центральным Комитетом. Они видят свою задачу в том, чтобы работать гибче, четче, эффективнее, непрерывно совершенствовать формы и методы своей деятельности. Мы понимаем, что нами еще далеко не все сделано, что мы еще в долгу перед партией и советским народом.

Позвольте заверить, что ленинские принципы партийного руководства, связь с трудящимися, неукоснительное соблюдение социалистической законности и впредь будут незыблемой основой деятельности органов государственной безопасности. Советские чекисты при помощи и поддержке Центрального Комитета, Политбюро и местных партийных органов сделают все, чтобы поднять уровень своей работы на высоту задач, вытекающих из внешнеполитического курса нашей партии...»

Конечно, можно попытаться оспорить подобные аргументы «из прошлого», тем не менее, по нашему убеждению, в приводимых словах Юрия Владимировича Андропова содержится немалая доля *исторической правды*. Именно той, о которой ныне кое-кто стремится забыть, и о которой многие молодые граждане России попросту не знают. А между тем, когда в угоду поли-

тической конъюнктуре не только искажается, но и *просто замалчивается историческое прошлое*, эта недалновидная политика лишает современников и потомков возможности делать объективные выводы и извлекать уроки из событий, заблуждений и ошибок прошлого.

Таким «учителям» следует напомнить известную истину. История не выставляет оценок за невыученные уроки! Она лишь наказывает за их незнание!

Немало писалось и говорилось о якобы «ужесточении репрессий» в тот период, когда КГБ возглавлял Ю.В.Андропов. Реальные же *факты противоречат* подобным утверждениям. В этой связи представляется целесообразным подробнее остановиться на этом вопросе.

Подчеркнем также, что всего за 37 с половиной лет существования КГБ СССР к уголовной ответственности за совершение государственных преступлений было привлечено 25095 человек. При этом в 1954–1959 годах за «контрреволюционные преступления» по статье 58 УК РСФСР были осуждены 9406 человек. *В 1960–1990 годах по более чем 18 составам преступлений, отнесенным к подсудственности органов КГБ СССР, были осуждены 14689 человек, 5483 из них – за особо опасные государственные преступления, в том числе 2781 человек по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР.**

Однако в действительности эта общая цифра 25095 вынесенных приговоров включает меньшее число осужденных, поскольку уголовная статистика фиксирует только факт вынесения приговора конкретному обвиняемому, но не учитывает вероятности наличия рецидива, то есть его повторного осуждения. А некоторые из числа лиц, осуждавшихся по материалам органов КГБ, например, В.Буковский, С.Затикян, Э.Кузнецов, С.Махаев В.Никитенко и другие, осуждались неоднократно.

Исключительно исторической правды ради отметим, что согласно данным уголовной статистики, в 1956–1958 годах, когда КГБ возглавлял И.А.Серов, за «антисоветскую пропаганду» по

* В.В.Лунев. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М., 1997, сс. 180, 185.

статье 58-10 УК 1926 года были осуждены 3764 гражданина, при А.Н.Шелепине (1959–1961 гг.), уже по статье 70 УК 1960 года, – 1442, и при В.Е.Семичастном (1961–1967 гг.) – 600.

За те 15 лет, с 1967 по 1982 год, что КГБ СССР возглавлял Ю.В.Андропов, по статье 70 были осуждены 552 человека, и по статье 190-1 были осуждены еще 1353 гражданина, то есть *почти в три раза меньше, чем за предыдущие 10 лет – 1905 против 5806 осужденных!*^{*}

Иллюстрацией к сказанному, является записка КГБ СССР в ЦК КПСС «*О некоторых итогах предупредительно-профилактической работы органов госбезопасности*» (№ 2743-А от 31 октября 1975 г.), подготовленная для рассмотрения на Политбюро «третьей корзины» (третьего раздела – «Гуманитарные вопросы») Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В ней, в частности, подчеркивалось: «...Сопоставление двух периодов: 1959–1966 гг. и 1967–1974 гг. показывает, что *число привлеченных к уголовной ответственности сократилось почти в два раза (с 8664 человек до 4879 человек)*».

По некоторым видам особо опасных государственных преступлений это сокращение еще более значительно:

- за измену Родине *с 1467 чел. до 773 чел.* (в два раза);
- за антисоветскую агитацию и пропаганду *с 2103 чел. до 729 чел.* (почти в 3 раза)».

Безусловно, эта тенденция была обусловлена не «либерализмом» органов КГБ, а повышением эффективности их деятельности по выявлению подготовки преступных действий, а также расширением обще-профилактической и воспитательной работы государственных органов и частно-предупредительной деятельности чекистов.

Соотношение числа лиц, подвергнутых уголовным репрессиям и профилактированных органами КГБ в период с 1967 по 1974 год составляет 1:25, а по такому виду особо опасных государственных преступлений, как антисоветская агитация и пропаганда 1:96.

^{*} Вестник Архива Президента Российской Федерации // Источник, М., 1995, № 6, с. 153.

Комитет госбезопасности принимает меры к дальнейшему совершенствованию предупредительно-профилактической работы».

К записке прилагалась справка, отражавшая статистику привлечения к уголовной ответственности за совершение государственных преступлений в 1959–1974 годы.

Годы	1959–1962	1963–1966	1967–1970	1971–1974
Всего привлечено к уголовной ответственности	5 413	2 513	2 456	2 423
– в том числе за измену Родине	1 010	457	423	350
– за шпионаж	28	8	10	9
– незаконный переход границы	926	613	704	553
– разглашение гос.тайны или утрату документов, содержащих гос.тайну	22	31	19	18
– за антисоветскую агитацию и пропаганду	1 601	502	381	348
– за другие преступления	1 003	1 011	328	258
Профилактировано	централизованного учета не было		58 298	63 108
Объявлено официальное предупреждение (в 1973–1974 гг.)				981
Привлечено к уголовной ответственности ранее профилированных			100	50

Питер Рэддэвей, известный советолог, выступая в Москве на V международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», указывал, что с 1958 по 1966 год за антисоветскую агитацию были осуждены около 6000 человек, а ежегодно в среднем за антисоветскую агитацию и пропаганду осуждалось 254 человека. В тоже время в 1967–1975 годах этот показатель составил 176 приговоров в год, а в 1977–1988 годах – 89 приговоров.*

Особо подчеркнем, что в это же число входят и лица, направленные на принудительное психиатрическое лечение в соответствии со статьями 58 – 61 УК РСФСР или соответствующими им статьям уголовных кодексов союзных республик СССР.

О значении творческого наследия Ю.В.Андропова для сотрудников органов безопасности России свидетельствуют следующие слова бывшего директора ФСБ, секретаря Совета безопасности России Н.П.Патрушева:

«Без сохранения высокой значимости офицерской чести, лучших профессиональных традиций и ценностей, без идеала служения общему благу, а также светлых образов тех, кто на разломе эпох, несмотря на все соблазны нашего непростого времени, остался верен “духу государственного служения” (носителем которого, без сомнения, был и Андропов), вряд ли можно создать эффективную силовую структуру, добиться подлинного авторитета и уважения граждан. А без помощи последних, если общество не доверяет своим спецслужбам, остановить растущую волну международного террора, криминального беспредела и насилия невозможно». Так он писал в статье «Тайны Андропова», приуроченной к девяностолетию со дня рождения Юрия Владимировича (Российская газета, 15 июня 2004 г.).

Андропов подчеркивал: в органах государственной безопасности должны работать хорошо подготовленные, высококультурные кадры чекистов. В этой связи нельзя не сказать о требованиях Андропова к моральному облику, характеру, профессиональной подготовке сотрудников органов госбезопасности, не утративших, по нашему убеждению, своего значения и сегодня.

* V международная конференция «КГБ: вчера, сегодня, завтра». М., 1996, сс. 74–76.

Органы государственной безопасности, по мнению Андропова, — это специальные органы, которые призваны специфическими методами и средствами в пределах своей компетенции *содействовать обеспечению нормальной и безопасной жизни граждан советского государства.*

Но при этом «деятельность органов государственной безопасности должна строго соответствовать историческому процессу развития нашего общества и в первую очередь развитию и совершенствованию современной социалистической демократии... Поддержка и помощь органам госбезопасности со стороны масс являлась и является важнейшим условием эффективности всей чекистской деятельности».

Председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов был уверен в необходимости укрепления связей органов госбезопасности с населением, в необходимости проведения систематической разъяснительной работы, направленной на повышение бдительности граждан. И это объясняется отнюдь не только якобы «идеологией осажденной крепости», превалировавшей-де в советском обществе в те годы, но и *конкретными реалиями «холодной войны»* и жесткого политико-идеологического противостояния.

Уже в одном из своих первых выступлений в новом для него качестве председателя КГБ СССР в конце июля 1967 года Андропов подчеркивал:

«Нам надо беречь и укреплять доверие советских людей, всего советского народа к органам государственной безопасности, потому что это доверие — залог всех наших успехов».*

Главная задача чекистов, неоднократно подчеркивал Председатель КГБ, «пресекать деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества. В сегодняшних условиях обеспечение безопасности — это обеспечение безопасности не только государства, но всего общества от посягательств классового противника».

* Каким должен быть чекист: выступление перед выпускниками ВКШ КГБ в июле 1967 г. // Андропов Ю.В. Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. М., 1984, сс. 99—100.

26 апреля 1971 года председатель КГБ указывал на обязанность чекистов «видеть реально существующие явления и процессы, быстро и оперативно реагировать на изменения в обстановке, пресекать разведывательные операции вражеских спецслужб, находить действенное противоядие против идеологических диверсантов, срывать попытки перенести враждебную деятельность на нашу территорию. ...Было бы неверно закрывать глаза на то, что у нас встречаются еще отдельные люди, которые теряют классовую ориентацию, пасуют перед трудностями, обнаруживают нездоровые настроения, вступают в конфликт с нормами и законами советского общества. Чекисты обязаны правильно оценивать обстановку и видеть, что кое-где в стране есть еще элементы, на которые рассчитывают наши враги, и которые они хотели бы поставить на службу своим подрывным целям. Поэтому понятие высокой бдительности для всех советских людей и сегодня, несмотря на наши огромные успехи, не является понятием абстрактным».

Как руководитель, Юрий Владимирович не мог не обращать самого пристального внимания на методы и стиль работы подчиненных, на вопросы их воспитания и профессиональной подготовки.

В этой связи он подчеркивал: «Имея дело с законом, мы должны самым строжайшим образом соблюдать его и по духу, и по форме. Здесь никаких отступлений быть не может. Органы государственной безопасности должны подавать пример неукоснительного соблюдения законности, быть законопослушными. Быть законопослушным — значит не только *строго соблюдать права и свободы советских граждан*. Это значит также решительно и твердо принимать меры, определенные советскими законами, в отношении тех лиц, которые становятся на путь антисоветских враждебных действий».

Но решительно — это не значит безрассудно: «нашим действиям, — подчеркивал он, — как никогда прежде, необходимы продуманность, прицельность. Надо научиться каждый раз бить точно, без недолетов или перелетов, а, как говорится, “в яблочко”».

Говоря о возрастании значения в жизни страны общественного мнения, Андропов подчеркивал необходимость «учета реакции трудящихся на деятельность органов госбезопасности. Именно поэтому наши действия, наши шаги должны быть понятны массам. Мы должны добиваться того, чтобы трудящиеся понимали каждую нашу акцию, осознавали ее необходимость, оказывали нам необходимую поддержку. Это само собой не приходит. Нужна серьезная разъяснительная работа. Ее нужно проводить еще активнее, чем мы делали до сих пор. Нужно думать о том, как тот или иной шаг будет воспринят советскими людьми. Нужно думать и принимать все меры к тому, чтобы наши акции получали поддержку масс».

Еще в одном из своих первых программных выступлений, обращаясь к выпускникам Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского в июле 1967 года, Ю.В.Андропов подчеркивал, что «в нынешних условиях, когда борьба с врагом происходит в особых условиях быстрого развития научно-технического прогресса и культуры во всех ее сферах... *нужны глубокие знания, всесторонняя подготовка, умение разбираться в сложных переплетениях внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни.*

Сказанное имеет особое значение еще и потому, что за последнее время империализм все больше навязывает нам борьбу на фронте идеологии... Вот почему он пытается подтачивать советское общество с помощью средств и методов, которые с первого раза не укладываются в наше представление о враждебных проявлениях. Более того, можно сказать, что противник ставит своей целью на идеологическом фронте действовать так, чтобы по возможности не переступать статьи уголовного кодекса, не переступать наших законов, действовать в их рамках, и тем не менее действовать враждебно.

...Нам надо беречь и укреплять доверие советских людей, всего советского народа к органам государственной безопасности, потому что это доверие — залог всех наших успехов».

Выступая на собрании комсомольцев центрального аппарата КГБ 23 октября 1968 года, председатель КГБ обращал вни-

мание на следующие обстоятельства: «В такой работе как наша, в силу оказанного нам доверия, в силу того, что эта работа дает нам немалые полномочия и в то же время она в определенной мере закрыта от публичной критики, довольно легко заняться, утратить трезвое, критическое отношение к себе. Вот почему надо быть особенно бдительным. Вот почему скромность есть и всегда будет у нас одним из важных критериев оценки работников.

...Что значит быть на высоте требований? Это значит уметь воспитать в себе и пронести через всю жизнь такие высокие качества, как честность, чуткость к окружающим, умение видеть в людях не только плохое, но и хорошее. Об этом важно помнить, так как в нашей работе часто приходится сталкиваться с изнанкой жизни, самыми неприглядными ее чертами. Все это у людей нестойких может породить известный перекося в мировоззрении, в характере и в отношении к человеку. Для нашей работы такой перекося — дело недопустимое. Чекиста без веры в советского человека, подменивший настоящую острую бдительность болезненной подозрительностью, видящий во всем одно только плохое — это плохой чекиста».

Для Андропова была характерна высокая требовательность к кадрам. «Четкость, конкретность, оперативность — неоднократно подчеркивал он, — должны сочетаться у нас с нетерпимостью ко всякого рода нарушениям и расхлябанности, невзирая на то, какое служебное положение занимает то или иное лицо».

Много внимания как председатель КГБ Андропов уделял проблемам повышения профессионального уровня чекистских кадров. По его убеждению, «профессиональный уровень — это не какая-то “постоянная величина”. Он должен расти по мере того, как меняются и усложняются условия борьбы со спецслужбами противника. Только в этом случае мы сможем быть на высоте. Мало быть хорошо обученным. Тут надо выстоять и победить, мобилизовав для этого все свои волевые и интеллектуальные качества... Надо беззаветно верить в справедливость нашего дела, не поддаваться на провокации, в какой

бы форме они не проявлялись, не забывать, что классовый враг всегда остается врагом, какими бы елейными словами он ни прикрывался.

И еще один вопрос, имеющий самое прямое отношение к воспитанию чекистов. Партия, государство дали нам большие полномочия, право решать в ряде случаев судьбы людей... Мы всегда говорили и говорим о том, что действовать надо осмотрительно, что данные нам права и полномочия использовать надо разумно. Это заставляет нас с еще большей требовательностью относиться ко всем нашим действиям».

Важной составляющей подготовки и воспитания чекистских кадров, как и всей кадровой политики, является вопрос об отношении к гражданам, в том числе преступившим закон, или балансирующим на грани нарушения закона. В многочисленных обращениях Андропова к чекистским коллективам мы можем найти немало указаний на этот счет.

«Решительно пресекая враждебную деятельность, — подчеркивал он еще в апреле 1971 года, — мы должны вместе с тем избегать однобокости, уметь отделять от врага тех лиц, кто случайно попал во враждебную среду, политически заблуждаются или используются противником».

На одном из совещаний руководящего состава органов КГБ в феврале 1979 года Ю.В.Андропов обращал внимание на то, что «чекисты призваны бороться за каждого советского человека, когда он оступился, чтобы помочь ему встать на правильный путь. В этом и заключается одна из важнейших сторон деятельности органов госбезопасности. Она имеет большую политическую значимость, вытекающую из самой гуманной сущности нашего строя, отвечает требованиям идеологической работы партии».

Как известно, с именем Андропова связано образование в системе КГБ подразделений по борьбе с идеологическими диверсиями противника. В связи с тем, что данное обстоятельство нередко используется для критических и даже клеветнических высказываний в адрес Андропова, представляется целесообразным подробнее остановиться на этом вопросе.

23 октября 1968 года, на собрании молодых сотрудников Центрального аппарата КГБ Андропов подчеркивал: «Враг не брезгует никакими средствами. В своем стремлении ослабить социалистические страны, союз между социалистическими государствами, он идет на прямую и косвенную поддержку контрреволюционных элементов, на идеологическую диверсию, на создание всевозможных антисоциалистических, антисоветских и иных враждебных организаций, на разжигание национализма... В идеологической диверсии империалисты делают ставку на идейное разложение молодежи, использование недостаточного жизненного опыта, слабую идейную закалку отдельных молодых людей. Они стремятся противопоставить ее старшему поколению, привнести в советскую среду буржуазные нравы и мораль. Средства подрывной деятельности становятся более изощренными и замаскированными».

26 апреля 1971 года Андропов указывал на обязанность чекистов «видеть реально существующие явления и процессы, быстро и оперативно реагировать на изменения в обстановке, пресекать разведывательные операции вражеских спецслужб, находить действенное противоядие против идеологических диверсантов, срывать попытки перенести враждебную деятельность на нашу территорию. ...Было бы неверно закрывать глаза на то, что у нас встречаются еще отдельные люди, которые теряют классовую ориентацию, пасуют перед трудностями, обнаруживают нездоровые настроения, вступают в конфликт с нормами и законами советского общества. Чекисты обязаны правильно оценивать обстановку и видеть, что кое-где в стране есть еще элементы, на которые рассчитывают наши враги, и которые они хотели бы поставить на службу своим подрывным целям».

Еще одной из актуальнейших задач Андроповым неоднократно называлась борьба с бюрократизмом, «худшим внутренним врагом нового общества», ограждение людей от проявлений бездушия, грубости, формализма и чиновничьего чванства, равнодушия, так хорошо знакомых нам сегодня.

«Таким проявлениям не должно быть места в обществе, строящем коммунизм!» — подчеркивал Андропов. «Чем шире демократия, считал Андропов, чем полнее участие народа в управлении страной, тем выше и ответственность каждого члена общества за общее дело...»*

Можно, конечно, сказать, что в этих словах Андропова содержится немного нового по сравнению с констатацией мудрого спартанского правителя Ликурга о том, что «государство существует, охраняемое личным участием каждого!». Но Андропов не стеснялся черпать идеи из многовекового кладезя человеческой мудрости.

В числе важнейших задач развития страны в политической области Андропов называл *реализацию* на практике *всех возможностей социалистического народовластия*. Но при этом отмечал необходимость неукоснительного соблюдения законности: «Это требование предъявляется ко всем гражданам, независимо от занимаемой ими должности, от характера работы, которую они выполняют. Прочная законность обеспечивает интересы и права советских людей, равно как интересы всего общества в целом».

В отличие от многих других партийных руководителей, также произносивших «правильные» и объективно верные слова, не являвшиеся их подлинными личным убеждениями, выступления Андропова отражали его политическое кредо, что и отличало будущего генсека ЦК КПСС от подавляющего большинства его партийных коллег. При этом слушатели Андропова понимали, верили в искренность его слов и убеждений. Что явилось еще одной составляющей феномена Андропова, который стал политическим и социально-психологическим фактом истории конца XX века.

Весьма интересную оценку деятельности Андропова дали участники круглого стола российского Вольного экономического общества, посвященного 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича.**

* Ю.В.Андропов, Избранные речи и статьи. М., 1983, с. 109.

** Материалы «круглого стола»: Труды Вольного экономического общества М., Том 121, 6/2009, сс. 14–105.

Приведем несколько фрагментов из выступлений.

Мэр Москвы Ю.М.Лужков:

Ю.В.Андропов принадлежал к числу тех руководителей нашего государства, которые за очень короткий период смогли добиться серьезных преобразований в стране.

Но за этот срок он сделал важные шаги по пути преодоления экономических проблем, укрепления дисциплины на производстве, в партийном и государственном аппарате, совершенствования кадровой политики.

Многие из нас, выходцев из советского прошлого, хорошо помнят, как с приходом к власти этого талантливого руководителя с твердой волей и огромным опытом многое вокруг стало меняться к лучшему. В том числе в сфере хозяйственного управления.

...Но в отличие от ужасающего страха 37-го года это было чувство дисциплинирующего порядка, которое побуждало бороться с нерадивостью, расхлябанностью, формализмом, рвачеством. Уважать закон, перед которым равны действительно все, и нет тех, кто «равнее».

«Очищение страхом» привело к административно-бюрократической «встряске», повышению ответственности, контроля и наведению порядка на всех участках партийной, советской и хозяйственной системы.

Был взят курс на рациональное использование материальных, финансовых и трудовых ресурсов, повышение эффективности производства.

Если бы Ю.В.Андропов находился на посту Генерального секретаря хотя бы несколько лет и продолжил свои важные начинания, то наше государство и общество стали бы намного более организованными в реализации своих созидательных целей.

...Сильный национальный лидер, видевший системные проблемы и способы их решения, путем грамотного реформирования не допустил бы развала Советского Союза и сделал бы все возможное для укрепления единого государства.

В отечественную историю XX века короткая, но яркая «эпоха Андропова» навсегда вошла как время созидательных перемен, трагически оборвавшихся.

Научный руководитель ЗАО «Издательский дом «Экономическая газета», профессор В.Ю.Якутин:

Действительно: объективных, выверенных временем суждений все еще очень и очень недостаточно. И юбилей Ю.В.Андропова представляет хорошую возможность еще раз оглянуться на советское прошлое, задуматься о его значении для нашей истории, для нашего будущего.

Встав во главе партии, осуществлявшей, согласно действовавшей тогда Конституции СССР, руководящую и направляющую роль, Андропов получил возможность начать назревшие перемены в общественной, политической и экономической жизни. Прежде всего, Ю.В.Андропов дал общее видение перемен.

В I квартале 1983 года объем производства вырос на 6,3%, а производительность труда – на 4,7%.

Заместитель министра финансов СССР в 1974–1982 годах, первый заместитель председателя Госплана СССР в 1983–1989 годах, академик С.А.Ситарян в книге «Уроки прошлого для будущего. Заметки экономиста» писал об Андропове:

Это был подлинный государственный руководитель страны. Человек, обладающий высоким интеллектом, способный воспринимать все новое, умеющий делать четкие и точные выводы на основе огромного потока самой разнообразной информации. Он был человеком твердых политических и нравственных убеждений.

Знал ли Андронов реальную ситуацию в советской экономике? Понимал ли он всю глубину экономических проблем, которые созрели к тому времени? – Могу сказать ответственно: и знал, и понимал.

Конечно, он считал, что социализм может и должен стать более прогрессивным общественным строем, чем капитализм».

Несомненная заслуга Андропова, – что подтвердили и многие другие участники «круглого стола», – в том, что хотя

бы на время своего руководства он вернул уважение к действительно научной теории развития общества и даже сам предпринял первую за многие годы попытку теоретически разобраться в том, что происходит и может произойти с нашим обществом в близкой и далекой перспективе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О.М.Хлобустов.
Историк, писатель
Феномен Андропова

Жизнь человека – это не только путь к смерти, но и к бессмертию, если природа наделила его талантами и способностями, которые он смог в себе развить и проявить в деле, если эти его личные качества стали притягательными и были оценены по достоинству многими его современниками. Ю.В.Андропов относится к такому типу личности. Он по-праву принадлежит к числу выдающихся личностей и государственных деятелей XX века, и он не случайно так высоко оценен нашими современниками. Его смелая, новаторская деятельность на различных государственных постах – это бесценный опыт творческого отношения к изучению и осмыслению социальных процессов, выработки выверенной, взвешенной политики. Уверен: этот его бесценный опыт не угаснет, он будет востребован.

Сам Андропов неоднократно подчеркивал, что обращение к историческому прошлому необходимо не для того, чтобы «еще раз вспомнить о славном боевом прошлом», а прежде всего для того, чтобы снова обратиться к назревшим проблемам современности, «чтобы на историческом опыте ... учиться решать задачи сегодняшнего дня».

В учебнике для 9-х классов «История государства и народов России» об Андропове говорится, что он «являлся типичным представителем “просвещенного тоталитаризма”». Был широко образован, от природы наделен теми качествами, которые привлекали к нему людей. Обладая незаурядным умом и политической одаренностью, Андропов был одним из немногих высших руководителей страны, известным своей скромностью, личным бескорыстием, даже аскетизмом. Он умел располагать к себе собеседника; писал прекрасные лирические стихи... Андропов был весьма жестким человеком, для которого в принципиальных во-

просах не могло быть уступок». Сказано в целом правильно. Но есть множество и других весьма положительных оценок, причем, оценок, которые дает Андропову народ наш. Вот лишь некоторые из них.

Осенью 1991 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опрашивавшимся лицам был предложен следующий прожективный вопрос: «Кого из названных государственных, общественных и культурных деятелей России и СССР будут вспоминать через десятки лет?».

Ю.В.Андропова тогда назвали 32% респондентов. На втором месте оказался писатель М.А.Булгаков (15% ответов), за ним следовали В.И.Ленин (11%), М.С.Горбачев (9%), Б.Н.Ельцин (7%), А.Д.Сахаров (6%).

И как бы ни показалось это парадоксальным, но этот народный прогноз полностью подтвердился через 15 лет. Приведем еще один факт.

В 1996 году интервьюерами ВЦИОМа респондентам был предложен вопрос: «Кто из следующих руководителей обеспечивал такой порядок в стране, который сегодня устроил бы вас больше всего?». Опрашивавшиеся лица отдали явное предпочтение Ю.В.Андропову (19% ответов), И.В.Сталину (12%) и Л.И.Брежневу (11%).

Как бы то ни было, но наши сограждане предпочли «эпоху застоя», с которой связана деятельность Андропова на посту руководителя органов безопасности, которую немало ругали наши СМИ, особенно начиная с 1987 года.

Поэтому парадоксальным может показаться тот факт, что в 2001 году 36% из 1600 респондентов назвали СССР времен Л.И.Брежнева *периодом, когда люди в наибольшей степени ощущали себя полноправными гражданами своей страны*. Современная же Россия, повторимся, в 2001 году, аналогичную оценку получила только у 33% опрошенных.

Приведенные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что Андропов пользуется высоким авторитетом у наших сограждан, что, разумеется, не может исключать и иных взглядов и оценок его деятельности на занимавшихся им постах.

Подлинный феномен заключается в том, что, как выяснила старейшая российская социологическая служба «Левада—центр» в ходе проведенного в апреле 2006 года опроса, *Юрий Владимирович Андропов воспринимался нашими современниками как лучший руководитель страны в XX веке.*

Основной вопрос «юбилейного» опроса, предложенный респондентам, был сформулирован следующим образом: «Как вы в целом относитесь...», и далее приводились фамилии 10 руководителей России в XX веке (за исключением А.Ф.Керенского и К.У.Черненко).

Конфигурация вопроса предоставляла респондентам 8 вариантов возможных ответов: два нейтральных («безразлично» и «затрудняюсь с ответом»), и по три варианта оценочных суждений — позитивных («с восхищением», «с уважением», «с симпатией») и негативных («с неприязнью, раздражением», «со страхом», «с отвращением, ненавистью»).

Предложенная методика позволяла производить многоаспектный и многомерный анализ полученных эмпирических данных: по суммам позитивных или негативных оценок, по их разности, что дает наиболее взвешенную оценку общественным сознанием исторической роли каждого из перечисленных государственных деятелей.

Но и два первых из названных выводных показателей также представляются достаточно значимыми.

Думается, что и для заказчиков, и для исполнителей исследования, немалым сюрпризом стал тот факт, что наибольшими симпатиями наших сограждан пользовались В.И.Ленин и Ю.В.Андропов (по 47% позитивных ответов), Л.И.Брежнев и Николай II (по 39% позитивных ответов), И.В.Сталин (36%), Н.С.Хрущев (28%), М.С.Горбачев (20%) и Б.Н.Ельцин (12%).

Наибольшее же количество негативных оценок, по суммам соответствующих вариантов ответов, у наших сограждан получили Б.Н.Ельцин (57% негативных ответов), М.С.Горбачев (44%), И.В.Сталин (38%), В.И.Ленин (16%), Н.С.Хрущев (15%), Л.И.Брежнев (12%). По 7% негативных оценок получили Ю.В.Андропов и Николай II.

Можно предположить, что окончательный исторический итог общественным сознанием современников действий и деяний указанных исторических персонажей на высших государственных постах подводит разность показателей их позитивной и негативной оценки.

И здесь безусловным лидером симпатий являлся Ю.В.Андропов – разность позитивных и негативных оценок его деятельности составляла 40 пунктов.

Затем по этому показателю следовали Николай II (32 пункта превышения позитивных оценок над негативными), В.И.Ленин (31), Л.И.Брежнев (27), Н.С.Хрущев (13). Преобладание негативных оценок над позитивными имелось у И.В.Сталина (минус 2% ответов), М.С.Горбачева (минус 24%), Б.Н.Ельцина (минус 40%).

Как утверждали древние мудрецы: vox populi – vox Dei (глас народа – глас божий)!

Можно сказать, что данный социологический «замер» подводит значимый итог под оценкой нашими современниками драматической истории страны в XX веке и конкретных ее действовавших персонажей.

Разумеется, нельзя не считаться с тем, что в последующие годы, в связи с увеличением удельного веса в возрастной структуре населения его молодых когорт, не осведомленных или мало осведомленных о подлинной истории нашей страны, эти оценки будут закономерно меняться.

Однако приведенный нами социологический срез, «фотография» общественного мнения уже начала XXI века, важны и ценны именно тем, что они содержат исторические оценки современников второй половины прошлого века. В этом их непреходящая историческая ценность.

В чем же состоит этот неразгаданный «феномен Андропова», феномен уже XXI века? Его «секрет», как пишут авторы настоящей книги, заключен в незаурядной личности председателя КГБ СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова.

Официозная «Российская газета» писала 14 июня 1999 года в неюбилейную дату восьмидесятипятилетия со дня рождения

Юрия Андропова: «Эта неординарная личность заслуживает глубокого изучения. Потому что его короткая деятельность на посту Генерального секретаря ЦК оставила яркий след, вскрыв негативные тенденции в развитии общества, с которыми общество должно вести решительную борьбу. Ту самую, которую начал, но не сумел довести до конца Андропов».

Авторы же исторического энциклопедического справочника «Россия» нашли возможным сказать об Андропове лишь следующее:

«Краткое пребывание его у власти запомнилось разве что разговорами о борьбе с взяточничеством да невиданными на памяти советских людей мерами по укреплению дисциплины... Эти полицейские, по существу, меры должны были бы наводить страх, но почему-то стали в основном предметом шуток».

В помещенной в первом томе новейшей Большой Российской энциклопедии биографической статье об Андропове отмечается, что Юрий Владимирович «способствовал совершенствованию деятельности КГБ СССР. Инициатор создания Пятого управления КГБ по борьбе с идеологической диверсией, одной из задач которого являлась борьба с инакомыслием. Сторонник введения советских войск в Афганистан... (1979 г.)

В период пребывания на руководящих постах (имеются в виду посты Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР — О.Х.), Андропов впервые официально признал наличие трудностей и противоречий, присущих советскому обществу. В теоретической статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» (1983 г.) предостерегал от «возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма»... Пытался улучшить экономическое положение страны путем повышения эффективности управления без изменения основных принципов развития социалистического хозяйства. Развернул борьбу с коррупцией, нарушениями партийной, государственной и трудовой дисциплины, что привело к значительным кадровым переменам... Впервые обнародованы и подверглись критике факты застойных явлений в экономике, невыполнение планов, торможение научно-технического прогресса и др.».

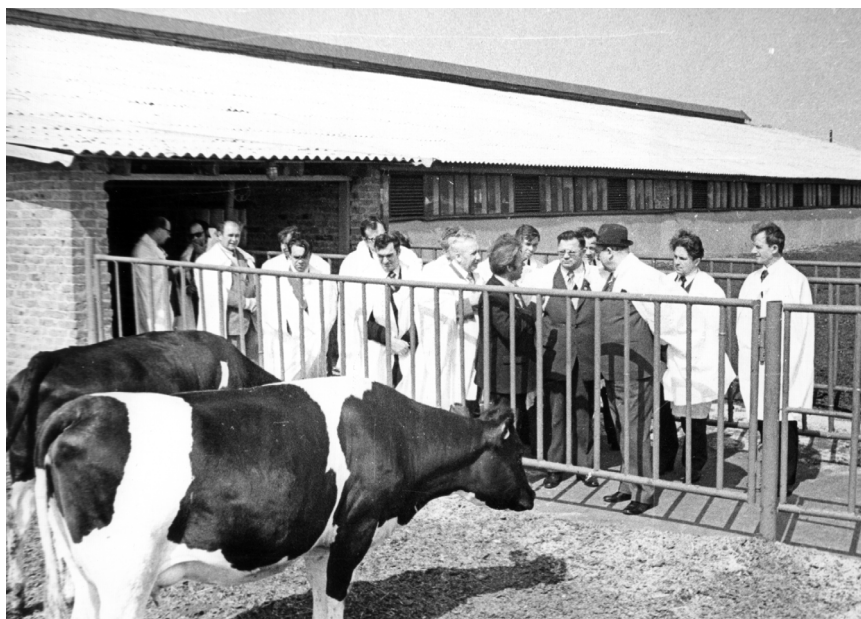
Существуют, естественно, и иные взгляды, мнения и суждения о деятельности Андропова, прежде всего на посту председателя КГБ. Но всегда ли они объективны и обоснованны, а приводимые в их подтверждение аргументы и «свидетельства» достоверны? В представленной книге читатель найдет ответы на эти вопросы.

И вот еще что хотелось бы отметить: Андропова очень высоко ценили за рубежом противники, с которыми он вел борьбу, находясь на посту председателя КГБ СССР. Его всесторонне изучали как феноменальную личность, как крупного государственного деятеля и относились к нему с уважением как к достойному сопернику. В одном из интервью бывший начальник управления нелегальной разведки генерал-майор Ю.И.Дроздов приводит следующий необычный пример. В середине 90-х годов один из наших сотрудников, который поддерживал контакты с ФБР по поводу обмена наших товарищей, которые тогда сидели в центральной нью-йоркской тюрьме, при посещении кабинета отделения ФБР в штате Нью-Джерси, увидел на стене портрет Андропова и очень удивился этому. Ответ был такой: «А чего ты удивляешься? Я что, не могу повесить у себя в кабинете портрет руководителя лучшей разведки мира?».

Кому адресуется эта книга? Прежде всего, читателям в возрасте от 18 до 40 лет. Потому что как для одних, так и для других, события, о которых идет речь, являются уже далекой и, по сути дела, неизвестной историей.

Но ведь об Андропове писалось немало и ранее. В чем же специфика данной книги? Она в рассказе об Андропове людьми, работавшими с ним в период его пребывания на различных государственных постах. Ведь, помимо того, что уже говорилось и писалось об Андропове, не меньшее значение имеет и то, о чем не писалось и не говорилось! Авторы ставили перед собой целью помочь современному читателю лучше узнать и понять недавнее прошлое нашей Родины, о котором в последние десятилетия говорилось много, но при этом далеко не всегда правдиво, объективно, с опорой на реальные факты и документы.

Не навязывая читателю собственной точки зрения и оценок, мы стремились лишь дать ему информационно насыщенную основу для самостоятельных раздумий и выработки собственных оценок, выводов и суждений.

Будучи кандидатом на выборы в Верховный Совет СССР по Ступинскому избирательному округу Московской области, Ю.В.Андропов ознакомился с рядом сельскохозяйственных предприятий Каширского района. Встреча с тружениками колхоза имени Ленина. 10 июня 1975 г.

*Тульская область, Каширский район.
Июнь 1975 г.*

*Тульская область, Каширский район.
Июнь 1975 г.*

*Член Политбюро Г.В.Романов встречает Ю.В.Андропова в аэропорту Ленинграда.
Август 1978 г.*

*Ленинград, «Смольный».
Август 1978 г.*

Ю.В. Андропов прощается в своем кабинете на Лубянке с руководством КГБ. Он переходит на Старую площадь в связи с избранием на пост Секретаря ЦК КПСС по идеологии. Москва, май 1982 г.

*Ю.В.Андропов со своим помощником В.В.Шараповым перед встречей с зарубежной делегацией.
Осень 1982 г.*

Встреча в Кремле с Первым секретарем ЦК Компартии Кубы, Председателем Государственного Совета и Совета Министров Республики Куба Фиделем Кастро Рус. Москва, 16 ноября 1982 г.

Встреча с Председателем Президиума СФРЮ П. Стамболичем и Председателем Президиума ЦК СКЮ М. Рябичичем. Москва, 16 ноября 1982 г.

*Встреча с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ,
Председателем Государственного Совета ГДР Э.Хонеккером.
20 декабря 1982 г.*

*Встреча с Первым секретарем ЦК ВСРП Я.Кадаром.
20 декабря 1982 г.*

*Встреча в Кремле с Генеральным секретарем ЦК Румынской Компартии,
Президентом СРР Н. Чаушеску.
Москва, 21 декабря 1982 г.*

*Встреча в Кремле с Первым секретарем Польской объединенной рабочей партии,
Премьер-министром Польской Народной Республики В. Ярузельским.
Москва, 23 декабря 1982 г.*

*Встреча в Кремле с Генеральным секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателем Великого народного хурала МНР, Ю.Цеденбалом.
Москва, 24 декабря 1982 г.*

*Президент Густав Гусак встречает на аэродроме Ю.В.Андропова.
Прага, 4 января 1983 г.*

Совещание Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского Договора. Прага, 4 января 1983 г.

Ю.В.Андропов подписывает документы совещания ПКК. Прага, январь 1983 г.

*Главы делегаций на совещании Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского договора.
Янош Кадар (Венгрия), Тодор Живков (Болгария), Юрий Андропов (СССР),
Густав Гусак (Чехословакия), Эрих Хонеккер (ГДР), Николае Чаушеску
(Румыния), Войцех Ярузельский (Польша).
Прага, январь 1983 г.*

*С Густавом Гусаком во время совещания ПКК.
Январь, 1983 г.*

*Встреча с Председателем партии Фрелимо,
Президентом Народной Республики Мозамбик
Саморой Машелом.
Москва, Кремль, 2 марта 1983 г.*

*Осень 1983 г.
Одна из последних фотографий.
Юрий Владимирович тяжело болен.*

*Прощание с Ю.В. Андроповым в Колонном зале Дома союзов.
В почетном карауле помощники Андропова: П. Лаптев, В. Шаратов, Е. Калгин.
11 февраля 1984 г.*

Источники:

1. Ю.В.Андропов. Избранные речи и статьи. М., 1983, с. 52.
2. А.А.Данилов, Л.Г.Косулина. История государства и народов России. XX век. Учебник для 9-х классов. М., 2001, сс. 356, 387–388.
3. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., ВЦИОМ, 2003, № 1, с. 19.
4. Б.В.Дубин. Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., ВЦИОМ, 2003, №№ 1,2.
5. Сравнительные оценки руководителей страны в XX веке. Пресс-выпуск 10 мая 2006 года, <http://www.levada.ru/press/2006051001.html>.
6. Россия: Полный энциклопедический иллюстрированный справочник. М., 2002, с. 369.
7. Большая Российская энциклопедия. Том 1. М., 2005, с. 742.
8. Юрий Дроздов. Россия для США – не поверженный противник. Интервью, 5 марта 2011 года, <http://www.fontanka.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Стенограмма выступления Андропова перед руководством КГБ СССР в день его перехода на работу в ЦК КПСС 18 мая 1982 года	7
А.Г.Сидоренко	Жизнь, отданная служению Отечеству 10
А.И.Лукиянов	Вспоминая Юрия Владимировича Андропова..... 94
Ф.Д.Бобков	15 лет в одном строю с Юрием Владимировичем 100
Ю.И.Дроздов	Ю.В.Андропов и нелегальная разведка 127
Г.Н.Зайцев	Создатель группы «Альфа» 155
В.В.Шарапов	Андропов: совершенствование социализма необходимо и возможно 166
Н.В.Губернаторов	Обновление и подготовка кадров органов КГБ при Ю.В.Андропове 203

С.А.Кондрашев	Мои впечатления о Ю.В.Андропове	224
В.Г.Митяев	Стиль работы Ю.В.Андропова и его отношение к людям.....	229
И.Ю.Андропов	Ю.В.Андропов в должности посла во время венгерских событий	247
В.Н.Каземиров	Во время контрреволюционного путча в октябре 1956 года в Будапеште.....	273
О.М.Хлобустов	О творческом наследии Ю.В.Андропова	285
ПОСЛЕСЛОВИЕ		310

АНДРОПОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ
СОРАТНИКОВ И СОСЛУЖИВЦЕВ

Директор *А. Кацавцев*
Художественное оформление *А. Стрельченко, Д. Осипова*
Редактор *Ю. Король*
Верстка *И. Сидорова*

Подписано в печать 22.08.2011. Формат издания 60 x 90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.
1-е издание. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Артстиль-Полиграфия»
109004, г. Москва, Тетеринский пер., д. 16, стр. 1

Издательство ООО «Артстиль-Полиграфия»
E-mail: office@as-print.ru

ISBN 978-5-9902343-4-5

При оформлении обложки использован снимок,
предоставленный Агентством РИА «Новости»